

ISSN 0868-6440

литературно-художественный
и общественно-политический
журнал

ЗВЕРЬ

издание Союза писателей
Северной Осетии - Алании

3'98

июль - сентябрь

ЫРЬЯ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ

ВЛАДИКАВКАЗ

1 • 9 • 9 • 8

Литературно-художественный и общественно-политический журнал

Издание Союза писателей Республики Северная Осетия-Алания

Выходит с 1991 года

**Главный редактор
Р.Х.ТОТРОВ**

Редакционная коллегия:

Г.А.ТЕДЕЕВ
ответственный секретарь

А.А.ГАЛАЗОВ
ред. отдела публицистики

Р.С.ГИБИЗОВ
зав. издат. отделом

Редакционный совет:

И.Г.ГУРЖИБЕКОВА

К.Ц.ГУТИЕВ

В.В.ДЕГОЕВ

А.А.ДЗАНТИЕВ

Л.Б.ДЗУГАЕВ

А.А.МАГОМЕТОВ

С.М.ХАБЛИЕВ

К.Х.ХОДОВ

В.М.ЦАГОЛОВ

3 98

(32)

ИЮЛЬ-СЕНТЯБРЬ

Адрес редакции:
362040,
г.Владикавказ
пр. Мира, 25
Тел. 33-60-30
33-58-10

Рукописи
не возвращаются
и не рецензируются

Формат бумаги 60x90 1/16
Бум. тип. № 1 высококаландрированная
Печать офсетная. Усл.п.л.16,5

Полиграфическое предприятие «Рухс»
362015, г.Владикавказ, пр. Коста, 11

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

ИЗ ГРУЗИНСКОЙ ПОЭЗИИ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
И КРИТИКА

ПУБЛИЦИСТИКА

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ
ИСКУССТВО

ИСТОРИЯ ИСКУССТВА

ДАЛЕКОЕ И БЛИЗКОЕ

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

НАУКА И КУЛЬТУРА

КРИТИКА
И БИБЛИОГРАФИЯ

4	Илас АРНИГОН. Песнь одинокого. <i>Стихи.</i> Перевод с осетинского С.Куняева. Послесловие А.Кодзати
12	Мелитон КАЗИТЫ. Доза. <i>Рассказ.</i> Перевод с осетинского И.Булкаты
26	Юрий БОЦИЕВ. Шутки богов. <i>Стихи</i>
32	Сафар ХАБЛИЕВ. Древо жизни. <i>Роман.</i> Перевод с осетинского О.Хаблиева
78	Галактион ТАБИДЗЕ. «Вечерком, глухой дорогой...» <i>Стихи.</i> Перевод с грузинского А.Санакоева
84	Нугзар Цховребов. Зерно европеизма. Писатели «русского зарубежья»: Гайто Газданов
150	И.Л.ОМЕЛЬЧЕНКО. Рассказывание терского казачества
144	Мадина АТАЕВА. Мерцающий образ мифа
156	Павел ЯДЫХ. 24 этюда о музыке Осетии
185	М.И.АЛКАЦЕВ. Музыкальные зарисовки
192	Валерий ЦАГАРАЕВ. Золотая яблоня нартов. Продолжение
214	Борис АЛБОРОВ. Осетинские абречьи песни. Продолжение
230	Т.Е.ДЗЕРАНОВ. Влияние монотеистических форм религии на духовную культуру осетин
240	В.С.ГАЗДАНОВА. Образ Уастырджи в религиозно-мифологических представлениях осетин
260	Тамара ХЕТАГУРОВА. Восхождение

ИЛАС АРНИГОН

К 110-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

ПЕСНЬ ОДИНОКОГО

ТЫ ВСПОМНИ МЕНЯ

В слепой укоризне
Покинув отчизну, —
Ты вспомни меня...
И, песней слезной
Под бездной звездной
Дорогой поздней
Тревожа коня, —
Ты вспомни меня...

Луна одиноко
Глядит на дорогу, —
Ты вспомни меня...
Но полночь настанет,
И конь твой устанет,
И призраки встанут,
К могиле маня, —
Ты вспомни меня...

Вконец утомленный,
Приляжешь ты, сонный, —
Ты вспомни меня...
Пройдут хороводом
Минувшие годы,
Тревоги, невзгоды
Ушедшего дня, —
Ты вспомни меня...

Враги на дороге,
Беда на пороге, —
Ты вспомни меня...
Нет сил уже биться —
И кровь будет литься,
Из раны струиться
Полоской огня...
Ты вспомни меня...

НЕСЧАСТНАЯ ОСЕТИЯ

Мы, сыны лихолетья,
Чтоб не впасть в забытье,
Верим — бьется, Осетия,
Сердце твое.

Но от тяжких стенаний
Я душой занемог.
Слышать этих страданий
Был не в силах, не смог.

На чужбине неведом
И не слышен твой плач.
Исцелитель твой — где он,
Где твой истинный врач?

В одиночестве плача,
Ждешь своих сыновей...
В одиночестве плача,
Ждешь своих дочерей...

Как и я, твои дети,
Скрылись в северной мгле.
Сирий кров твой, Осетия,
Преклонился к земле...

Все в проклятье, в позоре
Без мечтаний и грез,
Ты в болезни и в горе
Погибаешь от слез.

Между 1911 и 1915

ПРОЩАЙТЕ

Прощайте, люди, горы, реки.
Уж сердце не выносит боль
Той жизни, что меня навеки,
Земля, поссорила с тобой.

По черным осетинским склонам
Дорог не вижу — все черно,
Предаться крику, плачу, стонам —
Мне остается лишь одно...

Я ухожу, о горы, боже,
Не оторваться мне от вас!
Однако вы живым, похоже,
Меня в последний зрите раз!

Я ухожу, но горе, горе!
Вдали от гор мне жизни нет.
На злой чужбине или в море
Погибну я во цвете лет.

Оглядываюсь издалека —
Вы вслед мне смотрите, как мать,
Что, проводив дитя Востока,
Одна осталась умирать.

Чужие ждут меня дороги...
А где умру — не все ль равно?
Но эти милые отроги —
Вы в моем сердце, как тавро.

Между 1911 и 1915

ПЕСНЯ

Жизнь! Зачем дополнила
Ты наполнила грудь
Черной скорбью? Она
Не дает мне вздохнуть.

Где мой путь? Вдалеке...
Не хочу, не иду.
Без подруг — налегке.
Без опеки. В бреду.

А теперь предо мной
Распахнулась земля.
Ты, беда, — ангел мой,
Ты опора моя.

Редко в сердце моем
Загорался огонь,
Но при виде твоём
Исчезал, словно конь.

Красно солнце взойдет —
Но, тебя увидав,
Иль во мгле пропадет,
Иль бледнеет стремглав.

Ты хлестнула меня —
Враз морщина на лбу...
Ты тоской по края
Наполняешь судьбу.

Между 1911 и 1915

ПЕСНЬ ОДИНОКОГО

Соловей, ты звонкой трелью
Душу рвешь на части!
Зря ты над моей постелью
Песнь поешь о счастье!

Безрассудный! Нет, не надо
Петь о сладкой жизни.
Солнцу уж душа не рада,
Словно я — на тризне.

Улетай скорей, жестокий,
Чтобы я не слышал
Твою песнь!.. Я одинокий
Под печальной крышей...

У меня на сердце зависть:
Жизнь тебе в уладу...
Ты подругу приласкаешь —
И подруга рада.

СИРОТА

Когда скончалась мать,
Ушла в иной предел,
Осиротел очаг,
Малыш осиротел.

Что делать, как же быть?
Ответа не найти.

От горя и от бед
Младенцу не уйти.

Одарит жизнь его
Страданиями и злом.
На сердце ляжет тень,
Пещерой станет дом.

Он счастье найдет
В собачьей конуре.
Одарит жизнь его
Костями во дворе.

Он примет от людей
Упреки и навет.
И камни полетят
Несчастному вослед.

А если кое-как
Он вырастет с трудом,
То разве станет он
За зло платить добром?

Он в сердце скопит зло.
Пройдет немного лет —
И своему врагу
Он бросит камень вслед.

Между 1911 и 1915

ПТАШКА

О пташка, я должен
Спросить у тебя:
Полжизни я прожил —
В чем смысл бытия?

С утра и до ночи
Ты звонко поешь.
Сказать мне не хочешь,
Чем мир твой хорош?

Глядишь безыскусно,
И взоры милы...
Скажи: твои чувства
Бывают ли злы?..

О, если б сравниться
С такими, как ты,
Взрастить бы крупницу
Твоей чистоты...

Между 1911 и 1915

УАСТЫРДЖИ

Ночью и днем, отправляясь из дому,
Воры, святые, друзья и враги –
Имя, что издавна сердцу знакомо,
Все мы твердим, как мольбу – помоги!

Блага и мира пошли осетинам,
Ищем твой взгляд, как священный огонь.
Да не затопчет нас в черных долинах,
О златый Уастырджи, резвый твой конь!

Между 1911 и 1915

Перевод с осетинского Станислава Куняева

«ЗАРЫВ ЖЕЛАНЬЯ В ЗЕМЛЮ»

Выразитель сокровенных чаяний своего народа. Поэт в истинном смысле этого слова. Таков Илас Арнигон (Газак Иласович Тогузов).

В пятилетнем возрасте лишившись отца, он был обречен на бесконечные мытарства. После окончания начальной школы Газак продолжил нелегкую учебу в Ардонской духовной семинарии. Нелегкую потому, что учеба сама по себе давалась ему трудно. Нелегкую еще и потому, что молодой поэт испытывал постоянную материальную нужду. Наконец, «нелегкую» потому, что, по словам известного педагога и публициста Г. Дзасохова, в семинарии «национальные чувства осетин... постоянно оскорблялись, занятие родной литературой преследовалось, учеников заставляли испытывать всякие нравственные унижения с целью подавления в них национальной «осетинской гордости».

Окончив семинарию в 1909 году, Арнигон стал учительствовать в школах Куртатинского ущелья. Преподавал русский язык, параллельно прививая детям любовь к родному языку. Это последнее обстоятельство слишком дорого обошлось поэту – он лишился не только работы, но и ... родного края: в результате стычки с инспектором школ разразился громкий скандал, после чего Арнигон, боясь ареста, был вынужден уехать в далекую Манчжурию. Однако и здесь не пришел конец его злоключениям. Поиски работы в условиях полуголодного существования долгое время ни к чему не приводили. Безуспешная попытка поступить в Восточный институт во Владивостоке тоже не могла не сказаться на настроении молодого человека. Казалось, долгим скитаниям в поисках пристанища и средств на пропитание, унижениям и оскорблениям «на злой чужбине» не будет конца.

Весной 1915 года ему повезло: он становится студентом Восточного института, одновременно работая конторщиком в управлении Добровольного флота. Институт окончил в 1918 году. Через год Арнигона призывают в армию Колчака, хотя из-за атрофии глаза он был «признан совершенно неспособным к военной службе».

Комиссия проигнорировала этот факт, и глухой ночью Арнигону пришлось бежать с призывного участка и «зайцем» добираться до Харбина, а оттуда в г. Цицикар. Тяжелая болезнь на целый год лишает его средств к существованию. Харбин, Цаган, Бухеду, Хандаоходзцы – вот города и железнодорожные станции, где поэту приходилось то в частном порядке, то в государственных школах давать уроки русского языка. Особенно трудно стало ему в период конфликта на КВЖД (1929). Китайские грабители – хунхузы – орудовали всюду, сотнями уводили советских граждан, а затем требовали выкупа от их родственников. (Кстати, действия нынешних бандитов Северного Кавказа, занимающихся захватом заложников сродни действиям китайских разбойников с той лишь разницей, что китайские хунхузы были более совестливы по отношению к своим жертвам). В числе пленных оказался и Арнигон. Около трех недель находился он в заточении у хунхузов. Затем был освобожден благодаря его другу по работе Ваньну, внесшему выкуп за Арнигона.

За все эти злосчастные годы поэта ни на минуту не покидали думы о родной Осетии. Чувство любви к родному народу толкнуло его и на создание «Осетинской грамматики», которую он издал в Харбине в 1934 году на свои средства в десяти экземплярах.

В сентябре того же года он возвращается в Осетию и начинает работать в национальном книжном издательстве, лелея одну-единственную мечту: потрудиться на ниве родной словесности. Но мечте его не суждено было осуществиться. Вскоре в стране началась кровавая вакханалия. Поиски «буржуазных националистов», «наймитов фашизма», «врагов народа», «агентов империализма», «диверсантов и предателей» обернулись бесконечными арестами и гибелью миллионов ни в чем не повинных людей. В одной только Северной Осетии было репрессировано и уничтожено около 15 тысяч человек.

Иласа Арнигона взяли 10 сентября 1936 года. 5 января 1938 года поэт был расстрелян. Рукописи его уничтожены чекистами. До нас дошли лишь те его произведения, которые были опубликованы в периодической печати еще при жизни автора.

В трагической судьбе поэта самым парадоксальным кажется то, что он одинаково пострадал как от царского режима, так и от диаметрально противоположной ему коммунистической диктатуры. Впрочем, слово «одинаково» сюда не подходит, так как царские власти по сравнению с большевиками оказались более гуманными: первые лишили поэта родины, а вторые – жизни.

Ахсар КОДЗАТИ

МЕЛИТОН КАЗИТЫ

ДОЗА

РАССКАЗ

В оформлении использована скульптура Сосланбека Едзиева

Когда в селе дела идут хорошо, то вряд ли стоит бить себя кулаком в грудь, изобличая несуществующие пороки! А Армау?.. Да какое уж это село, если в нем дворов-то раз, два и обчелся, а честь и славу его приходится поддерживать старикам. Что и говорить, жизнь уже не та! Раньше, бывало, во время вечерних игр и плясок земля тряслась под ногами молодежи, а теперь... Сами знаете — как теперь! Из тех, кто решил покинуть Армау в надежде на более легкий хлеб, одни разбежались по окрестным селам, точно перепела во ржи, а другие и вовсе побросали свои очаги и подались в большие города. Якобы для получения образования. Нынче пустующие дома на попечении престарелых, которые и сами-то еле волочат ноги. А если осталась молодежь, то это зря, потому что Армау не возродишь, ставя современные кирпичные дома. Нет, не спасешь притулившийся к дубняку Армау, который издали напоминает линяющего быка, жующего жвачку под кустом. По утрам детвора спешит в школу — в соседнюю деревню, а старики — кто на покос, кто в лес, и село словно вымирает. В такое время дворовые псы умолкают в мрачном одиночестве, будто кто заворожил их или помазал им морды отваром шайтан-травы.

В прошлом году июнь выдался знойный, ядреный. На сельчан вдруг навалилась столько работы, что они не успевали разогнуть спины. Впрочем, стоило только повстречаться двум женщинам, как они, забыв обо всем, затевали долгий разговор вполголоса, с многочисленными ухмылками и горячими перешептываниями. И никто не знал, о чем они шушукуются. Так продолжалось до тех пор, пока вдруг не стал известен предмет всеобщих пересудов. В один прекрасный день по селу прокатился слух, будто Доза собрался жениться.

Земля слухами полнится. Но не всякому слуху надо подставлять ухо. Доза давно перешагнул восьмой десяток, и его женитьба казалась, по крайней мере, легкомысленной. Но в то же время было известно, что слова у него редко расходятся с делом. Вот и гадай, где правда, а где ложь!

Говорят, он с детства был угрюм. Когда бабка-повитуха приняла его на руки, он, оказывается, вместо того, чтобы припасть губами к материнской груди, повел носом в противоположную сторону, нюхнул воздух и прикрыл глаза. С тех пор ему было все равно, где спать, на коленях ли матери или рядом с соседским косматым псом Корисой. Если же малышу взбрело в голову поиграть, что случалось довольно редко, он отыскивал два камня и начинал ими стучать, пока у близких не лопалось терпение, или же пока он невзначай не ударял себя по пальцам. А ежели одолевала усталость, то стой он хоть посреди лужи, тут же ложился и засыпал мертвецким сном.

Не знаю, кто первым рассказал эту историю, но если верить сплетням, то, увидев младенца Доза, бабки решили, что он не жилец на белом свете, потому как не ревел, не плакал, и хотя только что покинул материнское чрево, признаков жизни не подавал, разве что дышал по-богатырски. А некоторые и вовсе распустили языки, длинные, как отсюда до Алагира, дескать, ничего удивительного, Доза и в материнском чреве ни разу не шевельнулся, чем довел до отчаяния беременную женщину. Она чуть было концы не отдала. Но все же взяла себя в руки, и этому помогло то, что однажды ночью до нее из собственной утробы доносился смачный храп. Так люди рассказывают, будь они неладны!

Когда мать собиралась по делам, ни одному из сельчан не приходило в голову спросить: да что же это ты, милая, нарядилась, на кого мальчика грудного покидаешь? Не было в них тревоги. Вроде как не нужна была ребенку кормилица или нянька какая. Люльку выносили на лужок возле дома, привязывали к ней дойную козу-трехлетку, и отошедший от богатырского сна малец хватался за ее тугие сосцы мертвой хваткой. Вот тебе и нянька, и кормилица!

Оперившись, Доза замкнулся в себе и стал своенравным и упрямым, точно тот дурачок-ослик, и это его упрямство сослужило ему дурную службу. Что подлаешь! А о семье его и говорить нечего. Ох, и хлебнула она с ним горяшка! К примеру, вот эта штука с длинной ручкой называется мотыгой. Мотыгой! А Доза, хоть тресни, не согласен. Не мотыга, мол, и баста! А что же это, родненький, как не мотыга? Что, что! Вилы! Глядите! И Доза этими самыми «вилами» принимался убирать запущенное гумно, засыпать амбар пшеницей и укладывать сено. Так-то, люди добрые! То, что вилы — не мотыга, это каждый простак кумекает, но когда у человека порядком и силенок, и воли, то мотыга вполне может превратиться в вилы, а вилы — в мотыгу. А сил у Доза было хоть отбавляй. Он запросто мог выпустить врагу кишки и заставить его отнести их к сельскому фельдшеру.

Так люди рассказывают, будь они неладны, но правда это или ложь, — один бог ведает! А еще говорят, что в детстве Доза пристрастился к одной ложке, которую таскал с собой повсюду, и если случалось, что он забывал ее где-нибудь, то не притрагивался к пище. В конце концов, он пометил ее насечкой, чтобы не спутать с другой, просверлил дырку в ручке и подвесил к поясу на бечеву.

Когда Доза стукнуло семь лет, он ни с того, ни с сего заладил: хочу вместе с отцом идти в пастухи. Но тут мать встала поперек дороги, расставила руки и заверещала: ах, ты паршивец, куда собрался? У тебя вон еще и молоко на губах не обсохло, не знаешь, в какую сторону писать в ветер, а туда же! Сиди уж лучше, а то, неровен час, уснешь где-нибудь под кустом и слизнет тебя олень вместо соли. Поверить трудно, люди добрые, но сопляк Доза настоял на своем! С тех пор и пасет стадо. Поначалу он просто помогал отцу, затем нанялся в батраки, да так и стал ходить по горам и долам с пастушьей дубинкой в руках, сопровождая чужую скотину. И когда в селе Армау вихрем пронеслась коллективизация, Доза первым погнал колхозный скот на пастбище.

А недавно повздорил с заведующим фермой. А все из-за чего? Из-за пустяка. Тот позвал Доза поутру и заявил, что с каждой сотни овцематок надо получить по сто десять ягнят приплода.

— Не могу припомнить, чтобы по моему недосмотру издохла хоть одна овечка, — ответил ему Доза.

— Так-то оно так, — поскреб макушку заведующий, — но теперь придется взяться за дело с двойным усердием.

— Гм! — усмехнулся Доза. — А что делать, если овца не принесет двойню?

— Надо постараться изо всех сил!

Доза мрачно сплюнул.

— Первый раз слышу, чтобы человек мог заставить овцу родить двойню!

На том и разошлись.

Доза отделил от колхозной отары своих суягных коз и овец, опустил тяжелый щетинистый подбородок на конец пастушьей дубинки и уставился в землю. Долго он стоял в такой позе, но задумчивость его не увеличила и не уменьшила поголовья овец. Колхозные бригадиры в один голос стали умолять Доза, чтобы он не бросал животных на произвол судьбы. Пусть лучше гонит их обратно в овчарню, а на рассвете — на пастбище. Но Доза и ухом не повел.

В молодости он не хаживал по пирушкам и свадьбам, потому как днем пас скот, а вечером, управившись с починкой изодраных арчита, шел в хлев и ложился в выстланную старьем деревянную лохань. В селе дивились: чего он спит в хлеву, имея такой огромный дом?

Вряд ли кто мог похвастаться тем, что слышал, как поет Доза. А пляшущим его и подавно никто не видел. Между тем плясал Доза, как бог. Обходя отару высоко в горах, он внезапно вставал на носки и шел плавной походкой, точно нес под буркой котомку со свежими яйцами; голова была неподвижна, и края бурки туго облегали его мускулистые бедра... А в игре на свирели равных ему и вовсе не было.

Любое дело было по плечу Доза, но все же ничто его так не занимало, как выстукивание свирелей. И звуки, извлеченные им из них, мурашками пробегали по его могучей спине. Доза не спеша подносил невесомую свирель к губам, расставлял мозолистые пальцы на дырочках и, вдохнув глубоко пропитанный летним теплом и ароматом воздух, стонал музыкой. И казалось ему, что плоть его становилась все легче и легче, так что еще самую малость, и он вспорхнет и улетит... Скотина-то привыкла к мягкому пению свирели, но и олени в чаще заходились ревом, будто призывая своих, дескать, слушайте чудо.

Но стоило появиться кому-нибудь на горизонте, как Доза прекращал игру.

В то время молодой мужчина ценился по тому, как он держался в седле и как орудовал саблей. Никто не видел Доза верхом на коне, да еще и при оружии. Но стоило только ему приметить в горах одиноко пасущегося скакуна, как тут же прыгал на него и так сжимал коленями бока, что раздувающий позадри жеребец превращался в поклядистую лошадку.

Раз, в пору безделья, явился Доза к близким родственникам. Как снег на голову. Это тот самый Доза, который раньше

и минутой сна не пожертвовал бы ради застолья и пустой брехни среди сверстников. Тот самый Доза, который ни за что бы не пригнал раньше срока скотину с пастбища, чтобы поспеть на свадьбу даже к двоюродному брату.

Тогда еще юноши имели обыкновение состязаться в бражничестве, и сваленного вином богатыря на второй день поднимали на смех. Так вот, прийти-то пришел в гости наш Доза и даже с головой окунулся в попойку, но сможет ли он выдержать натиск хмельных сотрапезников, — об этом никто не знал. Радушные хозяева велели вошедшим в азарт виночерпиям раздать пирующим по шесть пар бычьих рогов, доверху наполненных дважды перегнанной аракой. И предупредили, чтобы каждый опорожнивший рог бросил его в сито, но с тем, чтобы из сита не упала ни одна капля недопитой араки, иначе грозил айтыраг¹. Привыкший к одиночеству Доза и здесь сидел тихо, сам по себе. Не трудно представить, каково было его удивление, когда сын хозяина вывел его к собравшейся во дворе молодежи и, крикнув — э-гей, музыканты, играйте что есть мочи, мой гость танцует! — вытолкнул в круг Доза вместе с худенькой девицей.

Как ни крепился наш Доза, но арака сделала свое дело. И, выйдя на середину танцевального круга, он ловко заправил края черкески, нахлобучил папаху на глаза и приготовился к пляске.

Между тем тонкобровая девица приподнялась на носках и пошла, пошла, пошла павой. И бедра ее заходили, и косы точно змеи, извивались на спине. Захмелевший Доза ощутил в теле неведомую дотоле дрожь, и руки его распростерлись как крылья...

Недаром говорят в народе, что сокол и за семь верст чует добычу. Поодаль, среди молодых людей, стоял абрек Хабеты и, насупившись, следил за танцующими. В селе его прозвали хриstopродавцем, потому что ходил тот с гордо поднятой головой, и за правду, высказанную ему в лицо, пускал в ход острый кинжал или подстерегал обидчика в укромном местечке и всаживал ему в грудь девять граммов свинца. И вот при виде пляшущего вокруг девицы Доза напрягся абрек и затрясся, как в лихорадке. Дело в том, что некогда этот абрек был помолвлен с ней, легко порхающей теперь в паре с Доза. Но вовремя управиться с предсвадебными делами не сумел, так как был вынужден скрываться от преследовавшего его по пятам приста-

¹ Раньше в Осетии тамада, если он ограничивался временем, мог произнести сразу шесть, девять или двенадцать тостов. Сотрапезники пили без передышки и бросали порошковые рога в сито, и если из сита падала хоть одна капля, пирующие штрафовались. Это и есть айтыраг.

ва. «Что это за пес, который увязался за моей невестой, как ищейка?» — подумал абрек и прыгнул между танцующими.

Доза окаменел, будто ноги его приклеились к земле, и медленно опустил руки-крылья.

Фандыр заиграл громче, яростнее захлопали присутствующие.

«Кто это такой?» — Доза тужился вспомнить, чувствуя, как спина его покрывается холодным потом. Ему уже плевать было на звуки фандыра и оглушительное хлопанье в ладоши. В глазах потемнело. Едва успев заметить недоуменный взгляд девицы да гордую ухмылку абрека, Доза вдруг очутился между ними и продолжил танец — в сто раз краше и горячее.

Абрек на то и абрек, чтобы не спускать подобных оскорблений. Поганый Хабеты встал перед Доза, чтобы вытолкнуть его из танцевального круга, но не тут-то было: пастух крепко стоял на ногах. Тело абрека покрылось пупырышками, и когда он снова попытался сдвинуть противника с места, тот залепил ему такую оплеуху, что отбросил к ногам замершей толпы.

Фандыр умолк. Тишина нависла, точно перевернутое корыто. В руке абрека блеснул кинжал. Не обращая внимания на визг и причитания женщин, Хабеты пошел на противника. Занес руку, целясь в ложбинку на изгибе шеи и плеча, но Доза, отбив ее, схватил абрека за ремень и, подняв над головой, с силой бросил на землю. Все это произошло в считанные мгновения, — никто из присутствующих и шелохнуться не успел.

Хабеты слыл абреком, но абрек абреку рознь. У иного в груди бьется благородное сердце, а иной и жесток, и не умен. Такой не признает шуток, с ним держи ухо востро. Не дай бог ляпнуть что-нибудь лишнее, — пришьет и делу конец. Все знали, что Хабеты из таких, что руки его обгарены кровью, поэтому все перепугались за Доза. Но, скажу я вам, Господь не простак, он все видит! Тут случилось такое, что в корне изменило ход событий: внезапно прискакали казаки и быстро окружили двор. Абрек, почуяв неладное, кинулся опрометью к лесу, выхватывая на ходу наган, но один из всадников подскочил к нему и врезал ему по черепу тупой стороной шашки. Ноги пронесли Хабеты еще несколько шагов, потом он остановился, схватился за окровавленную голову и рухнул, точно мешок с дерьмом. Казаки связали его по рукам и ногам, взвалили на коня и увезли из села.

Доза стоял ошарашенный внезапностью случившегося и смотрел вслед казакам. Затем повернулся к кругу, пошарил глазами в поисках девицы и, наткнувшись на ее горящий взор, смутился. Тогда он взял за руку хозяйского сына и увел его в дом...

Несколько дней Доза ходил сам не свой. Что-то большое и тяжелое давило на грудь и мешало дышать. Новое чувство

поселилось в нем, как боль поселяется в ноге, когда наступаешь на острую колючку, и Доза не ведал, как избавиться от него. В конце концов он вышел в поле, решив развеять кручину игрой на свирели. Но, как на зло, свирели под рукой не оказалось. Эка трудность! — подумал Доза. — Выстрогать свирель — раз плюнуть! Но пальцы, чтоб они отсохли, не захотели подчиниться ему. И тогда Доза сел на траву и заплакал. Слезы бежали по его щетинистым скулам, как зайцы сквозь заросли спелой ежевики, и тело его содрогалось, как бы пытаясь вытеснить из груди свинцовый груз печали. Доза смотрел вдаль, словно хотел высмотреть конец света. И думы, непривычно теснясь в голове, уносили его туда, откуда и Сау Хох-то не видать. Он летел над городами и селами, заглядывая в каждый двор, в каждый дом и дивился разнообразию мира и господних тварей. Наконец думы привели его ко двору, где он плясал вчера, и Доза разом вспомнил случившееся в тот вечер — и то, как он плясал с девицей, и как мурашки бегали по его могучей спине, и как поганый Хабеты прервал его танец и они подрались. Доза вспомнил и то, как девица смотрела на него недоуменным взглядом, как он не смог сдержаться и двинул абрека в челюсть. А потом прискакали казаки, и рыжий всадник в папахе набекрень долго переворачивал шашку тупой стороной вниз, не сводя при этом глаз с улыбающегося абрека, и вот он ткнул шпорой коня в пах и подскочил к беглецу; казак ударил абрека по черепу шашкой и тот рухнул на землю...

Доза вздохнул и подумал, что все это чепуха. На кой ляд ему подобные мысли и переживания! Да пропади все пропадом! Худо одно: он вот уже какую ночь не может сомкнуть глаз. Что за напасть такая? Раньше он мгновенно засыпал, а теперь?..

В тот вечер он пригнал стадо раньше обычного.

Домочадцы буравили его любопытными взглядами: дескать, что с тобой? А Доза прикусил нижнюю губу, да так, что кровь выступила. Он загнал овец в овчарню, оседлал коня и выехал со двора.

Прискакал к родственникам и, даже не спешившись, кликнул хозяйского сына. Напугались родственники, подумали, беда стряслась. Но когда Доза нагнулся с седла и негромко спросил у парня, что это за девица танцевала с ним во время праздника и кто ее отец, все вздохнули с облегчением.

— Ну и ну-у! — осклабился парень. — Видать, покорила тебя девка.

— С чего ты взял? — пробормотал Доза.

— А с того, что плакала наша пташечка. Забрали ее, девицу-то. — И чуть погодя: — А-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха!

— Как так? — скрипнул зубами Доза.

— А вот так, замуж ее взяли! А-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха! Доза как обухом по голове ударили.

Надобно заметить, что не один наш Доза положил глаз на ту девицу. Многие точили на нее зубы, но абрек так застрашил парней, что они и смотреть в ее сторону не смели. А тут вроде как подфартило — арестовали абрека-то. Вот и сгребли девицу в охапку.

Ох, и тяжело пришлось Доза! Повернул он коня, намереваясь ускакать, но тут с крыльца сбежал хозяин и поймал поводья. Куда, мол, ты на ночь глядя? Разве так делают? Тебя ж не за ситом сюда прислали! Срам, да и только! Поворачивай обратно! А Доза отвернулся, чтобы скрыть на лице муку, и прищипил скакуна.

Кто его знает, правда ли это? Иногда не то что человеку, но и дьяволу приходится верить! Говорят, что в ту же ночь Доза похитил девушку. Так люди рассказывают, будь они неладны.

Впрочем, иные сельчане утверждают, будто Доза никого не похищал. А заехал он на пригорок и пустил коня попастись, сам же прилег на травку и забылся. Много ли прошло времени — мало, но его коснулось чье-то дыхание, и дыхание это было не лошадиное. Приоткрыл наш Доза веки, всмотрелся во мрак и увидел: перед ним незнакомая девушка с узлом в руках. Удивился Доза, что и говорить. А кто бы не удивился при виде хорошенькой девицы да еще в столь поздний час?

— Это ты? — услышал он вопрос.

— М-м-м! — промычал Доза, как бык, и девица не признала его по голосу.

— Ну если это ты, то вставай. Ишь развалился! Спешить надо, пока родичи дремлют.

Доза, недолго думая, посадил девицу на коня и на рассвете привез ее домой.

А она, оказывается, сговорила бежать с другим, да в темноте спутала его с Доза. Так люди рассказывают, будь они неладны! Супруги прожили согласно много лет, однако жена все же побаивалась мужа, да и дети тоже редко удостаивались его ласки.

— Не дай мне бог помереть раньше моего мужа! — говорила жена Доза.

— Чего это ты прицепилась к нему? — спрашивали соседки.

— Никто, кроме меня, и дня не сможет прожить с ним!

Неисповедимы пути Господни.

Однажды жена Доза слегла и больше не встала. Бедняжка чувала близкий конец, но все же не падала духом, старалась быть веселой, чтобы не тревожить близких. Как-то вечером Доза подошел к ее постели, стуча своей пастушьей дубинкой, и спросил:

— Чего это ты разлеглась? Тоже мне больная! А ну, вставай, да поживее, а то... — и Доза замахнулся дубинкой, но тут перед ним встала молодая сноха, заслонив собой больную.

— О-о-ох! О-о-ох! О-о-ох! — застонала жена, и тогда Доза с силой треснул палкой о пол.

Глаза больной наполнились слезами. С того дня улыбка исчезла с ее лица и больше не возвращалась. А через неделю она только и успела наказать невестке:

— Не сердчай, доченька, на старика. Такой уж он...

И отошла.

Вечером Доза, как обычно, пригнал скот в село. Во дворе у него толпились люди. Доза остановился. И, услышав доносящийся из дома плач, начал озираться, точно затравленный. Он почувствовал холод в ногах, словно была поздняя осень и он стоял посреди брода, и ледяная вода хлестала по его сапогам. Доза понял, что это страх.

— Стало быть, так, — пробормотал он и двинулся ко двору, покачиваясь из стороны в сторону.

Объявить ему прямо, что жена его отдала богу душу, никто не решился. Люди перешептывались, качая головами. Во дворе стоял гул, будто только что молния разбила старый дуб с пчелиным гнездом. Женщины расступились, освобождая проход, но Доза, остановившись у порога, только заглянул в посиневшие глазницы жены; она лежала чинно, с заострившимся носом, и белые, как снег, волосы струились по подушке. «Когда она успела так поседеть! — мелькнуло у него в голове. — Я и не заметил!» Ему стало совестно от того, что он так ни разу и не удосужился рассмотреть свою жену повнимательнее. Ноги не слушались его, и Доза снял папаху и уткнулся в нее лицом...

— Ох, несчастная ты, несчастная-я! — услышал он чьи-то причитания, но не узнал голоса плакальщицы. Доза пошмыгал носом и спустился во двор, к старикам.

— Коровку бы для поминок, — сказал он. — Нет ли у кого на примете?

Старики диву дались, дескать, жена его не успела еще остыть, а Доза делами занят. А когда он велел могильщикам оставить место и для второй могилы (которая, как не трудно догадаться, предназначалась для Доза), все заговорили о его мудрости.

Доза решил, что раз он остался вдовцом, то дни его сочтены. Поэтому сразу же после похорон принялся осматривать все, чем владел: участок земли, саманник, хлев и разного рода инструменты. Почему потомки должны страдать из-за его нерадивости? В три дня починил забор, наточил лемех плуга и поправил

стены саманника. Доза настолько увлекся делом, что перестал думать о смерти.

— Доза женится! Доза женится! Доза женится! — зашушукались в Армау.

Как раз в это время у Доза гостил внук, студент. Большой человек, значит. Услышав новость, он сначала побледнел, потом покраснел, а тонкие ноздри его раздулись. Он отлично знал деда, поэтому легко представил, что сказал бы старик, заметив недовольство внука. «Цыц, сопляк! — рявкнул бы он. — Во всем Армау никто и пикнуть не смеет в присутствии Доза, а ты, желторотый, учить меня вздумал! Нашелся умник!»

Студент пересек двор и устроился на облучке телеги. Ему не давала покоя мысль, что если дед женится, позору не оберешься. Студент огляделся вокруг и вспомнил городскую жизнь, стройных однокурсниц и шумные вечерние компании. Все это казалось теперь таким далеким. Он почесал в затылке и улыбнулся.

«К черту женитьбу деда! — подумал он. — Людям делать нечего, вот они и точат ляды!»

На краю дубравы показался Доза. Он волок за собой огромную копну сена. Сухой шелест разносился по округе. Старик был чуть согнут, будто он, подобно Бибыцу, выдернул замерзшее море из морской впадины и тащил его в Нартское село.

«Крепок еще старик!» — с гордостью думал парень, вглядываясь в лицо деда. Подбородок Доза был выбрит не очень тщательно и напоминал бугорок, плохо обкошенный пьяным косарем.

Доза не сумел протиснуться в калитку вместе с ношей и бросил ее у входа.

«Чудно все это, — дивился студент. — Раньше он месяцами не брился, а тут на тебе! Неужели и впрямь жениться вздумал? Вот и прифрантился тоже, обновку нацепил! Хоть под венец!»

— Втащи во двор копну, сынок! — сказал Доза и направился к дому, стряхивая с плеч и с головы травинки.

«А сам что, устал?» — мысленно огрызнулся парень. Однако пошел выполнять поручение.

«В селе говорят, что он на цахиловскую вдову положил глаз. Интересно, с какой стороны он к ней подъехал? Она вон, где живет, у черта на рогах... Впрочем, зачем ему было с ней шашни заводить, если он еще в молодости хотел на ней жениться. Из-за нее, говорят, с абреком подрался. Но кто-то увел ее у него из-под носа. — Студент, пыхтя и отплеиваясь, сился протиснуть копну в калитку. — Черт возьми, я и то не могу совладать с этой тяжестью, как же он умудрился притащить ее из леса?»

Наконец студент пропихнул копну во двор и пошел умываться. Но на подороги остановился, как вкопанный. Вспомнил, как недавно на поминках одной из соседок дед вызвался служить женщинам виночерпием, как он ходил с кувшинами вдоль столов и стрелял глазами по сторонам. А одна из женщин, толкнув плечом сидящую рядом толстушку, прошептала:

— Вот так-то, милая, кому-то туз козырный выпал!

— Про что это ты? — пробасила толстушка.

— Про что, про что! Вон видишь, Доза плетется с кувшинами?.. На цахиловской вдове женится! Кавалер!..

— Да ну-у! Ему уже перед Богом предстать пора...

— Ты, что, не веришь? — глаза сплетницы округлились. — Старый конь борозды не портит!

Толстушка вздохнула.

— Э-э-э! Знала я его жену. Славная была женщина, царство ей небесное! — она подняла стакан и капнула вина на огрызок сыра.

Сплетница тоже помянула жену Доза, и стоящему за их спиной студенту стало приятно за покойную бабушку. Значит, помнили ее соседи...

Доза вышел на крыльцо и, заметив во дворе копну, смерил взглядом внука: «Неужто один втащил? Да-а-а, яблоко от яблони недалеко падает. Чем-чем, а силой этот сукин сын в меня пошел! Ай-да молодец!»

Он спустился вниз и начал подбирать оброненные клочки сена. Студент наблюдал за ним и думал:

«Вообще-то в последнее время дед вроде как приосанился. Но это же не значит, что он вправду решил жениться. Нет, не верю я! Если б у него и было намерение жениться, и то он не требовал бы у могильщиков оставить место и для него возле жены. Так что брехня все это!»

Студент поймал на себе взгляд деда и улыбнулся. Старик улыбнулся ему в ответ.

Вечером приехал отец студента, сын Доза то есть. После приветственных объятий все сели за стол, и тут сын Доза ляпнул:

— Знаешь, что я тебе скажу, отец? Надо дорожить своим именем и именем своих детей!

— О чем ты? — не понял Доза.

— А о том, что люди в твоём возрасте не женятся!

Студент увидел лежащий на столе, точно ступа, кулак деда и хмыкнул: «Как смеет отец так говорить деду! Да он его в порошок сотрет!»

А снующая по комнате, будто воробышек, сноха все пыталась дать знак мужу, чтобы прикусил язык, но тот, дурак, ничего не понял.

— Стыдно жениться... — снова начал было он, но тут Доза не сдержался.

— Слушай парень!.. — гаркнул он и треснул кулаком по столу, да так, что посуда подскочила, а потом повернулся к внуку и продолжил спокойнее: — Запомни хорошенько, сынок! Когда-нибудь и тебе придется вот так же распустить язык перед отцом!

Доза поднялся, вышел из комнаты, и все увидели вдруг, что перед ними не прежний могучий мужик, а глубокий, дряхлый старик. Он расстелил на тахте в коридоре старый тулуп и лег ничком. И никто не посмел предложить ему лечь в постель.

Непроглядный туман спустился в ту ночь с небес, и, несмотря на самый разгар лета, земля охватила стужа. Наутро сельчанам лень было вставать с теплых постелей, но все же морозный воздух постепенно наполнился бодрими выкриками:

Ну и моро-озец!

— Не к добру это! Ай, не к добру. В середине-то лета!

Доза нигде не было видно. Запертая в хлеву скотина ревела так, что тоску нагоняла. Семья не на шутку забеспокоилась. Студент запыхался в поисках деда, обежал все село, поднялся к роднику. Доза нигде не было, и тогда студент сжалился над скотиной и выпустил из хлева.

Все утро сноху Доза преследовало дурное предчувствие, и какая-то неведомая сила тянула ее в сторону дубравы. А коль скоро этого нельзя было объяснить словами, то она, никому ничего не говоря, накинула на плечи платок и пошла по тропинке к кладбищу. Так, без всякого умысла.

Через некоторое время показались могилы. Туман малость развеялся, и теперь уже можно было различить очертания предметов. Могила свекрови виднелась неким темным плоским пятном. «Как бы чего не примерещилось!» — женщину обуял страх, и чем ближе она подходила к могиле, тем сильнее он становился.

Дверца в ограде была открыта настежь. На могиле валялся тулуп. Доза, словно кто-то пришел и укутал покойную.

«Несчастная, ты всегда была мерзлячкой. Согреешься хоть на том свете!» — мысленно обратилась женщина к свекрови.

Внезапно она заметила свекра и в недоумении прынула назад. Он сидел на месте своей будущей могилы, спрятав лицо в ладонях, и казалось, спал.

«Вот те раз! — Сноха Доза повернулась, чтобы уйти, но передумала, — Замерзнет еще, надо разбудить. Но как это сделать?» — Она не посмела приблизиться к свекру.

«Интересно, где же он так напился?»

Женщина тут же одернула себя:

«Да не-ет, что я такое болтаю! Когда он так напивался! Не такой он человек... Все! Надо его будить. Сам-то он не хочет просыпаться. Еще увидит кто-нибудь, толки разные пойдут, стыда не оберешься!»

Сноха зашла за ограду и остановилась в нерешительности. Чтобы привлечь его внимание, женщина кашлянула. Но старик и бровью не повел.

И тогда в нее закрался ужас.

«Раньше, бывало, он при малейшем шорохе просыпался. Видно, я обозналась!» — успокаивала себя сноха. Она присела на корточки и осторожно коснулась его плеча. Он не обернулся. Тогда она тряхнула его легонько, но Доза как сидел, так и остался сидеть. Она тряхнула его посильней, потом еще раз, а потом еще, и еще, и еще. Она трясла его, не слыша собственного вопля до тех пор, пока мертвый Доза не покачулся и не уткнулся лицом в заиндевелую землю...

Вокруг — ни души. Лишь улыбочивое лицо свекрови на надгробном камне. Сноха рухнула на колени и запричитала, глядя на фотографию свекрови, словно она оплакивала не смерть Доза, а улыбку его несчастной жены:

— О-о-о-о-о-о-о-о-ой! Что за черный день настал в Арма-а-ау, что за черный ворон накликал беду-у-у, чем мы прогневили Бога-а-а-а! О-о-ой!..

В горах весть о несчастье распространяется со скоростью пули. На крики снохи сбежались все жители Армау.

Студент не успел даже рубашку надеть, так и бросился в одной майке в сторону кладбища. Увидев лежащего на старой циновке деда, он не поверил глазам. Как же так, он еще вчера был полон сил!

Могила бабушки была укрыта тулупом. Сама же бабушка ласково улыбалась ему с надгробной фотографии.

Причитания, причитания...

Студент не спускал глаз с деда, и слезы текли сами собой. Вряд ли кто утешил бы его в эту минуту.

Взошло солнце, и лучи его заиграли на длинных усах Доза, засветились в глубоких морщинах на его лбу. Студент заплакал еще горше. Слезы градом катились по щекам.

Перевод с осетинского
Игоря Булкаты

Юрий БОЦИЕВ

ШУТКИ БОГОВ

В оформлении использован фрагмент картины Эмиля Нольде «Распятие»

Совсем догорели в железной печурке
Последние стружки, последние чурки,
И в банке консервной последний огарок
Слезами последними плачет, не ярок.
За дымом последней сырой сигареты
Синеет холодное небо рассвета.
Что было застенчивой первой любовью, —
Течет в наших жилах остывшею кровью...

Не нужно мне призрачной славы.
Я звук ее сладкий забыл.
Прилечь бы на мягкие травы
В горах, где я мальчиком был.

К чему мне сокровища груды?
Я верой своею богат.
Вдохнуть бы мне полною грудью
Альпийских лугов аромат.

Зачем мне бальзам экзотичный
Глотать по рецепту врача?
Воды бы мне выпить обычной
Из каменной чаши ручья.

На что мне хвалебные речи
Во время моих похорон?
Мне лучше б забыться навечно
Над чистой рекой Мамисон.

ЧЕЛОВЕК

Скажи о человеке:
Дьявол он! —
И будешь прав в оценке столь жестокой.
Скажи о человеке:
— Ангел он! —
И это будет правдою высокой.
Да, Человек и праведник и бес, —
И гений он, и нелюдим двурогий, —
То он творец евангельских чудес,
То устроитель
Сатанинских оргий.

Себе он вечно
Самый злейший враг.
В душе его
То Вера,
То Химера.
И на челе его —
И Божий знак,
И черное клеймо
От Люцифера!

ЗАВИСТЬ

Котенок был тигриной масти,
И к кличке «Тигр» он привык,
Но из его тигриной пасти
Не раздавался грозный рык.

Он на коленях грелся вечно,
Хозяйку чтил, как джентльмен,
Но ничего не знал, конечно,
О красоте ее колен.

А я сидел напротив в кресле,
Стыдливо свой нахмутив лик.
И думал с завистью: «О, если б
Я стал котенком, хоть на миг...»

ДОЛЯ ПОЭТА

Как компьютер работает мозг.
Я штамую стихи и поэмы.
Мне бы всыпать две дюжины розг
За избитые рифмы и темы.

Я лишил свою Музу тепла,
Заключил свое сердце в неволю.
Посадить бы меня на осла,
А Пегаса отправить на волю.

Я уже не поэт, не буян,
Не поклонник прекрасной принцессы.
Я компьютерной скоростью пьян:
В голове вместо мыслей процессы.

За собой я разрушил мосты
И забросил зеленую ниву:
Я стихи сочинял про цветы,
А теперь сочиняю про пиво.

Мне талант не сулит ни гроша!
Я держусь на рекламе сосисок,
И в груди у меня не душа,
А какой-то коммерческий список.

ГОРНЫЙ КРАЙ

Брошу все!
Уйду в родное
К старым стенам,
К древним очагам.
Но увы, все это — разговоры:
Не осилить прежний путь ногам.
Там, в ауле, предков дом разрушен,
Нету ни порога, ни дверей.
Бродят неприкаянные души
По ночам среди седых камней.
Злая и бездушная эпоха
Разорила мой любимый край.
Слышатся мне горестные вздохи
Там, где был когда-то Божий рай.
Потерял я Родину,
А с нею
Сердце потерял
И даже жизнь.
Слепну я,
От горечи немею!
Проклинаю каждый новый «изм».
Родина моя, как ты несчастна,
Хоть близка ты к солнечным лучам.
Я прошу тебя: не верь напрасно
Сладким обольстительным речам!
Край родной, прекрасный и высокий,
Ты надейся только на себя,
Потому что ныне даже боги
Могут просто обокрасть тебя!

ШУТКИ БОГОВ

Не признак мудрости глубокой
Волос старейшин белый цвет.
Нередко и дурак убогий
Бывает, как философ, сед.

Имеет часто лоб Сократа
Обыкновенный дуралей.
Природа шутками богата,
И нету этих шуток злей.

Обманчивы глаза и лица:
Красивый тайно носит нож,
А человек с лицом убийцы,
Как ангел, добр и хорош.

Ходи, смотри и по дороге
Гадай, кто умный, кто дурак.
Порой мне кажется, что боги
Нарочно выпускают брак.

БЕССОНИЦА

Лунный свет над горами струится,
Сад осенний листвою шуршит.
Мне не спится: бессонница-птица
Над моим изголовьем сидит.
И приходят тяжелые думы
В обессиленный мозг под конец.
Эти думы суровы, угрюмы,
Тяжелы,
Как холодный свинец.
В полусне возникают виденья, —
Демагоги, убийцы, воры,
И безнравственных сцен наслоненья
Из какой-нибудь телеигры.
Что с тобою, Отчизна, случилось?
Ты, в плену у нечистых деяг,
Ждешь за труд свой подачку,
Как милость
В ожидании будущих благ.
Где твоя осетинская гордость.
Твоих всадников резвая прять?
Даже Уастырджи,

Старчески горбясь,
Стал в селе подаянье просить.
Мы отстали за счастьем в погоне.
Кем мы были? Чем стали теперь?
Наши кони подошли в загоне,
Мы закрыли в грядущее дверь.
Мне не спится: бессонница-птица
Даже утром мне спать не дает...
Вот заря над горами струится,
И с тревогою день настает.

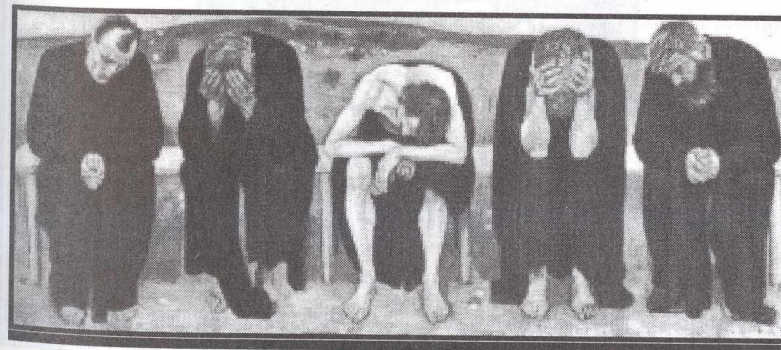
* * *

Мне судьбой уготовано было
Неудачно любить и стареть.
Мне давало не золото силу,
А тяжелая трудная медь.

И стихи сочинял я не просто,
А ночами вымучивал стих.
Не хватал я высокие звезды,
Лишь мечтал дотянуться до них.

Что же держит меня наготове,
Заставляя надежду беречь?
Неужели смогу я любовью
Свое старое сердце зажечь?

Да! — твержу я, готовясь в дорогу.
Да! — кричу неизвестности вслед.
И зову, и зову на подмогу
Сам себя из мальчишеских лет...

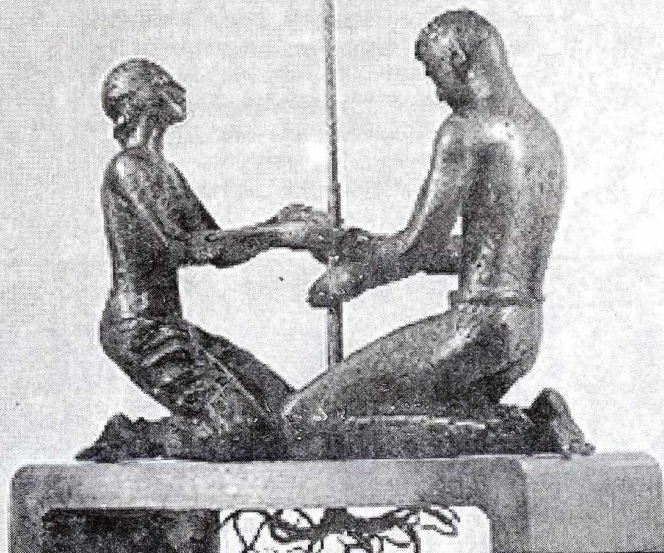

Фердинанд Ходлер. Разочарование.

Сафар ХАБЛИЕВ

ДРЕВО ЖИЗНИ

РОМАН

Перевод с осетинского О. Хаблиева

В оформлении использована скульптура И. Рукавишникова «Древо жизни»

Времени посидеть над учебниками — вполне достаточно.

Как только закончились выпускные экзамены, я стал готовиться в техникум. Читаю учебники, решаю задачи, но голод одолевает и чувствую — голова плохо соображает.

Уже три дня нашей единственной едой является похлебка из конского щавеля, без крошки хлеба. До этого мама приносила с поля кусочек ячменно-могарового чурека величиной с ладонь, и мы его делили пополам. Чурек был такой черствый, что каждый кусочек надо было запивать водой.

Но и его перестали выдавать. Кое-кто стал ворчать, но им сказали: не вздумайте отлынивать, кто к концу года не выполнит норму трудодней, будет считаться саботажником. А куда отправляют саботажников — известно.

— И сегодня нам не дали чурека, — печально сообщила мама, вернувшись с поля. — Как-нибудь бы протянуть неделю-другую, а там молодая картошка подоспеет.

Две недели. Сытый не заметит, как они пролетят, но тому, кто держится на конском щавеле с лебедой, они кажутся долгими, как век.

Сидим, ждем наступления темноты. Мама не зажигает лампу, экономит керосин до зимы. Да и зачем нам свет — лучше усни пораньше, чтоб забыть про голод.

Мама меня о чем-то спросила, это я видел, но не расслышал, что она сказала. Это что? Голова может кружиться, даже если сидишь? Вдруг меня затошнило, я едва добежал до огорода, там меня вырвало:

Мама в тревоге кинулась следом за мной: — Вложи пальцы поглубже в рот.

Продолжение. Начало см. Дарьял №2 '98.

Я помотал головой: чего совать пальцы, если в желудке пусто. Мне было слышно, как мама плакала в соседней комнате. И я понимал, что плачет из жалости ко мне. Мне самому ее было жаль, но я ничего не сказал, притворился, будто уснул, потому что если бы заговорил, то разревелся бы. И чувствовал, что виноват перед ней, хотя и не понимал, в чем состояла моя вина.

«Никогда, никогда в жизни не доставлю ей никакого горя, — клялся я себе. — Из-за меня, лишь из-за меня переносит она все мучения. А я еще огорчил ее, не хотел идти на экзамен по физике. Стыдно было заходить в школу босиком...»

Занятый этими мыслями, я постепенно забылся и уснул.

На следующий день она возвратилась с поля с куском чурека. Как только вошла во двор, достала его из кармана и протянула мне.

— Держи, парень, это тебе гостинец от меня.

Я взвесил жалкий кусок на ладони и разделил его пополам. Но мама сказала:

— Я сытая, поела в поле.

И поставила остатки вчерашней похлебки на плиту. Вскоре передо мной стояла полная миска, но я, почувствовав предугадающие спазмы в желудке, отодвинул ее.

— Не бойся, с чуреком пройдет, — мама поняла мои опасения.

Я осторожно проглотил несколько ложек, стараясь поменьше отщипывать от чурека. Может, половину оставить на завтра?

— Я тоже поем, пока горячая, — мама села за другой конец длинного стола.

Я пододвинул к ней половину чурека.

— Ешь, ешь сам, — мама ребром ладони вернула его обратно. Я снова положил чурек возле нее, но мама так и не притронулась к нему. — Говорю же тебе: пообедала в поле, только горло пересохло, вот и ем жидкое.

Голод пересилил мое благое намерение оставить половину чурека на завтра, и я доел его.

Мама помыла миски и направилась к воротам:

— Пойду, посижу немного с соседками.

У наших ворот растут ивы, растут они и у ворот Рубаевых, напротив нас. Больше всего женщины нашей улицы любят посидеть под тенью этих ив, чтобы поделиться новостями, пошутить. Чаще всего у ворот Рубаевых. Между двумя деревьями Али прибил две доски: одна — сиденье, другая — спинка. Когда женщины собираются много, то те, кому не достается места на лавке, устраиваются на траве.

А я опять засел за учебник математики за тем же столом в сарае. Но мысли мои заняты не только уравнениями и формулами. Забудешь на время о голоде, так другие заботы лезут в голову.

Готовиться-то готовлюсь к экзаменам, но будет ли к тому времени у меня обувь? В школу еще можно ходить босиком, но как быть в городе? Кто меня, босого, впустит в техникум? Достать бы мне пару чуваков, так я бы берег их не то что прежде. Вышел за край села, сунул их себе в подмышку и шагай до Беслана. Недалеко от станции, у переезда железной дороги, находится водопроводная колонка: там помыл ноги и обувайся. Буду возвращаться — снова обувь в руки. В два раза дольше проношу.

Мама обещает привезти из родительского дома сыромятную кожу на подошвы, но все никак не может поехать в Гизель. Помоему, она нарочно тянет время. Чем раньше сошьет чуваки, тем раньше они износятся.

— Душинка! Душинка! — послышался на улице испуганный женский голос.

Что случилось? Кто это кричит вместо того, чтоб постучаться? Я отбросил книгу и побежал к воротам.

— Душинка! Душинка! — несколько голосов слились воедино.

Выглянул за ворота — поблизости никого. Только на другой стороне улицы, под деревьями Рубаевых, женщины склонились и суетятся над чем-то. Со двора вышла Рабиат с ведром воды и скрылась среди женщин.

— Душинка! Душинка!

От страха у меня подогнулись ноги. Не помня себя, я мигом очутился возле женщин: мама на траве лежит, глаза закрыты, лицо белое-белое.

— Мама! — испуганно закричал я.

— Не бойся, не бойся, — успокаивает меня старая Баби. — Это солнечный удар, ничего ей не будет. — И в подтверждение своих слов обращается к женщинам: — Вы когда-нибудь видели такой жаркий день, как сегодня? Даже в тени, как в духовке. А каково тогда в поле?

Бадина, расстегнув маме кофточку, смачивает ей шею и лоб, потом сердито поворачивается к женщинам:

— Уведите ребенка, у него и так цыплячье сердце.

Но разве меня уведешь? Дрожа всем телом, стою возле мамы, сам вот-вот свалюсь.

Но Бог сжалился надо мной: мама открыла глаза, с трудом подняла руку и потерла мокрые шею и лоб. Попыталась подняться, но не смогла; подруги усадили ее на лавку.

— Что со мной случилось? — она удивленно посмотрела по сторонам.

— А это тебя надо спросить, — с оттенком упрека проговорила Бадина.

Кругом облегченно вздохнули: пришла в себя. Самой догадливой оказалась Баби:

— Ты хоть что-нибудь сла сегодня?

Мама не отвечает. Можно ли считать едой опостылевшую похлебку из лебеды? Признаться честно, она стыдится. А еще больший стыд — обмануть. Вот и молчит. Но для Баби послевоенный голод — это уже третий на ее долгом веку. Она все поняла и накинулась на маму:

— Разве можно быть такой застенчивой? Даже не боишься оставить сына круглым сиротой? Неужели нельзя было одолжить у кого-нибудь хоть немного муки? — Отчитав маму, она повернулась к женщинам: — Какой позор был бы нашей улице, если бы она померла от голода! На всю Осетию бы ославились!

— Пойди, — Баби велела своей дочери Рабиат, — принеси чашку муки.

Рабиат как стояла все время с ведром воды наготове, так и осталась стоять. Но после слов матери побежала в дом и принесла — щедрая душа! — полный эмалированный таз кукурузной муки. Тотчас же Бабина, будто вспомнив что-то, кинулась домой.

— Иди, иди, и сразу же замеси тесто. И если когда-нибудь такое повторится, то я тебя проучу, — пригрозила Баби маме.

— Я сама тебе отнесу, — сказала Рабиат. Она занесла таз к нам во двор, поставила на стол и ушла.

— Если Бог подает, то подает в окно, — грустно пошутила мама, села на скамью, взяла горсть муки, долго нюхала ее и, наконец, достала сито. — Пойди, принеси лучины на растопку, — повернулась она ко мне.

Взяв корзину, я направился к навесу. Положил в корзину щепок, взял топор и начал колоть дрова. Расколов несколько чурбанов, услышал голос мамы:

— Оставь и иди сюда.

Я пришел в сарай. На столе, рядом с мукой, лежит большой ломоть — размером с полколеса — чурека, возле него — глиняный кувшин. Подойдя ближе, почувствовал аппетитный запах кислой молочной сыворотки.

— Говорила же тебе: если Бог подает, то в окно подает. Бабина принесла, — объяснила мама. — Спасибо Рубаевым: теперь не пропадем. Тебе крошить или как?

Она наполнила мне сывороткой литровую медную кружку. Сидим друг против друга и ужинаем. Чурек испечен из белой кукурузной муки, давно не ел такого.

Мама медленно жует, прихлебывая маленькими глотками сыворотку. Мы молчим.

Опорожнив кружку, я отодвинул ее, а сам еще аппетитно жуя чурек. Это моя давняя, почти уже позабытая привычка: после любой еды обязательно поесть немного хлеба.

— Налей еще сыворотки.

— Не хочу, наелся.

Только после того, как проглотил последний кусок и уже собрался встать из-за стола, мама спросила:

— Очень испугался за меня?

Я ничего не ответил: не привыкли мы к душевным излишиям.

Когда летом темные тучи, пришедшие с Черного моря, застилают край неба, то издалека видны слабые отблески молний, у нас еще тихо, а над Эльхотовской тесниной грохочет. Но уже понятно: скоро будет гроза, удары грома будут сотрясать землю. Слабым отблеском дальней молнии, обещавшей сокрушительную грозу, и стал первый обморок матери. Мог ли я знать, чем, в конце концов, это обернется?

Только в постели, когда, прежде чем заснуть, перед моим мысленным взором пронеслись картины минувшего дня, я понял, что мог остаться совершенно один. «Из-за меня, из-за меня оставила она себя голодной, из-за меня она не съела хотя бы кусочек колхозного чурека. Неужели я и в самом деле мог остаться без мамы? Нет, этого никогда не будет. На всей нашей — и не только нашей — улице нет ни одного мальчика или девочки, у кого бы не было мамы. А кое у кого есть и отцы. Но чтобы не было ни мамы, ни папы — таких нет. Да что далеко ходить: вот напротив нас живет Али — взрослый мужчина, но даже у него есть мама — Баби. А у самой Баби? Но она же совсем старая и мать ей ни к чему. Нет, грешно так думать: разве найдется такой человек, которому не нужна мать? А Баби, между прочим, хорошая женщина — вон сколько муки нам дала; я бы очень хотел, чтобы и у нее была мама.

Как-то, возвращаясь от соседей, я застал Бабу сидящей на валуне возле наших ворот. Лицо бледное-бледное, как тогда, в далеком сорок седьмом.

— Лучшего места, что ли, не нашла, где сидеть? — проворчал я. — А потом будешь жаловаться на боль в пояснице.

— Мы с Зарой разговаривали. Она ушла домой, а у меня закружилась голова, в ушах раздался какой-то звон. Вот и присела. Думаешь, мне охота сидеть на холодном камне?

Я помог ей подняться. Но у самого порога ноги у нее подогнулись, она обмякла и стала оседать. Я подхватил ее под руки и с трудом потащил до дивана. Положил под голову подушку.

— Бабу! Бабу!

Лежит, как мертвая, глаза закрыты.

— Бабу! Бабу! Ты меня слышишь? — я трясусь за плечо.

Ничего не отвечает, лежит без движения. Позвать бы кого-нибудь из соседок, но боюсь оставить ее одну. Наконец она открыла глаза.

— Что со мной случилось?

— Напугала ты меня сильно — вот что случилось.

Предостерегающие вспышки молний и удары грома все ближе и ближе.

— Последнее время ты ничего, кроме фруктов, не ешь. Пост, что ли, держишь?

— А я с детства больше всего люблю фрукты. Рядом с нашим садом в Гизели сад Кунзи́ха ни в какое сравнение не идет.

Я и сам смутно помню сад моего гизельского деда Гацыра. Когда моих дядей призывали на фронт и некому стало привозить дрова, сад вырубали.

— Ладно, не хвались.

— А ты спроси кого угодно из наших.

Спрашивать нет нужды. Когда летом или осенью мне случается быть в Гизели, захожу в Кунзи́хов сад. Огромные деревья, некоторым из них, наверное, лет под двести. Сад находится на самом берегу Гизельдона и потому водолюбивые неохватные груши плодоносят всю.

— Не верится мне, чтобы у кого-нибудь еще были такие деревья, как у Кунзи́ха.

Царство небесное Кунзи́ху, дяде матери, давно он умер, но двор до сих пор называют его именем.

— Не хочешь — не верь, а я тебе правду говорю. Все девушки с нашей улицы завидовали мне. Они всегда собирались в нашем саду. А когда меня начали сватать, подруги дразнили меня: «Где ты еще отведаешь таких груш? Сад здесь, а тебя увезут в Зильгу. А там у них, у мусульман, ничего кроме ивы и акации не растет». Я и сама беспокоилась: как, думала, буду жить в этой Зильге, среди незнакомых людей? Зильга представлялась мне чем-то вроде пустыни. Каково же было мое удивление, когда застала здесь сказочный сад. А еще больше изумились мои подружки, когда навестили меня в Зильге — в самую пору цветения. Они мне по-хорошему позавидовали: «Надо же, и здесь ей повезло с садом».

— Все это приятно слышать, но на одних фруктах не проживешь.

— Но если я не хочу? Ты меня насильно собираешься кормить?

— У нас, конечно, не царские яства, но ешь хотя бы то, что есть.

— Оставь меня, пожалуйста, в покое. Захочу — буду есть и без твоего напоминания.

После этого я перевез Бабу в город. Я и сам, конечно, видел, что она больна, и даже догадывался о ее болезни, но все еще на что-то надеялся, однако врачи развеяли мои надежды: склероз.

В конце октября стояли удивительно теплые дни. Правда, вечерами на улицу в одной рубашке не выйдешь, но днем солнце припекало всю.

Судя по всему, это последние жаркие дни в году. Если начнутся дожди, то надолго, на улице уже не посидишь. Понимают это и старушки. И когда управляют со своими немногими хлопотами, то выходят посидеть во дворе. Стоит только кому-то из них усесться на скамейке под орехом, как вскоре к ней присоединяются и остальные. Вот и Бабу: как только увидит их, ее уже дома не удержать. Пока старушки ведут досужие разговоры, Лаппын в сторонке деловито копается в песке.

Днем старушки долго сидели под деревом, Лаппын же играл со сверстниками. К вечеру старушки разошлись, Бабу с Лаппыном тоже направились домой. Вошли в лифт и Бабу нажала кнопку. Лифт поднялся, они вышли на площадку, и Бабу не может понять, на каком они этаже. Держась за руки, они начали ходить с этажа на этаж — не могут найти свою квартиру. У всех квартир одинаковые двери — поди, узнай, которая твоя. Лаппын еще не может разобраться в номерах квартир, а Бабу уже не способна. Ребенок указывает ей то на одну дверь, то на другую — совсем запутал ее. А позвонить в какую-нибудь и спросить она не хочет: над ней могут посмеяться.

Видимо, они еще долго ходили бы по этажам, но к тому времени я сам вернулся с работы. Вошел в квартиру — никого. Где же они? Ни на улице, ни во дворе их не встретил. Заглянул во все комнаты, кухню, ванную — пусто. Может, они у кого-нибудь из соседей? Но Бабу к незнакомым не пойдут.

Но вот я вышел на площадку и где-то внизу услышал голоса Бабу и Лаппына. И, кажется, они спускаются. Но что им еще делать на улице, когда все разошлось по домам? Я сбегал вниз и нагнал их на площадке второго этажа.

— А мы не можем найти нашу квартиру, — сообщил мне Лаппын.

Озабоченное выражение сошло с лица Бабу, но слова ребенка заделали ее:

— Ну что ты! Можно подумать, что мы и в самом деле заблудились.

— Не можем найти, не можем! — не отступает Лаппын. — Вчера тоже вот так не могли найти и вышли обратно во двор. Ждали, пока Блу не пришел.

А мне ничего не сказали. Скрыла она или забыла сказать.

— Вас разве переспоришь, все вы одинаковы от мала до велика, — махнула рукой Бабу.

На следующий день я подал заявление об увольнении с работы по семейным обстоятельствам.

Лежит Бабу на широком диване в самой большой из трех комнат. Когда она еще не болела, то, управившись с домашними хлопотами, всегда отдыхала на этом диване, накинув на себя большой клетчатый платок. Излюбленным ее занятием было вязание шерстяных носков, перчаток и варежек, хотя каждый из нас за всю зиму эти носки надевал только два-три раза. На следующий год она их распускала и вязала снова.

А перчатки и варежки мы носили с удовольствием. То же самое и свитера, толстые и теплые. Управлялась с вязанием, бралась за матрацы. Замочит шерсть на два-три дня, выжмет и расстелит на полу лоджии. Сушится шерсть целую неделю, а когда высохнет, Бабу берет низенькую табуретку, садится возле дивана и начинает ее перебирать. Работа эта длится неделями, а то и месяцами. Но торопиться ей некуда — нужно же как-то убивать время.

Теперь все это позади. С утра до вечера она лежит на диване, а когда встает, то начинает ходить по всем комнатам.

— Что-нибудь ищешь, Бабу?

— Даже сама не знаю.

Ей кажется, что все вещи в доме не на своих местах. Берет и переносит их туда, где им вовсе не положено быть. И если ты начал искать что-нибудь, то это бесполезно, потому что не найдешь. Но через некоторое время обнаружится в совершенно неожиданном месте.

Перед новым годом она совсем слегла. Врачи, конечно же, не все сказали мне о ее болезни. Видимо, решили: зачем близких преждевременно расстраивать — сами увидят, что ее ждет. Все таблетки и микстуры, которые ей прописали, я достал, но толку от них было мало.

Пройтись по квартире без посторонней помощи Бабу уже не может. Несколько раз даже падала.

Находиться постоянно при ней тоже нелегко. Присядешь в соседней комнате, чтобы чем-нибудь заняться, но вот какой-то шорох — и я оказываюсь возле нее. Поролоновый диван не скрипит, догадаться о том, что она поднялась с дивана, можно только по шарканью ее ног.

Сама с собой разговаривает или ко мне обращается — трудно разобрать, но как только раздается ее голос, сразу подхожу к ней.

— Тебе что-нибудь надо, Бабу?

— Мне-то ничего не надо, но те ребята не дают мне покоя.

— Какие ребята.

— Те, в Гизели — Гамос и Мисост. Почему из них ни один вовремя не обзавелся семьей? Как будто во всей Осетии не нашлось достойных невест. Весь день их трясет на тракторе под палящим солнцем. И когда вечером возвращаются с работы, то некому им приготовить горячей похлебки. Запьют сухой хлеб холодной водой — вот и весь их ужин, но меня какая-то сила держит здесь: никак не навещаюсь к ним. Чтoб отругать бобылей как следует.

Это она о своих братьях.

Были бы они живы, пусть даже неженатые и голодные. Но в самые первые дни войны их призвали в действующую армию. И как в воду канули. Гамос, впрочем, успел жениться.

Всего несколько раз я видел Бабу плачущей. В тот раз — после возвращения из Кармадона. Когда на второй день она уединилась в свою комнату. Вначале я подумал, что пошла просто прилечь. Но вот прохожу мимо и слышу, как оттуда, из-за двери, раздаются всхлипывания. Захожу и вижу: Бабу сидит, пригорюнившись, вытирает слезы носовым платочком. Еще несколько минут назад мы спокойно разговаривали, так отчего же она расстроилась?

— Ты плачешь, Бабу? — подошел я к ней.

— Не плачу, — ответила она, сжимая в руке платочек.

— Как не плачешь, когда в глазах слезы?

— Оставь меня в покое, иди занимайся своими делами, — резко ответила Бабу.

Тяжелее всего мне видеть ее слезы. Я не мог понять, чем обидел ее. А может, она накануне поругалась с кем-нибудь из домашних? Но об этом она не скажет — считает ябедничеством.

— Знаешь же, что не отстану, пока не узнаю. Тогда чего молчишь? Чем я тебя обидел?

— Ничем ты меня не обидел. Иди, пожалуйста, к себе, надоели мне твои расспросы! — она снова вытерла наворачившиеся слезы и тяжело вздохнула.

Видя, что я не собираюсь уходить, она подняла на меня заплаканные глаза:

— Ты Зину помнишь?

— Какую Зину?

— Жену Гамоса... — всхлипнула она.

— Как же мне ее не помнить? Она всегда так радовалась, когда я приезжал в Гизель. С чего это ты ее вспомнила?

— А разве я когда-нибудь забывала ее? В Кармадоне мы встретились через столько лет. Она там сестрой-хозяйкой работает. Я ее уже не узнала. Но она сама подошла. И очень обрадовалась мне. А я ее встретила холодно. И теперь жалею об этом.

— Почему — холодно? Ты же вроде души в ней не чаяла.
 — Не знаю, что и сказать. Я и сама себе удивляюсь. До сих пор не могу понять, что со мной случилось.

Бедная Зина.

— Ты нагрубила ей, что ли?

— Ничего я ей не нагрубила. Но не знаю, что на меня нашло. Но на все ее расспросы я отвечала только «да» и «нет». Прежде всего, она спросила о тебе.

Я хорошо помню день, когда видел ее последний раз — будто случилось это только вчера, а не тридцать шесть лет назад. Жизнь ее сложилась нелегко, но она никогда не теряла бодрости. Любую работу выполняла быстро и ловко, была единственной опорой для стариков. Жили они бедно. В нечистые мои приезды в Гизель Зина очень радовалась мне. И хотя мне было лет тринадцать-четырнадцать, она легко поднимала меня на руки, то ли искренне, то ли притворно удивляясь: «Ты посмотри, как вымахал наш племянник!»

Она приставляла лестницу к чердаку, поднималась туда с ножницами для стрижки овец и обратно спускалась с куском сыромятной кожи для чуваков. Потом у нее в руках, как по волшебству, оказывалась книга. Зина знала, что книга для меня будет самым желанным подарком. И поэтому к каждому моему приезду держала наготове новую. Я набрасывался на книгу, будь она детская или для взрослых, на русском или осетинском. Забывал про фрукты и сладости, которые она берегла для меня.

С книгой, подаренной мне Зиной, связано одно из самых горьких воспоминаний детства. Как только дошла весть об освобождении Гизели от немцев, мама потеряла покой. Сразу же засобиравшись в дорогу: «Узнаю, что стало с моими бедными стариками». Но Яи остудила ее: «Кто их прогонит, немцев-то? Любому слуху веришь, как ребенок. Открой дверь и послушай, как их прогнали. Если они дошли досюда, то уж вряд ли кто их одолеет». Издалека и в самом деле доносилась глухая артиллерийская канонада. Я, конечно, не мог знать, где проходила линия фронта, но взрослые говорили: бои идут на подступах к Архонке. Оттуда и доносился гул, но через несколько дней его уже не стало слышно. И тогда мама снова заговорила про своих стариков. А тем временем жена Заурбека Дзагулова, тоже гизельская, Зеи, ухитрилась добраться до родительского дома и принесла радостную весть: село и в самом деле освобождено, но сильно разрушено. Все живы, возвратились из лесу в свой дом, который, к счастью, не пострадал от снарядов и бомб. Но мама все равно беспокоилась о стариках. И тогда Яи отступила: иди и сама убедись, что они живы. Я тоже стал напрашиваться, но Бабу и слышать не хотела об этом. Сказала, что я пойду в

другой раз. Знаю я этот другой раз: они всегда так говорят, когда хотят обмануть меня.

Другого раза ждать пришлось до середины следующего года. От города до Гизели добирались пешком — не то что до войны, когда туда и обратно ехали в автобусе с брезентовым верхом, который, трясаясь по неровной ухабистой дороге, доставлял нас к месту. Теперь все шли пешком. Мимо старого кладбища на окраине города в сторону Гизели проходит шоссейная дорога. Справа же, вдоль шоссе, в высокой траве протоптана тропинка. До тех пор не было такого, чтобы я так долго не навещал родню мамы, поэтому на этот раз моему приходу они обрадовались особенно. В тот день я впервые увидел несчастного человека, хотя я и прежде видал слепого старого Эфенди. Когда мы влезали на тутовник Дзагуловых, который рос рядом с домом Эфенди, мы хорошо видели сухопарого, белобородого старичка. На голове его неизменно была темно-зеленая, шитая золотом круглая шапочка. Он часто сидел под навесом. На расстеленной рогоже, обставленной круглыми подушками — мутаками. В руках — четки, которые он бесконечно перебирал. Время от времени он клал их на подол бешмета, брал большой Коран в черном переплете и начинал листать, что-то приговаривая по-арабски. Ко времени намаза жена выносит ему кумган с водой и таз. Он омывал ноги, руки и лицо, потом клал на рогожу козью шкуру и начинал молиться. Пусть простит мне Бог, но то был Эфенди, слепой, но, кажется, не страдавший от своей слепоты.

А здесь, в Гизели, мой Дада и по комнате, и из комнаты во двор, и со двора в огород или на улицу стал ходить, нащупывая дорогу палочкой. Везде, где он присаживался — в комнате, во дворе, на улице, он начинал подолгу прислушиваться к себе. Дада, который до этого времени все время был в движении, который ни минуты не мог сидеть без дела, поручения которого я выполнял бегом, этот Дада теперь передвигается с большой неохотой. Мой единственный Дада, и зачем тебе такое наказание?

Мою печаль, конечно же, заметила Зина и тихо окликнула меня из комнаты: «Кыш-кыш-кыш...» Дада не видит, но она по обычаю все равно стыдится лишний раз пройти мимо него. Когда я оглянулся на Зину, она поманила меня пальцем, отведя другую руку за спину. Я подошел: в отведенной назад ручке у нее оказалась книга — «Как закалялась сталь». До тех пор она мне никогда не дарила такую толстую книгу, да еще на осетинском языке и с рисунками. Я присел на деревянную ступень у порога и стал листать ее. Такую толстую книгу я не видал с лета прошлого года, когда Яи по настоянию Оли сожгла в печи папины книги.

На третий день, снова по той же тропинке, мы пошли обратно в город. Я чуть не бежал впереди, держа книгу под мышкой, за

мной мама, Зеи и еще несколько женщин. Вокруг порхают бабочки величиной с воробья, с длинными усами, в середине бархатистых крыльев очерчены кружочки, похожие на человеческие зрачки, по краям крыльев всеобразно посажены красные и белые точки. Роса еще не сошла, и потому по обе стороны дороги крупные алые цветы стоят, как умытые. Когда на них садятся бабочки, цветы едва заметно покачиваются, пока красавицы высасывают нектар. Надо обязательно поймать хотя бы одну: в Зильге я таких красивых и крупных никогда не видел. Пока бабочка сидит на цветке, она лениво водит крыльями, но как только я подхожу к ней, чтоб поймать, легко вспархивает. Да и книга, которую держу под мышкой, мешает мне. Вот эту надо обязательно поймать. Я осторожно подкрался и уже хотел сомкнуть ладони, но тут книга выскользнула и упала в дорожную пыль. Я быстро поднял ее, но бабочка тем временем улетела. Нет, не получается у меня охота. Через несколько шагов я снова уронил книгу.

— Не жалко валять книгу в пыли? Ведь твоя родня старалась порадовать тебя подарком, а ты что делаешь? — упрекнула меня мама. — Дай-ка, положу в сумку.

Я отдал книгу и продолжил свою охоту, и от этого не заметил, как мы дошли до города. Но тут Зеи вспомнила еще каких-то родственников и сказала, что их тоже надо навестить. Мама не хотела идти с ней, но наша попутчица настояла на своем.

Небольшой двухкомнатный домик находился в просторном общем дворе. Комнаты были тесно уставлены кроватями, шкафами, столами, стульями. Мебель задевали все, кроме мальчика, который носился по комнатам. Был он года на два старше меня, намного выше ростом, рябой, щербатый, длиннотелый, волосы ежиком. Когда мы переступили порог, он снисходительно взглянул на меня, а потому уже не обращал никакого внимания, только бесконечно шнырял из одной комнаты в другую. Меня почему-то оставили в одной из комнат. Из прихожей доносились громкие голоса женщин. Как я понял, хозяйка готовилась к приходу каких-то важных гостей и им было не до нас — явились мы к ним весьма нехотя. Я сидел и ждал, когда мама и Зеи наговорятся с хозяйками, и мы отправимся дальше в путь. Рябой без устали носился из комнаты в комнату. В соседней комнате на большом столе расстелили клетчатую скатерть, и две девушки, очень похожие друг на друга, сушили возле стола, расставляя на нем тарелки, стаканы и другую посуду, делая друг другу множество замечаний. Наконец девушки остались довольны своими стараниями и покинули комнату.

Вскоре пожилая женщина внесла большой поднос с кушаньями и стала раскладывать их по тарелкам. Мне в зеркало было видно:

белый хлеб домашней выпечки, слоями нарезанный сыр или редька, зеленый лук и разрезанные надвое вареные яйца. Разложив все это, женщина вышла в прихожую, а там ее голос тут же присоединился к голосам других женщин. Как только она покинула комнату, туда прошмыгнул рябой и медленно обошел накрытый стол. Достал из-под пучков лука какой-то белый кусок — сыр или редьку, надкусил его, и, видать, он ему не понравился. И тогда он сунул его обратно под лук и уставился на яйца. Ловко вынул из них желтки, проглотил, не догадавшись даже посолить. Но чтобы не было заметно, что желтки вынуты, он половинки яиц положил разрезом вниз и бесшумно выскользнул из комнаты. Изумлению моему не было предела: ведь стол накрывают для гостей, а он что делает? Рассчитывает, что гости так ничего и не заметят? Или думает, что гости деликатно промолчат?

— Пошли, а то опоздаем, — позвала меня мама.

Хозяйка проводила нас с извинениями: «Надо было уделить вам больше внимания, но не обессудьте, в другой раз, может, наступят лучшие времена».

Родня-то родней, но что будет, когда ваши гости сядут за стол? Хотя может получиться и так, что к яйцам они вообще не притронутся и ни о чем не узнают.

Мы ехали в душном вагоне стоя, но в Колонке сошло много народу и мы присели. Я раскрыл сумку мамы: и в это не очень сытное время Елмасхан не отпустила нас без гостинцев. Фасоль! Она всегда имеется в каждом гизельском доме. Ведь лес рядом, достать шесты для фасоли проще простого. Не то что в Зильге, где только те, у кого телега, могут ездить в лес в окрестностях Батакойкау и Заманкула.

В чистой тряпиче говяжье сало. К празднику Джеоргуба в доме Гадыра обычно резали бычка, которого от одного праздника до следующего не могли съесть, так что вяленое мясо годами хранилось на чердаке. «Все съедобное немцы сожрали или увезли с собой, ничего не оставили в доме. Только вот это сало. Наверное, не по вкусу пришлось. Солдат развернул его, пошохал, фыркнул, как конь, и оставил, — смеясь, рассказывала Елмасхан, когда заворачивала сало в тряпицу. — Для пирогов с тыквой — отличная добавка».

Я перевернул все, что было в сумке. Чувяки, спитые Зиной. Несколько орехов. Шерстяная кофта мамы — в душном вагоне она сняла ее и положила в сумку. Книги не оказалось. Сердце мое екнуло; готовый расплакаться, я взглянул на маму:

— Где моя книга?

Мама перевернула все содержимое сумки.

— Я же своими руками положила ее в сумку. Куда же она могла деться? — вопросительно взглянула она на Зеи.

— Выпала, видать, где-то по дороге — куда еще ей деться?

— Не могла она выпасть из глубокой сумки. Ты посмотри, и орехов нам положили целую миску, а осталось их пять или шесть штук. Чудеса, да и только!

Мама высоко подняла сумку и осмотрела ее со всех сторон: может, продырявилась? Как будто орехи могли высыпаться раньше фасоли. Сумка оказалась целой.

— Рябой! — прокричал я. — Рябой их украл, больше никто!

Пассажиры, как по команде, повернулись в нашу сторону.

— Ты про Сухыра, что ли? — укоризненно уставилась на меня Зези. — Глупости говоришь! Такого воспитанного мальчика во всей Осетии не сыскать. Да ты хоть мешок золотых монет высыпь ему под ноги, он даже не нагнется их поднять. Сухыр не мог стащить: воспитание ему не позволит.

Хоть лопни от обиды: Сухыр, выходит, ангел, а я, видите ли, наговариваю на него.

— Прямо уж — воспитание! Да я сам видел: из яиц, которые положили на стол к приходу гостей, он тайком вынул желтки и съел. А потом положил их разрезом вниз.

Хмурые пассажиры, сидевшие в душном вагоне, развеселились. Со всех сторон посыпались шутки:

— Молодец Сухыр — сообразительный парень!

— Хозяйка во всем виновата: надо было сделать из яиц глазунью и шипящей подать гостям прямо на сковородке.

— Ай да Сухыр!

— Ради видимости изобилия разрезали пополам!

— А сколько яиц было: два или больше?

— Ха-ха-ха!..

Им-то что — можно смеяться: никто из них не лишился книги. Я же от злости сижу сам не свой, не в силах выговорить ни слова. Потому что знаю: если скажу хоть слово — расплачусь. И все будут смеяться, а горе мое ни до кого не дойдет. И все из-за Зези: ей не терпелось повидать Сухыра — это собачье отродье. Сейчас, наверное, он проделку с яйцами свалил на меня. И все ему поверят. Вот как Зези заступает за него, родные и давно. Зези во всем виновата. Если бы она не уговорила маму завернуть к своей родне, то и книга лежала бы себе в сумке. И подозрения из-за яиц не пали бы на меня. Хотя черт с ними, с яйцами, а что книга пропала, сам виноват — далась мне эти бабочки. Держал бы ее подмышкой и не отпускал до самого дома. И зачем только дал положить в сумку? Но кто мог ожидать, что случится такое? Ладно, в другой раз буду осмотрительней. В другой раз... Держи карман шире: каждый раз будет дарить тебе Зина «Как закалялась сталь»! Сам виноват...

«А ну-ка, ставь ногу. Опять тебе, кроме книги, ничего больше не нужно». Я остановился на расстеленную газету, и она

обрисовывала кусочком древесного угля контур моей ступни. «Как ты вырос, особенно нога». Каждый раз, когда я приезжал к ним, Зина шила мне чулки. А какой красивой получалась обнова! Спереди и сзади — полоски из черной или красной кожи. Спереди и сзади по швам — для прочности. А по бокам узорчатые нашивки из кожи — это уже для красоты. «Примерь их». Не жмут и не спадают — как раз на мою ногу. «Почему снял?» Нет, нет, пока носить не буду. А надену, когда пойду в школу. Пусть все завидуют мне.

Косынка у Зины всегда была повязана по самые брови. Мне почему-то нравилось смотреть, как она моет голову. В медном тазу подогревала кислую сыворотку и уносила в укромное место: в холодную пору года — в свою комнату, летом — во двор, за сарай. Пока она мыла сывороткой, в ведре на печи грелась вода. Тихо окликала меня: «кыш-кыш», то есть неси воду — пора. Я снимал с печи ведро с горячей водой, половину переливал в другое ведро и доливал холодной. Второе ведро ставил на печку, чтобы вода не остыла. Я приносил ей ведро с теплой водой, она снимала с табуретки таз, ставила его на землю и ждала меня, согнувшись над ним. Мокрые волосы свисали с головы. Я набирал большую медную кружку и лил ей на голову: «Не слишком горячая?» — «Нет, в самый раз. Лей». Высоко засучив рукава, мыла свои густые черные волосы, пока не опорожнилась оба ведра. Потом долго причесывалась, от убаюкивающего шуршания костяного гребешка я едва не засыпал стоя. Но все не отходил от нее. Перевернувшись ко мне, она улыбалась: «Если бы не ты, то некому бы было во всей Гизели полить мне». Так-таки некому: просто ей нравится моя помощь, а я и доволен. Не так уж часто я бывал у гизельской родни, Гацыр и Елмасхан всегда встречали меня радушно. Еще бы: я был их единственным внуком. Но все же восклицание Зины: «Вон как вымахал дедов внук!» — радовало меня больше всего.

Каково же было теперь слышать от Бабу, что она холодно отнеслась к Зине.

— Ты меня убила, Бабу!

— Только я и убиваю вас, больше никто.

— Ну как же ты могла не обрадоваться Зине? Как ты забыла, что за твоими стариками Зина ухаживала, как родная дочь?

— Куда там — ухаживала: оставила их умываться слезами. Замуж тоже больше не вышла. Так зачем же тогда причинила им эту боль?

— Семь лет ждала — этого не достаточно?

— Ждала бы, пока муж не вернется.

— Эх, Бабу, Бабу! Если бы все фронтовики возвращались к тем, кто ждет, то вдов вообще бы не было сегодня.

— Если бы ждала, то он непременно бы вернулся. Ведь возвратились даже те, на кого пришли похороны, — у Бабу опять хлынули слезы. — Иди, а то устроил мне допрос. И так сердце разрывается, да еще ты пристал.

В тот день она впервые заплакала, вспоминая братьев, хотя плакать без достоверной вести о гибели считала грехом, боялась накликать беду. Долгие годы она ждала возвращения хотя бы одного из них. Не верила, что оба погибли. Не то что два, а даже по шесть и семь братьев погибали, Бабу!

Надежда ее постепенно угасала, и вот теперь встреча с Зиной вместо радости принесла ей огорчение. Оставь, Бабу, свои несбыточные надежды: «Даже те, на кого пришли похороны...»

Последние годы она ни разу не заговаривала о братьях, теперь же, когда слегла, вспоминает их чуть ли не каждый день.

— Как бы мне узнать, есть ли у них что-нибудь на ужин?

— О ком ты, Бабу?

— О Гамосе и Мисосте, о ком же еще?

Почему она с таким упорством повторяет их имена? Что это? Видения воспаленного мозга? Или братья какими-то своими знаками дают ей понять о скорой встрече?

Сомнения мои разрешила Токон — самая близкая из оставшейся в живых маминной родни. Ей уже под девяносто. Грузная, она с трудом передвигается, но все же считает своей обязанностью навестить «их» больную девочку, — как она называет Бабу.

— И сидеть мне уже тяжело. Принеси, пожалуйста, подушку, я прилягу рядом с их девочкой. А ты пока иди по своим делам.

— Все мои дороги заросли, Токон. Лишь по вечерам, когда собираются домашние, у меня бывает возможность выйти на улицу.

Я возвратился домой лишь к вечеру. Старушки все так же лежали на диване.

— Наговорились мы с их девочкой, повспоминали прошлое, — сказала Токон, вставая и потягиваясь.

Их девочка... Сколько было Бабу, когда ее двоюродный брат женился на Поли? Лет двенадцать или тринадцать. Но все равно Поли никогда не обращалась к ней по имени. Когда женщина не называет мужчин из родни супруга по именам, то здесь все понятно: так выражают почтительное отношение к ним. Но имя женщины, даже не женщины — девочки...

Сама Бабу поступает так же: имя Поли не произнесла никогда ни при ней, ни при других — только Токон. Деверей за глаза называла теми именами, которыми в детстве их окрестил я — Даду и Додан. А когда обращалась к ним, то — лапу, к золовке — чизг.

Мы с Токон ушли на кухню. Я накрыл стол, но Токон ни к чему не прикоснулась, лишь попросила заварить крепкого чаю. Она долго растирала указательным пальцем складку на скатерти, потом глубоко вздохнула:

— Лучше бы мне не видеть ее такую. Я надеялась, что у нее легкое недомогание, оно пройдет. А она, оказывается, стала забываться. И давно это с ней?

— Последние годы она сама часто расстраивалась, что становится забывчивой. Особого значения я не придавал ее словам: на то и стареет человек. Я и сам иногда бываю забывчив. Впервые я заметил ее недуг после смерти Олинка.

— Олинка умерла? — удивилась Токон.

— Да, в позапрошлом году.

— Царство ей небесное, — она приподнялась со стула, опершись на стол. — А я и не слышала, а то бы обязательно приехала на ее похороны. Их девочка тоже ничего не сказала мне.

— Забыла, наверное.

— Наверное. А что с ней случилось? Ведь не такая уж старая она была. С их девочкой они были ровесницами, и замуж тоже вышли в один год.

— Не всем же суждено дожить до глубокой старости. После гибели в автомобильной катастрофе своего младшего сына Олинка стала постепенно гаснуть. Никакой определенной болезни у нее не выявили, но она таяла на глазах. Только летом изредка выходила посидеть около дома.

— А ведь когда хоронили нашего, она была еще бодрой женщиной. Я тоже куда уже не хожу, вот и...

— Не переживай, Токон. Ты сама уже с трудом передвигаешься, как же тогда хочешь идти на похороны в дальние селения?

— Так-то оно так. Но если человек ни к кому не ходит, то и к нему никто не придет.

— Было время, ты не пропускала похорон близкой и дальней родни, знакомых и незнакомых. Об этом все знают.

— Но все же Олинка... Даже о ее болезни я не слышала.

— Да она всего-то недели две-три пролежала. Все это время Бабу сидела при ней, только на ночь приходила домой. Она и умерла-то, держась за руку Бабу. Словно надеялась, что самая близкая не отпустит ее в Страну мертвых.

— Оно и не удивительно: были ровесницы, соседки.

— После нее Бабу тоже сдала. К тому же Олинка наказала, чтобы ее обмыла обязательно Бабу. И чтобы только она приготовила поминальные пироги. Я не хотел этого. У Бабу слабое сердце. Но меня не послушались. Сказали, что предсмертная просьба человека священна.

- Видимо, не зря она выбрала Бабу.
- Вот я и не возражал уже. Но после смерти подруги болезнь совсем стала одолевать Бабу.

Токон что-то вспомнила и горестно покачала головой:

- Когда их девочка последний раз присажалась в Гизель, я сразу заподозрила у нее неладное.

- Что-нибудь случилось?

– Ничего с ней не случилось, но мне стало до того обидно, что трудно даже сказать. Дул холодный ветер, шел снег. Около полудня я уже хотела уложить внуков спать, да и сама собиралась прилечь, но вдруг – будто меня кто-то подтолкнул – подошла к окну. Смотрю и вижу, по улице идет их девочка. Платок и пальто у нее облеплены снегом. Поравнялась с нашим домом, взглянула на него и пошла дальше. Я уже засомневалась: она это или не она? Смотрю ей вслед, а она уже скрылась из виду. Пока я накинула пальто, обувалась, она уже дошла до перекрестка. Я побежала за ней: «Их девочка, а их девочка!» Как услышала меня, так сразу остановилась и тихо повернулась ко мне. Я упрекнула ее: «Что же ты, их девочка, разыгрываешь меня? Думаешь, мне только и удовольствия, чтобы гнаться за тобой в эту непогоду?» Нарочно, говорит, прошла мимо, хотела узнать, заметят ее или нет. А мы, говорю, только тем и заняты, что наблюдаем за прохожими. Не думаю, чтобы она нарочно прошла мимо. Если нарочно, то пройди один-два дома и вернись обратно – не обязательно же идти до самого перекрестка.

Точно, забылась, Токон. Вот и я вынужден сидеть при ней. Бросив работу.

- Не надо об этом жалеть. Она тебя вырастила, теперь ты за ней присмотри. Такова жизнь.

– Ты не так меня понял, Токон. Жалеть я ни о чем не жалею. Поверь мне, никому, кроме себя, я не доверю уход за ней. Не потому, что другие хуже будут ухаживать, а потому, что когда я при ней, только тогда у меня спокойно на душе. Лучше самому находиться при ней, чем постоянно гадать: как она сейчас, что с ней. Никто еще не отплатил сполна трудов матери, вряд ли удастся и мне. Но все же мой долг – сидеть при ней.

- Не беспокойся, она еще поправится. Бог милостив.

– Дай-то Бог, Токон. Но мало надежды. Знал я, конечно, что рано или поздно этого не миновать, но не думал, что все случится так быстро.

Глаза у Токон повлажнели. Она смолкла, не в силах говорить дальше. И перестала растирать складку на скатерти. Сложив руки на коленях, сидела понуро, уставившись в пол. Все так же не поднимая головы, она, наконец, сказала:

- Несколько раз она, бедняжка, вспомнила своих братьев. Может, говорит, они голодные ложатся спать.

– Она часто о них говорит, ругает, что никак не женятся. Сколько, говорит, можно сидеть в бобылях. Сердце у меня разрывается от ее слов. Даже не знаю, кого больше жалеть: ее саму или ее несчастных братьев?

– Сама она, слава Богу, дожила до старости. За ней есть кому присмотреть. А они совсем юнцами погибли, будь проклята та война! Она когда-нибудь помянула их, пока была здорова? Я вопросительно взглянул на Токон.

- Накрыли, говорю, когда-нибудь в память о них стол?

– При мне никогда. Да и без меня, думаю, тоже.

– Понятно. Она все время надеялась на их возвращение и потому не накрывала поминального стола. Но, поверь мне, она неспроста их вспоминает. Тебе следует устроить по ним поминки. Только попросишь у Бога прощения, – вдруг они живы, – и не будет за тобой никакого греха.

– Если живы, то почему не дали знать о себе столько лет? Может, чего-то остерегаются? Не верю, что кто-нибудь из них жив.

– Я тоже так думаю. Так что лучше будет сделать, как я сказала.

– Сделаем это в ближайший же четверг.

– В канун Пятницы поминают мусульмане, а у нас православных, в пятницу вечером.

– Знаю. Но я хоть и не совершаю намазы, дом наш считается мусульманским.

– Пусть в вашем доме всегда будут радостные события, но те, о ком мы говорим – христиане. И хотя дорога на тот свет для всех одна, все же правильней будет помянуть их в пятницу.

– Хорошо. В пятницу так в пятницу.

Я сдержал свое слово. Когда стол был уже накрыт и я приготовился произнести поминальное слово, ко мне подошел Лапын.

– Я скажу «оммен».

– Иди пока к Бабу. «Оммен» скажешь в другой раз.

Он не понял, почему не разрешили сказать ему «оммен». И, обидевшись, ушел в другую комнату.

Бабу не пришлось уговаривать поесть что-нибудь, она с аппетитом поужинала.

С того дня о своих братьях она больше ни разу не заговаривала. Видимо, не зря люди устраивают поминки. В то же время я удивился. Неужели она настолько приблизилась к потустороннему миру, что оттуда дают ей знать, что следует делать?

Последний раз плачущей я видел ее после того, как встретила с Зиной в Кармадоне.

А первый?

Я проснулся — видимо, от их голосов. Но открывать глаза еще не хочу. Ставни наполовину закрыты, а в открытую настежь дверь светит солнце. Когда я засыпаю в полдень, меня укрывают большим клетчатым платком Яи. Платок очень теплый, как одеяло, вот только грубая шерсть кусается.

Папа лежит на другой кровати. Он тяжело болен и почти никогда не поднимается с постели. Иногда к нему приходят односельчане с просьбой написать жалобу или заявление. Тогда он садится в постели, спустив ноги с кровати. Здороваается с пришедшим, надевает тапочки, но не встает — к кровати придвигают стол. Для меня наступает самый желанный момент: пододвигаю стул к столу и становлюсь на него коленками. «Вот и для нашего писаря выглянуло солнышко. Постой-ка, вот эту подушечку подложи себе под колени», — делает мне замечание Яи, однако ругать при посторонних не решается. Пока пришедший многословно излагает свою просьбу, я в ожидании наваливаюсь грудью на стол. Сути разговора не понимаю, однако пристально смотрю то на отца, то на пришедшего. Возле отца — чернильница, ручка и листы чистой бумаги. Возле меня тоже лист бумаги, в руке — огрызок карандаша.

Пришедший долго объясняет свою просьбу. «Понятно, — отвечает, наконец, папа. — Все понятно». И начинает писать. Я тоже. Чаще всего просители бывают неграмотными. И когда отец начинает писать, они с интересом наблюдают, как на чистый лист бумаги ровными рядами ложатся замысловатые знаки. Пришедший издает глубокий вздох зависти и переводит взгляд на меня. Пока отец исписывает страницу, я успеваю перерисовать на свой лист одну, а то и две строчки. «Ты посмотри на этого сорванца! — удивленно хлопает ладонями посетитель. — Я думал, он каракули малюет, а оказывается, ровные строчки выводит». Папа с улыбкой смотрит на мой лист, я понимаю, что удивление посетителя приятно ему. Он говорит: «Грамотей, опять они у тебя липнут друг к другу». Он прав. Все мои буквы держатся друг за друга, будто боясь упасть и потеряться. Хорошо еще, что строчки не вылезают за линию, как было раньше. Но мне не понятно, затем буквы надо отделять, если им так лучше? «Сколько ему лет?» — «Пять». — «Не слишком ли рано научил его писать?» — «Сам научился. Я ему показал только, как следует держать карандаш. Нравится ему — пусть пишет. Буквы-то он еще не различает, только переписывает то, что написал я».

Последнее время к нему приходит больше людей. Но просьбами написать не докучают, видя, что он не поднимается с кровати.

Мама подметает комнату: я ее не вижу, но догадываюсь по шуршанию веника. Затем она торопливо моет пол. Они о чем-то переговариваются, но пока мама не заплакала, я к ним не прислушивался: сами мне всегда говорят, чтобы я не подслушивал разговоры взрослых. Я заметил, что Яи и мама в последнее время часто плачут втайне друг от друга. При мне они, правда, сдерживаются, но это им не всегда удается. Не поймешь этих взрослых: никто на них не кричит, ничего у них не болит, никто их не побил — а они плачут. Да еще в одиночку, чтобы их никто не видел. Вот и теперь мама плачет. Я сник под платком, почувствовав себя очень несчастным.

— Вместо того чтобы обнадежить и сказать, что поправишься, ты решил меня доконать, — слышу плачущий голос матери.

— Но неужели ты собираешься всю жизнь сидеть при сироте? — возражает папа.

Я открываю глаза. Мама стоит посреди комнаты с мокрой тряпкой в руке, с которой стекает вода. Меня они не замечают, заняты разговором. Мама стоит спиной ко мне и, сдерживая рыдания, говорит:

— Ты шутишь?

— Мне уже не до шуток, отшутил я свое. Но как ты собираешься вдовствовать из-за единственного ребенка? Думаешь, легко тебе придется? Пока тебе не понять этого, а вот когда останешься одна... Смотри, после меня долго не задерживайся в этом доме — только сорок дней, как положено по адату, а там твоя родня сама придет за тобой.

— Хорошие советы ты мне даешь, хорошие!.. — зарыдала мама.

Она уронила тряпку, которая с плеском упала в таз, вытерла фартуком свои мокрые руки, взяла табуретку и села возле постели папы. Уголком фартука вытерла и глаза.

— Не плачь, ребенок проснется.

Мама повернулась в мою сторону, и я закрыл глаза.

— Не плачь, а слушай меня, пока никто опять не пришел. Когда будешь уходить...

— Оставь меня в покое: никуда я не собираюсь уходить.

— Даже если сама не захочешь уйти, родня заставит. И когда будешь уходить...

— Никуда я не уйду.

— Насильно я тебя никуда не отсылаю, но слушай меня. Когда будешь уходить, то мальчика оставь в отцовском доме, среди тех, чью фамилию он носит. Внуки хаджи позаботятся о нем. Яи никому не даст его в обиду. Не вздумай брать его с собой в новую семью.

— Оставь эти разговоры! — мама плачет в голос.
 — В чужом доме он никому не будет нужен — это я точно знаю. И если он будет валяться по чьим-то задворкам, если кто-нибудь крикнет на него или толкнет его, то я на том свете умру повторно. Не суждено было нам с тобой прожить хотя бы десяток лет — ничего не поделаешь. Пусть Бог простит меня, но лучше бы этот ребенок не родился. И если ему суждено жить, то почему сестра так рано покинула его?

От громкого плача мамы я испугался и сел на кровати, вытирая слезы кулачками.

— Говорил же я: ребенок проснется. Вот, пожалуйста, — только его слез мне не хватало.

— Ничего, пусть плачет. Пусть привыкает, ему много придется плакать в жизни.

— Не плачь, успокойся. Кто-нибудь услышит и подумает: больной еще жив, так чего же она его заживо оплакивает?

— Никуда я не собираюсь уходить. Будем жить в этом доме, если в нем найдется для нас место. Достаточно того, что я сама выросла сиротой. Пока я жива, мальчик не будет сиротой.

— Успокой ребенка. Умирать я еще не собираюсь. Не плачь, я просто хотел узнать, как думаешь жить после меня.

Голос папы действовал на меня успокаивающе, и я перестал плакать.

— Иди, сынок, ко мне.

Хотел уже спрыгнуть с кровати, но мама кинулась ко мне:

— По мокрому полу не ходи.

Подняла меня на руки и положила рядом с папой. Я нырнул под одеяло и прижался к нему.

Мама помыла пол и вынесла таз. Через некоторое время возвратилась с букетом сирени, поставила его в кувшин:

— А вот и сирень, ты как раз спрашивал про нее.

Папа ничего не сказал, только улыбнулся.

— Я закрою дверь и ставни — пусть в комнате будет прохладно. А ты не вздумай баловаться, — наказала мама мне и вышла во двор.

В темной комнате запахло сиренью.

На второй или третий день Яи спросила меня:

— К Дзиевым хочешь?

— Да, конечно.

Я всегда охотно иду к Дзиевым. Они живут через несколько переулков от нас. Дома мне не разрешают брать книги с этажерки: боятся, что порву. Когда-то я выдрал из книги несколько листов. Тогда меня крепко отругали, и я запомнил, что книги рвать нельзя.

А у Дзиевых — совсем другое дело. Моих сверстников, правда, у них нет, но скучать мне не приходится. Рядом со своим старым домиком они строят новый: высокий, просторный, из красного кирпича, крытый из красной же черепицы. Подняться в него можно по деревянным ступеням. Двери и окна еще не установлены, в одной из комнат наполовину настелен пол, а на полу — ящики с книгами и толстыми тетрадями. В книгах нет страшных картин. С ними можно возиться сколько угодно — и никто тебе ничего не скажет. Да и сказать у них некому: моя тетя Кора, ее муж Георгий (я его зову Гиуа — и все стали звать так) до вечера бывают на работе. В доме остается только старая Нана. А ей не до меня, расстелет циновку в тени, положит на нее мутак и козью шкуру, на которых будет дремать до тех пор, пока ее кто-нибудь не разбудит. В старом доме у них стоит большой сундук, обитый металлическими полосами. Крышка у него до того тяжелая, что я не могу приподнять ее. Вот и приходится просить: «Нана, открой мне сундук», — «Что ты там забыл?» — «Карандаш». Она ворча поднимает крышку: «Сам с ноготок, а весь в отца, только карандаш ему и нужен». В ящичках сундука множество карандашей: одни — отточены, другие — целые. «На вот, возьми отточенный, но если потеряешь — больше не дам, а Гиуа будет ругать и тебя, и меня». Сама, позевывая, идет на свою циновку: «Бисмиллаги рахман-ар-рахим». А я с карандашом иду в недостроенный дом и — здесь у меня полная свобода — целыми днями рассматриваю книги. Если захочу, вытаскиваю содержимое одного из ящиков, переворачиваю его — и стол готов, сажусь возле него и пишу в тетради столько, сколько захочу. Как же тогда не хотеть к Дзиевым?

Яи привела меня. Старушки сели на низкие стулья в тени и стали о чем-то шептаться.

А я, как только пришел, прошмыгнул в недостроенный дом: ящики с книгами и тетрадями на месте. Присел возле одного из них, вынул книги. Затем спрыгнул по ступеням и подошел к старушкам:

— Нана, открой мне сундук.

— Что ты забыл в чужом сундуке? — сердито спросила Яи.

— Не ругай его, — заступилась за меня Нана. — Ему карандаш нужен. Пусть себе рисует.

Она оперлась ладонями о колени и встала. Я последовал за ней в комнату. Из глиняного кувшина на сундуке она вытаскивала букет увядшей сирени:

— Иди, выбрось за сараем.

Выполнив поручение, я быстро вернулся в комнату. Боясь, что помешаю их беседе, она дала мне не один, а два отточенных

карандаша. Я стал на колени возле перевернутого ящика, положил на него тетрадь и старательно стал выводить каракули.

— Ты остаешься здесь или идешь домой? — спросила меня

Яи, когда они вдоволь наговорились с Нана.

— Нет, — помотал я головой, не поворачиваясь к ней.

Ответ мой Яи поняла так, что и остаться хочу, и домой тоже.

— Не будешь домой проситься?

— Нет.

— Если станешь проситься, я тебя накажу потом.

Это только угроза — не станет она меня наказывать, пожалеет.

— На коленях долго не стой. Болеть будут.

Голоса старушек давно смолкли, а я все продолжаю писать: мне никто не мешает. Я даже прозевал уход Яи.

Незадолго до захода солнца возвратился с работы Гиуа и подошел ко мне:

— Ты здесь, мой маленький свояк? Чем занимаешься?

— Пишу.

— Дай, я посмотрю, что ты там написал, — присел он на корточки возле меня. — «Ветеринарный паспорт». Ты погляди на него — переписал без единой ошибки! Ей-Богу, быть тебе ученым, — погладил он мою голову.

Его похвала мне, конечно, нравится.

— А почему слова у тебя сливаются?

Все мне задают этот глупый вопрос. Взрослые, но не понимают: все буквы в строке должны сливаться — так намного красивей.

— Карандаши у тебя стали совсем тупыми.

Он поднялся во весь рост и достал из кармана складной ножик, провел лезвием о ладонь и начал затачивать карандаши.

— Это тебе подарок, — он подал мне остро отточенные карандаши.

Ночевал я вместе с Гиуа. Карандаши хотел положить под подушку, но он не разрешил:

— Сломаются они, положи на подоконник.

Не хотел я этого делать, но и ослушаться не посмел. На всякий случай я прикрыл окно.

— Не прикрывай, никто не возьмет.

Вообще-то с закрытым окном я бы о них совсем не беспокоился.

Следующий день я тоже провел в недостроенном доме. Даже пообедать не соглашался. Удивлению Нана не было предела:

— И не оторвешь его от книги! Не зря говорят, что яблоко от яблони недалеко падает.

Яи зря боялась, что я начну хныкать и проситься домой: мне здесь было лучше, чем дома. Никто никаких замечаний не делает.

Утром третьего дня я проснулся от голоса Кору. Все эти дни я ни разу ее не видел. А теперь она торопливо подходит то к шифоньеру, то к комоду, что-то ищет, выдвигает и захлопывает то один ящик комода, то другой. Наконец она взяла черное платье, надела его и посмотрела в окно. Со двора Нана что-то сказала ей — я не разобрал.

— Ушел, — коротко ответила Кора и всхлинула.

Больше она ничего не сказала, но я все равно понял, что это означало.

Она поправила на себе платье и снова начала выдвигать ящики комода. Нашла черные чулки, взяла коробку с нитками и иголками и быстро заштопала прохудившийся чулок. Затем натянула чулки и вышла во двор.

— Нана, дала бы ты мне свою черную косынку, а то у меня нет, — послышался с крыльца ее голос.

В комнату она больше не зашла, и я обиделся на нее: не заговорила, как всегда — ласково — со мной и даже не посмотрела в мою сторону. Я отвернулся к стене и закрыл глаза.

Солнце взошло уже высоко, пора встать, но я продолжаю лежать.

— Как это я не заметила, что ребенок ушел? — донесся со двора голос Нана. — И со снохой он не уходил, кажется. Выйти на улицу поиграть со сверстниками — и то он боится. Так неужели пошел домой один?

Разговаривая сама с собой, она вошла в комнату, увидела меня в постели и от неожиданности остановилась на пороге:

— О Боже! Ты еще в постели? Уже время обедать, неужели ты не проголодался? Вставай, пообедаем.

— Не хочу.

— Как это «не хочу»? Тебе яйца сварить или накрошить чурек в молоко?

— Не надо мне ничего.

— Может, тебе яичницу с луком, твоё любимое блюдо, сделать?

— Не надо.

— Скажи тогда, что ты желаешь?

— Ничего.

Мне и в самом деле ничего не хотелось.

— Может, по дому соскучился.

Дальше порога Нана в комнату не зашла, постояла в раздумье и вышла.

Как будто понял, — донесся ее голос в открытое окно.

До самого вечера я только один раз слезал с постели — попить воды. Нана несколько раз заходила в комнату, предлагала поесть, проверяла, нет ли у меня жара:

— Может, у тебя что-нибудь болит?

— Ничего не болит.

— Почему тогда не ешь?

— Не хочу.

Стемнело. Гиуа и Кора уже должны вернуться с работы, но они еще не пришли. Нана зажгла лампу, занесла в комнату козью шкуру и расстелила в углу. Села на пороге дома:

— Подойди, дорогой, полей мне воды.

Я нехотя встал и взял кумган. Она ополоснула лицо, умыла ноги и руки.

— Большое тебе спасибо, расти здоровым.

Подошла к козьей шкуре, встала на колени и стала совершать намаз. Время от времени она касалась лбом пола, потом, садясь, шепотом что-то говорила.

— Нана, а почему Гиуа не приходит? Уже вон как поздно?

Она ничего не ответила, — видимо, не услышала меня.

— Почему Гиуа не приходит, Нана? — спросил я громче.

Она снова не ответила. Стоит на коленях, молится. Наконец она провела по лицу ладонями, встала и сунула ноги в чуваки. Повернулась ко мне:

— Ты ко мне обращался? Никогда больше так не поступай: совершающего намаз человека нельзя отвлекать.

— О Гиуа я спрашивал.

— Гиуа не жди, ночью он будет при покойнике. Сейчас ляжем спать вместе.

Я не понял, что такое «при покойнике», но после замечания Нана о том, что к совершающему намаз нельзя обращаться, я больше не осмелился спрашивать ее. Понял только: если буду спать с Нана, то ждать Гиуа не надо.

Она поднесла к лампе руку и задула ее. Лампа погасла, и комната наполнилась лунным светом. Нана легла рядом со мной, зевая, произнесла «бисмиллаги-рахмани-ар-рахим» и, вздыхая, долго ворочалась в кровати. Наконец она успокоилась и тихо захрапела.

Первое, что я увидел, когда проснулся — мой матросский костюмчик, в который меня наряжали редко. Возле кровати на спинке стула висели трусики и рубашка с отложным воротничком. Я долго смотрел на них, протирая глаза: откуда они здесь появились? Ведь к Дзиовым я пришел в своей повседневной одежде — длинной вязаной рубашке, которая застегивается на пуговицы от ворота до паха, заодно заменяя и штаны. Или меня, может, спящим перенесли домой? Но нет, я у Дзиовых:

вот их комод и сундук, в окно видна развесистая сирень. Цветы ее уже желтеют. Подвинулся к краю высокой кровати и спустился с нее. Вместо мягких чужаков на полу мои кожаные сандалии. Они мне жмут, поэтому я их не люблю. Посмотрел под кровать, оглядел комнату, но чуваки не нашлись. Нехотя надел сандалии и застегнул.

Подошел к медному умывальнику на дощатом заборе. Он висит слишком уж высоко — с расчетом на взрослого человека.

— Умываешься, как котенок, — Нана входит во двор из огорода. — Не бойся воды, а то над тобой будут смеяться.

Нана подошла ко мне и помогла умыться. Напоследок мокрой ладонью пригладила мои волосы и сказала:

— Иди в пристройку, я тебе там приготовила яичницу с луком. Только смотри: съешь все.

Под конец я ел уже с трудом, но Нана наблюдала за мной, пока все не доел.

— Вот молодец: съел без остатка, — похвалила меня Нана, когда я вытер губы. — Ты сам оденешься?

— Я всегда сам одеваюсь.

— Да ты же настоящий мужчина — я и не знала. Иди тогда, одевайся. И я отведу тебя домой.

Она закрыла калитку на защелку, и мы пошли к нам. Еще издали я увидел, что возле нашего дома собралось много мужчин. Одни стоят, другие сидят возле ворот на длинных скамейках. Люди запрудили всю улицу до самого дома Рубаевых. Страх охватил меня и, не в силах дальше сделать ни одного шага, я схватил Нана за подол платья, остановил ее.

— Не бойся, маленький, не бойся, — успокаивает она меня, взяв за руку.

Но я стою на месте, не хочу идти дальше:

— Пошли обратно к Дзиовым!

— Потом, потом пойдем к Дзиовым, — тянет она меня за руку.

Чувствую, что Нана обманывает меня, что не вернемся к Дзиовым, и я упираюсь.

Люди повернулись в нашу сторону: плач и причитания, которые слышались до того, раздались сильнее.

Когда Нана увидела, что все смотрят на нас, она отпустила мою руку, нагнулась ко мне, спрятала мою голову на своей груди и по моему затылку потекли ее слезы:

— Горе-то какое обрушилось на твою маленькую голову. Но чем мне помочь тебе, бедная твоя головушка!..

Кто-то взял меня на руки. Это неунывающий и всегда веселый сосед наш Каурбек, на сей раз с красными заплаканными глазами.

Нана, причитая, идет впереди. Мы приближаемся к нашим воротам.

К нам подходит мой дядя Гамос, он хочет взять меня к себе, но Каурбек не отдает. Мужчины у ворот расступились и пропустили Нана. Плач и причитания женщин слились в сплошной стон.

Мы тоже хотели пройти вслед за Нана, но Асамо, зять Хаблиевых, первый советчик и помощник в наших домашних делах, преграждает дорогу:

— Куда несете ребенка?

— В дом.

Каурбек опустил меня на землю и держит за руку. Гамос взял мою другую руку, будто я собирался вырваться и убежать.

— Что ему делать в доме? — Асамо не пропускает нас.

Все смотрят на нас. Я тоже смотрю на людей, но не вижу ни одного знакомого лица. И во дворе сплошь незнакомые люди.

— Ты не разрешаешь ребенку в последний раз взглянуть на своего отца? — сердито спросил Каурбек.

— Если вы хотели показать ему отца, то где были раньше? Что он там увидит теперь, кроме савана? Уведите его, он еще ничего не понимает.

— Правильно. Асамо прав. Уведите его, слушайтесь старших, — послышалось с разных сторон.

Пока шел этот разговор, я смотрел во двор. Там полно народу, но из родных никого не видно. И Яи ко мне не выходит.

— Дайте пройти людям, — один из стариков, сидевших у ворот, коснулся концом трости ноги Каурбека.

Он отвел меня к дому Ахболата Рубаева. Там, возле ворот на траве, сидели все ребята нашей улицы. Каурбек поручил меня им. Ребята сидели непривычно смирно, смотрели в сторону наших ворот, лишь изредка обмениваясь репликами:

— Глядите, какой длинный кинжал вон у того, в белой папахе.

— Зато у моего деда кинжал в серебряных ножнах.

А люди идут и идут. С нашего двора слышатся рыдания и причитания женщин.

Я неотрывно смотрю в сторону наших ворот. Знаю, что не зря плачут там женщины. И даже догадываюсь, почему Кора сказала «ушел». И еле сдерживаю слезы, но вокруг никто из мальчиков не плачет. И тогда я тоже не решаюсь.

Из домашних никого не видно. И только слабая надежда придает мне силы не заплакать: Гамос и Каурбек не дадут мне пропасть среди такого большого количества незнакомых людей.

— Выносят, — сказал кто-то из ребят.

И я вижу носилки, четверо с одной стороны, четверо — с другой. Носилки укрыты темно-зеленым покрывалом. И в эту минуту душераздирающий плач.

Все мужчины, которые были на улице, пошли за носилками. Замыкает шествие всегда готовый услужить старшим неугоми-мый Али с медным кумганом в руке. Кумган блестит на солнце. Видимо, Яи опять чистила его золой.

А вот и сама Яи. Женщины с двух сторон поддерживают ее под руки, утешают, но она отчаянно кричит:

— Пустите меня! Пустите, я лягу вместо него в могилу!

Так уж вышло: папа обманул и маму, и Яи, и братьев, и сестрицу и даже меня, когда говорил, что умирать еще не собирается.

— Как бы узнать — собаки у них злые?

— О ком ты, Бабу?

— О наших, с Верхней улицы.

Что за Верхняя улица — поди пойми.

— О каких наших ты говоришь?

— О Доевых.

Это она о родне своей матери. Мать у нее умерла, когда Бабу была еще совсем крохой. В одном — не поделенном — доме жили несколько братьев с женами: у одних уже были дети, у других — еще нет. К детям — как к своим, так и не к своим — снохи относились одинаково заботливо. Заплачет кто из малышей — его успокаивала та, которая оказывалась поблизости, начинает ребенок что-нибудь просить — поступали так же. Все снохи для детей были матерями, даже бездетными. Потому-то Бабу всегда сокрушалась, что не помнит, которая из них была матерью. Осиротев, она неделями жила у ее родни. Братья покойной наперебой старались приласкать сиротку. Видимо, у кого-то из них она в детстве испугалась собаки и страх этот теперь ожил в ее памяти. Вчерашние события, да что вчерашние, даже события пятиминутной давности она не может вспомнить. Тем удивительней, что она крепко держит в памяти то, что было семьдесят лет назад.

— С чего ты, Бабу, вспомнила о собаках Доевых. Ведь, по твоим же словам, с тех пор, как вышла замуж, ни разу у них не была?

— Может, думаю, собаки у них кусаются?

— Ну и пусть себе кусаются. Нам-то что?

— Хочу заглянуть к ним, но вдруг, думаю, собаки у них злые.

— Не бойся. Встань, я тебя отведу.

Без посторонней помощи она уже не встает, может только ноги опустить с постели. Идет, поддерживаемый мной.

Так же веду ее и обратно, но ложиться она не хочет.

— Ложись, Бабу. Или еще что-нибудь хочешь? Может, по-есть желаешь?

— Какое «поесть»? Только что ели. Такие вкусные пироги с картошкой испекла, все домашние были довольны.

Но разговор ее снова и снова переходит на еду. Главное опасение ее жизни: не наступили бы опять голодные времена. Я все время обнадеживал ее: не бойся, Бабу, у государства достаточно запасов — голод больше не повторится. Но я чувствовал, что она мне не верила. Да и удивляться не стоит: три голода, которые она пережила, вселили такой страх в ее душу, что мысль о голоде у нее не выходит из головы. И теперь этот страх проявляется не совсем обычно. Целыми днями крошки не съест, хоть мы все поочередно уговариваем ее: «Бабу, съешь хотя бы немного, просим тебя: зачем моришь себя голодом»? Чаще всего отвечает: «Оставьте вы меня в покое со своей едой или нет? Ведь только что же поела». Совсем лишилась аппетита — не к добру.

— Скажи, Бабу, чего тебе сейчас больше всего хочется поесть?

Не отвечает, задумалась, глядя в потолок: может, над моими словами, может, какая-то другая мысль занимает ее. Стою, жду ответа.

— Ну скажи, Бабу, что ты желаешь? Неужели ничего не хочется?

— Свежие помидоры.

Ничего себе желание! В конце зимы не самая лучшая пора для свежих помидором. Шутит она, что ли? Чтобы мы отстали от нее? Постой, постой, однако! Чего ты испугался? На базаре помидоры продаются круглый год. Не буду откладывать до завтра, пойду прямо сейчас.

Быстро одевшись, уже от двери обращаюсь к ней:

— Бабу, я на часок хочу выйти на улицу, можно?

Она повернулась ко мне:

— Ты же оделся, чего еще меня спрашиваешь? Иди по своим делам, обо мне не беспокойся. Если уж смерть зайвится за мной, то и ты меня не спасешь.

Во всем базаре помидоры продавали только в одном месте. Полузеленые, желтоватые, размером с грецкий орех. Такие в нашем огороде попадают лишь поздней осенью. Мы их даже не убираем. Единственное, на что они годятся — это сварить их, если заморозки не прихватят, с листьями перца. Даже на засолку они уже не идут. Неужели на всем базаре нельзя найти лучше этих? Еще раз обошел все овощные ряды. Нет — только эти.

— Какая последняя цена? — спрашиваю продавца.

— Червонец, дорогой.

Даже не взглянул на покупателя. Низкорослый, невзрачный, небритый. Щетину, по-моему, укорачивает ножницами, не бритвой. Все лицо покрыто не то болячками, не то бородавками.

Пошатываясь, стоит за прилавком. Алкоголь, кажется, выступает даже из его глаз. Рядом с ним такой же низкорослый молодой человек с тонкими усиками, они о чем-то спорят на непонятном мне языке. Молодой говорит безостановочно. Продавец лишь изредка произносит «ара».

Стою, злось. С какой совестью торгуют этим мусором? Брать или нет? Но покупать придется. Бабу хочет помидоров. Вот только как я эти так называемые помидоры положу перед ней?

— Немного не уступишь?

— И не заикайся, дорогой.

— Больная, понимаешь, захотела...

— Знаю, дорогой.

Откуда ты можешь знать? Хотя нетрудно догадаться, что люди только по крайней нужде покупают помидоры на исходе зимы.

— Взвесь полкилограмма.

— Сам выбери, дорогой.

Как ни стараюсь выбрать получше, но товар никуда не годится. Наверное, разобрали до меня, а, может, получше и не было.

Спешу домой.

— Я вернулся, Бабу.

— Добро пожаловать.

Тщательно помыл помидоры в теплой воде, разрезал и, посолив, положил их перед ней на тарелке. Бабу подняла голову с подушки и долго смотрела на них подозрительно.

— Что это?

— Помидоры, как ты хотела.

Она посмотрела на помидоры, сощурилась старческие глаза, потом взглянула на меня. И двумя пальцами взяла помидорный кусочек, нюхает.

— Пахнет помидором, — и начала медленно жевать.

— Хлеба принести тебе?

Помотала головой, съела второй кусочек. Потом опустила голову на подушку.

— Покушай еще, Бабу.

— Кушаю, а как же!

Судя по быстрому ответу, она передразнивает давнюю нашу постоянщицу. Но есть уже не станет.

Во время послевоенного голода из российской глубинки до Осетии добрались мать и дочь. Не знаю, каким образом занесло их в наши края и где еще побывали до этого, но встретились маме между Бесланом и Зильгой. Пока они добирались до Зильги, мама, хоть и с трудом, поняла их: в курских деревнях свирепствует голод, он и погнал их до Кавказа. Бездомные, без родни, без знакомых, они готовы были наняться на любую работу. Сердобольная мама привела их переночевать и они остались у

нас на все лето. Был самый сезон прополки. И для дочери сразу нашлась работа: за еду принималась к одиноким старикам и старушкам, которые сами уже не справлялись на огороде. Хозяева, тоже полуголодные, давали ей с собой после работы и кусочек чурека. Старая же мать ее, сильно исхудавшая, уже не могла работать. И весь день то спала, то бесцельно шаталась по двору. Как только мама начинала варить похлебку, старушка просыпалась и подходила к печи. То дрова поднести, то подсказать, как лучше приготовить пищу, какие приправы добавить. Мама и без нее знала про приправы, но где взять-то их было?

Когда же обед бывал готов, постоялица деликатно удалялась в свою комнату, мол, не думай, что я из корысти помогала тебе готовить. Хоть и донимал голод, до попрошайничества она не опустилась. Даже я, мальчишка, это понимал. Тем более, мама. Когда еда подспевала, она всегда спрашивала постоялицу:

— Бабуля, борщ кушаешь?

— Кушаю, а как же! — незамедлительно следовал ответ.

Видимо, ей казалось, что мама только ради приличия спрашивает ее, и если замешкает с ответом, то не получит ничего.

Мама беззлобно ворчала по-осетински:

— Ишь, какая шустрая, никогда не откажется.

Втроем мы садились за скудный обед.

Больше сорока лет прошло с тех пор, но я отчетливо помню морщинистое лицо под низко повязанной белой косынкой. Слышу аппетитное чмокание ее беззубого старческого рта. Не забыла ее и Бабу. На вопрос, хочет ли она кушать, у нее всегда готов ответ: «Кушаю, а как же!» — даже когда вовсе не собирается есть.

Может, та жидковатая похлебка, которой она душевно делилась с бедной скиталицей, тоже будет положена на чашу весов в День Ахарата и зачтется ей?..

— Чего, Бабу, не спится тебе среди ночи? Я тоже не могу, глядя на тебя, заснуть.

— Скорей бы наступило утро, чтобы я пошла домой. Ты думаешь, мне охота...

Она не досказала мысль до конца, а прилегла на краю дивана, там, где сидела. Я поднялся, подвинул ее, чтоб не свалилась, на середину постели и укрыл одеялом.

Домой. Что она заладила — домой да домой? Почему она каждый день это повторяет? Или, может, ей, как и мне, больше нравится не благоустроенная городская квартира, а наш старый саманный дом в Зильге? Отвести ее туда? Но тогда я буду, как на короткой привязи: нельзя будет никуда отлучиться, пока выходные не придет кто-нибудь из домашних. Да и какая разница — где лежать в городе или селе? Со своими добрыми соседками ей больше не посидеть на улице. Никуда уже не

пойти. Да и не хочется мне, чтобы соседи и знакомые видели ее такой беспомощной. Но и зазорного здесь ничего нет. Все дается Богом — и болезнь, и здоровье. И все же...

С этими невеселыми мыслями я и заснул.

Наутро в дверь кто-то позвонил. Токон.

— Ну, как вы? Как их девочка?

— Без перемен к лучшему.

В руках у нее — яркая полиэтиленовая сумка с надписью на русском и английском языках «Сочи». Внизу — пальмы, синее море, желтый песок на берегу, а над ними — роскошная блондинка в легкомысленном купальнике.

— С моря приехала? — показал я на сумку.

Токон подняла ее выше и посмотрела на рисунок:

— Вот бесстыжие! А я и не заметила. Наверное, смеялись надо мной в автобусе. — Прислонившись к стене, она сняла свои туфли. — Дай, пожалуйста, какие-нибудь тапочки, а то ноги отекли. Отвыкла я от туфель.

— Тебе же трудно передвигаться, так зачем сюда еще едешь?

— Мне-то ничего не будет, но я беспокоилась об их девочке. Вот и одежду я сама ей сшила.

Грустно ступая, она вошла в комнату.

— Ну как ты, их девочка? — с трудом сдерживая слезы, спросила она, присев на край дивана.

— Как молодой олень.

Токон вынула из сумки сверток, положила себе на колени, развернула.

— Посмотри, их девочка, какое платье я тебе сшила.

Она подняла за плечики светло-коричневое в белую горошину ситцевое платье, разгладила и протянула Бабу. Та приподнялась с постели и тронула подол платья кончиками пальцев.

— Прямо загляденье.

Больше она ничего не сказала.

Токон положила платье на одеяло и достала из свертка ночную сорочку из белого ситца:

— Вот и белье тебе сшила.

Бабу потрогала и сорочку.

— Спасибо за подарок.

Опять она больше ничего не сказала. Подумала ли о том, что подарки теперь ей ни к чему. Поняла ли смысл подарков Токон: в последнюю дорогу?

Я оставил их наедине и вышел в кухню. В квартире, хоть я и отворил все окна, душно. До меня доносятся голоса Токон и Бабу, но о чем говорят — не разобрать. Да и разговором это не назовешь. Больше говорит Токон, Бабу лишь изредка вставляет

слово-другое. Видимо, и слушает она вполуха, а мысли ее заняты другим.

Я повозился на кухне и собрал обед: разогрел вчерашние пироги и куриный суп. Сначала поставил тарелку перед Бабу.

— Тебе, Токон, тоже сюда принести?

Она, как и прошлый раз, прилегла на диван.

— А мне-то зачем сюда?

— Может, думаю, глядя на тебя, Бабу лучше поест. Со вчерашнего дня, кроме воды, у нее ничего во рту не было.

— Оставь, пожалуйста, меня в покое, нельзя же постоянно есть.

— Ну чего ради, их девочка, постишься? Время поста у мусульман давно прошло.

— И получаса не прошло, как я поела. — Бабу говорит с такой уверенностью, что я даже засомневался. — А они постоянно надоедают мне: поешь да поешь. Как будто я в гостях и мне особое приглашение нужно.

— Раз так, пойдем, Токон, покушаем в кухне.

Мы сели у стола. Токон тоже не до еды, но, чтоб не обидеть меня, хлебает суп.

— Совсем она плоха. Она же намного моложе меня. Откуда же ее болезнь?

— Даже не знаю. Легких болезней не бывает, но Бабу страдает самой противной — такой, какой я и врагу не пожелаю.

— Тяжелая ей выпала доля с самого детства. Самый несчастный человек на свете — сирота. Но я тебе скажу: Дзуон, царство ей небесное, вырастившая их, была им как родная мать. Старики в Гизели все помнят, что мачехой ее никто никогда не называл. И грех было бы назвать. Без отца, конечно, ребенку трудно, но еще труднее — без матери. Вот потому-то ребенок без матери — дважды сирота. Бедная их девочка, — прослезилась Токон.

— Против воли Божьей мы бессильны, Токон. Видимо, если бы все люди сполна познали материнскую ласку, то и ценить бы ее перестали.

— Так-то оно так. Но их девочка едва покинула свой сиротский дом, как осталась вдовой. Кроме тягот и лишений она ничего не видела в молодости. Видимо, отсюда и ее недуг. Хорошо, хоть ты вышел у нее в люди.

— Куда уж там — вышел. Я тоже причинил ей немало горя.

— Причинить-то, может, и причинил, но вокруг творятся вещи куда пострашней. Думаешь, многие сыновья оставляют работу, чтобы ухаживать за больной матерью? Некоторые даже выжидают из дому своих старых родителей.

— Они, Токон, в День Ахарата будут держать ответ. Бог все видит. Но ведь Бабу вроде бы ничего неугодного Богу не сделала, почему же на ее долю выпало столько невзгод?

Токон ничего не ответила, да и ответа от нее я не ждал. Просто поделился своими горестными думами. Некоторое время мы просидели молча.

— Я хотел посоветоваться с тобой, Токон. Каждый день несколько раз повторяет, что хочет домой...

— Вот и мне она жаловалась: на одну, говорит, ночь приехала. Но тогда почему застряла здесь? Бедняжка, не привыкнет к городу.

— Чему удивляться? Я сам большую часть жизни прожил в городе, и то не могу привыкнуть. Отвез бы я ее, да ты сама понимаешь, лучше ей от этого не будет.

— Но если она так сильно тоскует по селу, то не держи ее здесь. Царских блюд она не станет требовать, тем более в пору ягод и фруктов. Отвези ее. Заслужишь Божью благодарность.

Этим Токон положила конец моим сомнениям. Мы в семье уже несколько раз советовались, как быть, но каждый раз решали, что в городе Бабу удобней. Теперь же, после слов Токон, я твердо решил: отвезу ее, завтра же отвезу.

... Услышав, что мы поедем домой, Бабу буквально воспряла духом. Даже оделась без посторонней помощи. До лифта тоже дошла сама. А вот от лифта до машины дойти уже не смогла. Когда сходила по лестнице, колени ее подгибались. А я воодушевленно думал, что впереди еще полтора летних месяца. Так пусть она подышит свежим воздухом. Может, как сказала Токон, там она поправится. А с началом осеннего ненастья привезу ее обратно.

Сам я сел рядом с водителем. Бабу — на заднем сиденье. По обе стороны от нее — внук и сноха. Из города в Зильгу ехать полчаса. Но я поминутно оглядывался, как бы чего не случилось с Бабу.

— Ну как себя чувствуешь, Бабу?

— Как молодой олень.

Остальные в машине молчат. Миновали Беслан.

По обеим сторонам дороги вперемешку растут высокие, не знающие прикосновения секатора и ножовки абрикосы и акации. Урожай абрикосов в этом году будет отменный, под тяжестью плодов прогибаются ветви.

— Помедленней, пожалуйста, — попросил я водителя.

Он удивленно посмотрел на меня: обычно все просят ехать быстрее.

— Остановить?

— Нет, нет, только потине. — Я обернулся назад: — Погляди, Бабу, какая густая тень по обочинам. Может, наберем по полмешка яблок и трихнем стариной?

— Кто же в полдень собирается на базар?

Шутку мою она приняла всерьез.

До какого же рынка можно было дойти быстрее — до бесланского или комбинатского? Расстояние было, по-видимому, одинаковое. На комбинатский рынок надо выходить очень рано: ночная смена заканчивалась в семь утра, к семи же часам торопилась на работу дневная смена. А до этого надо было успеть на многолюдный в это время базар. Покупателей после пересмены будет раз-два и обчелся. А там уже придется ждать до полудня, пока рабочие не выйдут на обеденный перерыв. Покупатели — в большинстве своем — знали маму и охотно брали яблоки у нас. Перекупщики же с открытой неприязнью поглядывали на нее: «Заявилась с утра!» На три яблока они кладут сверху еще одно яблоко и — «Почем кучка?» — Червонец. А у мамы на мешке полная миска и тоже — червонец. Каждому покупателю она сверх миски бросала в сумку или ведро еще пару яблок.

Когда мы к пересменке на комбинат не успевали, приходилось идти на бесланский базар.

— Вставай, дорогой. А то опоздаем!

Настанет ли день, когда я смогу выспаться всласть? Веки будто склеены, разомкнуть невозможно.

— Вставай, базар разойдется!

Сунул ноги в чуваки, хоть и трудно назвать их чуваками. Пятки и носки у них протерлись до дыр. Опять в ноги будут впиваться колючки. Пошатываясь, подхожу к умывальнику, ополаскиваю холодной водой лицо и только тогда просыпаюсь окончательно. Утренний холод заставляет зябко поеживаться.

На востоке четко обозначилась заря, но сизоворонки неуверенно пробуют свои голоса. Они-то чего просыпаются в такую рань?

Два мешка, которые мы приготовили вечером на столе под сараем, заметно пополнели. Мама тайком от меня успела добавить в них опавшие за ночь спелые яблоки. Тот мешок, в котором яблок больше половины, она берет сама. В котором меньше — это мой. Хорошо, что мои сверстники еще спят, не то засмеяли бы меня.

Теперь, пока мы не дойдем до железнодорожного переезда, она не опустит свой мешок. Я же вскоре устаю, и потому несколько раз перекладываю мешок с плеча на плечо.

Даже собаки еще не проснулись, но день занимается. И чем светлей, тем заливистей птичий голос.

Обогнули угол возле Дзиевых, теперь дорога ведет прямо в Беслан. Мне уже не холодно.

— О Боже! И как только сноха Зали может каждое утро тащить до Беслана полный мешок! Да еще и ребенка заставляет подниматься в такую рань! — зычный голос Бимболат.

Раздался голос совершенно неожиданно. Когда дошли до их дома, глянул в их двор, но там никого не было. Откуда тогда появился хозяин столь внезапно? На его плечи накинута телогрейка, на голове — старая облезлая папаха. Со слухом у него вроде бы все в порядке, но разговаривает очень громко. Не спит он ночью, что ли? Хотя на его месте не особо и поспишь. Жена у него давно померла. А у него на руках мальчик и девочка, мои ровесники. Вот и приходится ему вставать ни свет, ни заря. К тому же и корову ему надо подоить, и погнать на пастбище, да еще спозаранок обойти людей, Бимболат ведь колхозный бригадир. А бригадиры, известное дело, начинают с уговоров выйти на работу, а заканчивают громкой бранью. Почему-то считается, что проклятия Бимболат сбываются. Вот и боятся его женщины. Вспомнился забавный случай. Несколько дней назад мы вот так же шли на базар, только время было не такое раннее — солнце уже взошло. Дом Жапханы — напротив Бимболат. Мы еще издали слышали, как он барабанил в их ворота. Никто на стук не вышел. Когда мы поравнялись с Бимболатом, он, как бы призывая нас в свидетели, громко произнес:

— Если она где-нибудь прячется, то, великий Аллах, кинь в то самое место, где она находится, камень величиной с меня!

— Нет, нет! Боже, упаси! — Жапхана выскочила из росистых зарослей кукурузы.

Чем больше я устаю и перекладываю мешок с плеча на плечо, тем сильнее они болят. Пора бы им и привыкнуть к ноше, но не привыкают. Я завидую маминой выпосливости. Как перекинула еще в сарае мешок через левое плечо, так и несет его без остановки. И как только не затекает у нее рука? Только время от времени, когда ей в чуваки набивается дорожная пыль, она останавливается. Поднимается на пятку, придерживая чувак пальцами ног, стряхивает пыль. То же самое продельывает другой ногой и идет дальше. Я тоже стараюсь стряхнуть пыль таким же образом, но у меня ничего не получается. Поэтому я останавливаюсь и снимаю прохудившиеся чуваки. А ступить в сторону от тропинки нельзя: на траве такая густая роса, что через несколько шагов чуваки промокнул. На них густо налипнет пыль, превращаясь в тягучую грязь. Да и от колючек спасение только на тропинке.

Мама только тогда опустила свою ношу на землю, когда дошли до колонки. Жадно напился воды, будто были не голод-

ны, а наелись жареными в подсолнечном масле пышками. Теперь до базара — рукой подать.

Как всегда, свободного места на стойках нам не досталось: их занимали местные торговки.

На стойках более изысканный, чем яблоки, товар: пирожки, яйца, сыр, молоко, папиросы, семечки. Мы ставим свои мешки прямо на землю — в ряд со стойками. Да и покупатели идут прежде всего сюда: здесь можно взять дешевле. А продают пышки — самый ходовой товар — втридорога. Хотя и ненавидят торговки друг друга, но в нужный момент, когда надо поддержать цены, на удивление единодушны. Иногда те, кто занимается перепродажей, и у нас скупают разом наши яблоки. А потом продают кучками в четыре-пять яблочек. Возможность стоять целый день на базаре у них есть. А у нас работы непереворот. Вот маме и приходится отдавать яблоки за бесценок. Лишь бы не тащить их обратно.

Продав первые три миски, мама оставила меня возле мешков, а сама пошла и купила пышку.

— Прости меня, Господи, за то, что раньше увечного я ребенку даю хлеб. Не морить же его голодом, если уж ты вдохнул в него жизнь.

Увечным она называет своего деверя — Додана. Его призвали в первые же дни войны, и целых три года от него не было никаких вестей. В доме вслух об этом никто не говорил, но про себя предполагали самое худшее. И вдруг в сорок четвертом, весной, от него пришло письмо. Писал откуда-то из госпиталя. Очень извинялся, что так долго не давал знать о себе. Спрашивал, как дома, как родственники, соседи? «Слава Богу — жив!» — обрадовались не только близкие, но и сельчане. А через год, в самый канун Победы, Додан сам заявился, опираясь на два костыля. С тех пор он то в госпитале, то дома. Щиколотка его правой ноги раздроблена разрывной пулей. Как ни лечили рану и в Перми, и в Тбилиси, и во Владикавказе — рана не заживает, гноится, каждый вечер приходится менять повязку. Большую часть времени он проводит в кровати. Утром встанет, выглянет на улицу, вернется, мастерит что-то. Потом заходит в свою комнату и приляжет. Раненая нога — в кровати, здоровая — на полу. По вечерам его часто навещает его дружок Сосланбек Борукаев. В боях под Моздоком у станицы Вознесенской осколком снаряда ему срезало коленную чашку, так что правая нога у него не сгибается. Но все равно он через полсела бодро хромает к нам, на каждом шагу выбрасывая вперед искалеченную ногу. За графином невесть где раздобытого самогона до поздней сидят при свете керосиновой лампы.

Не зря сказано: грешно смеяться над чужим изъяном. Сосланбека призвали летом сорок второго, после девятого класса. В летний полдень, накануне отправки, он по привычке зашел на почту. Перед тем как разойдутся почтальоны, заведующая Хадизат давала ему просмотреть газеты. Но однажды взгляд его упал на телефонный аппарат, висевший на стене. И он решил развлечься. Снял трубку, покрутил ручку аппарата и попросил соединить его с сельсоветом. Как он и рассчитывал, там оказался только сторож — хромой Дбу Слонов. «Где председатель?» — «За окраиной копают противотанковые рвы, и он пошел туда». — «А секретарь?» — «Не знаю. Только что была здесь. Может, пошла домой пообедать». — «Что еще за обед?» Вы что, не знаете, что в военное время все должны находиться на своих рабочих местах с утра до вечера? Вы посмотрите на них — пошла обедать! Чтоб вы подавились там своими обедами!» — «Что-о?! — вспыхнул Дбу. — Как ты смеешь? И вообще, кто ты такой, чтоб разговаривать таким тоном?» — «Я заместитель военного комиссара района». — «Извини, не узнал я тебя, дорогой», — сразу сбавил тон Дбу, будто и в самом деле был заикающимся другом столь высокого начальства. «Узнаешь!» — недобро пообещал Сосланбек. «Извини, извини, а что передать председателю и секретарю? Я их сейчас же разыщу». — «Не надо их искать. Ты кем там работаешь?» — «Я — сторож». — «Писать умеешь?» — «Конечно. Окончил два класса приходской школы еще при царе Николае». — «Вот и отлично. Возьми карандаш и бумагу». — «Постой, вот на столе ручка и чернильница, а бумага, наверное, в ящике стола. Да, да, здесь она». — «Тогда пиши. Ты готов?» — «Да, да, готов». «На самом верху листа пиши: завтра в восемь часов утра без опоздания...» — «Постой, постой, я так быстро писать не могу». — «... прибыть в районный военкомат, с вещами, для отправки на фронт... Написал?» — «Да, да, написал. Говори дальше: кому прибыть?» — любопытство разбирало Дбу. И Сосланбек стал перечислять всех хромых — от малолетних мальчишек до стариков, которых знал в Зильге. «Шау Рубаев. Написал?» — «Да, да, написал». — «Калау Хаблиев. — Написал?» — «Да, да, написал». — «Гапай Дзарахохов». — «Так он несколько лет тому назад помер». — «Это меня не касается! У нас он еще значится в списках строевых. Гапай Дзарахохов. Написал?» — «Но как же...» — «Это не мое дело! Мертвого или живого — найдите его и пусть завтра прибывает к восьми часам с вещами. Написал?» — «Написал». — «Агубе Слонов. Записал?» — «Записал». — «Дбу Слонов». — «Нет, нет, меня нельзя! Я хромым!» — «Меня это не касается! Пиши: Дбу Слонов». — «Мне никак нельзя на фронт! Все подтвердят: я хромым от рождения!» Здесь Сосланбек, чтобы не

было слышно, как он прыснул, прикрыл локтем рот, повесил трубку и согнулся пополам, схватившись за живот и зайдясь в смехе. До сих пор Хадизат, целая костьшками счетов и улыбаясь, слушала озорство Сосланбека. Когда же она поняла, что у Дбу душа ушла в пиявки, то встала с места: «Хулиган, почему издеваешься над бедным стариком? А если с ним что-нибудь случится с перепугу?» Подошла к телефону, покрутила ручку: «Дбу, это ты? Не бойся, это звонили не из военкомата. Это вон Сосланбек попутал... Из почты... Я? Я — Хадизат. Да, да, сын Дахдыко Борукаева». Сельсовет и почта находились в одном просторном дворе, когда-то принадлежавшем раскулаченному Дзарасовым. И вот Дбу ворвался на почту.

— Думал, что убегу от него, — и через несколько лет не может сдержать свой смех Сосланбек, рассказывая эту историю Додану. — В комнате он меня не достал, но когда я хотел выскочить в дверь, так меня огрел, что рубец от его палки до сих пор, наверное, на мне, — он дотронулся до спины. — А ведь о других не сказал, что они хромы и не подлежат призыву, пока очередь не дошла до него самого. Даже за твоего родственника Калауа, который без двух костылей шага не может ступить. Вот что значит смеяться над чужим изъяном, — погладил Сосланбек изувеченное колено.

Из долгих ночных разговоров я понял, что Додан, как только прибыл на фронт, пошел в окружение, затем в плен. Бежал и пришел к партизанам. Их отряд действовал в белорусских лесах и на Пинских болотах. Два года Уастырджи хранил его, но, в конце концов, пуля раздробила ему щиколотку. Рана оказалась настолько тяжелой, что вот уже третий год никак не заживет и мучает его.

Мама, в общем-то, зря просит прощения у Бога — на вырученные деньги и Додану купим гостинцы: пышку, папиросы или стакан самосада. Возможно, даже бутылку вина. Могли бы купить и больше, но деньги пойдут на погашение бесчисленных налогов.

Когда мы первый раз принесли яблоки на базар, то мама меня самого послала купить пышку:

— Выбирай ту, которая лучше.

Я обошел торговков. На столах большой выбор: белые, с поджаристой корочкой, подгорелые, большие, маленькие, круглые, продолговатые пышки. По моим голодным представлениям самой лучшей должна быть самая большая. И я выбрал ее. Но пышка оказалась подгоревшей, но это к хорошему: говорят, кто съест подгоревший хлеб, тот найдет деньги.

Пока я дошел до мамы, пышка начала разваливаться и, чтобы ее не уронить, я сложил ее вдвое.

— Что это ты кушал? — мама осторожно взяла пышку из моих рук и внимательно осмотрела.

— Эта была самая большая, — похвастался я.

— Эх ты! Я же тебе наказала: выбирай самую хорошую. А ты кушал — картошка пополам с бардой. Мукой и не пахнет.

Мне тоже показалась она подозрительно рыхлой. Эх, пышки!.. Самые вкусные пышки пекла Гыцу, даже у Яи такие не получались. Перед войной мы с Доданом часто бывали в гостях у его друга Магомета. Он жил по ту сторону реки. И каждый раз мать Магомета — Гыцу — пекла гостям пироги с сыром. А мне на отдельном низком столике подавала вкуснейший продолговатый пирожок, тягучий жирный сыр которого выступал наружу. Гыцу говаривала: «Если все не съешь, то в другой раз больше не угощу». Но съесть ее пирожок целиком было невозможно. Впридачу она пекла большущий ароматный крендель, который надевала мне на шею, и я его должен был нести домой, всю дорогу вдыхая не сравнимый ни с чем хлебный дух.

Глубоко вздохнув, я откусил кусочек размякшей пышки. Ничего, конечно, сравнения с пирожком Гыцу, но на голодный желудок и такое сойдет. Полпышки я протянул маме, но при людях она не стала есть. Я долго жевал без всякого аппетита, но так и не съел до конца. Остаток мама завернула в фартук и положила в мешок — на потом. С тех пор покупку пышек она мне больше не доверяла.

— Тигр! Тигр! — тревожно раздавалось над стойками.

Что-то поздно пришел Тигр сегодня. Обычно появляется тогда, когда базар в самом разгаре. Крадучись, подходит — пучеглазый, большой, босиком, штанины выше щиколоток, неопреленного цвета рубаха поверх штанов, волосатая грудь открыта. Прозвище «Тигр» он, видимо, получил оттого, что подкрадывался ловко.

Торговки, как квочки, защищающие цыплят от ястреба, накрывают собой товар с криками: «Тигр! Тигр!» Но Тигр в мгновение ока хватается добычу. Для нас он опасности не представляет: яблоки ему не нужны. Пышка. Если уж он изловчится, то хватается ее двумя руками. И никто уже не сможет отнять. А раз уж откусит кусок, то кому она нужна? Те, у кого он выхватывал пышку, выметали на нем свой тнев кулаками. Если же оказывался среди них злодей, вздумавший ударить его палкой, то сами же пострадавшие с криками начинали заступаться за Тигра. А он, размахивая руками, словно крыльями, защищает от ударов только голову. Как бы сильно его ни били, он никогда не посмотрит на того, кто его бьет. Видимо, он был немой: голоса его я ни разу не услышал. И только рык его паводил ужас: рыкнет угробно — и все кидаются враспынуто.

Был Тигр довольно-таки деликатным: выхватывал не больше одной пышки. Но зато неотвратимо, два-три раза за день. Умист пышку — и исчезнет так же неожиданно, как и появился.

Один из наших мешков продан полностью, второй — наполовину. Кое-кто из торговцев собрал свой товар и направился к железнодорожному вокзалу.

— Пойдем мы тоже к поезду, — сказала мама.

Поезд проходящий: «Баку-Москва». Пока он стоит на станции, пассажиры выходят поразмяться, многие соблазняются, берут яблоки.

Как только я поставил мешок на перроне и мама наполнила миску, к нам подошли военный с пышными усами и с ним две женщины, по всей видимости, ожидающие посадки. Я сразу же уставился на ордена, которыми была увешана его грудь. Вот военный нагнулся — и награды зазвенели. Взял из миски яблоко, раздавил большим пальцем и попохал.

— Давно я не пробовал летний шафран, — повернулся он к своим спутникам, потом спросил маму: — Какая цена?

— Червонец.

— А все вместе?

Мама пожала плечами:

— Сколько дань.

Полковник протянул руку и одна из женщин подала ему большую кожаную сумку. Яблоки пересыпали.

— Их надо бы попробовать, вдруг не понравятся, — сказала мама.

— Я этот сорт хорошо знаю: в нашем саду было шесть таких яблонь. Было, да не стало: мои старики срубили их на дрова, — грустно сказал полковник, достал из нагрудного кармана деньги, отсчитал десять красеньких бумажек и протянул маме.

— Это слишком много, — спрятала она руки за спину. — Брать деньги от фронтовиков вообще грешно, да что поделаешь: нужда заставляет.

— Возьми, возьми. А за доброе слово — спасибо.

Сейчас минуем зильгинское кладбище и свернем к селу. Бабу смотрит прямо вперед, будто ожидая, что на дороге возникнет какое-нибудь чудо. Прежде она обязательно обернулась бы в сторону кладбища: пеней — поклониться могилам, в автобусе — чтобы привстать и сказать: «Царство вам небесное». Теперь она даже головы не повернула.

Машина остановилась у наших ворот. Я вылез и отворил их, чтобы «Волга» въехала во двор. Мне очень не хотелось, чтобы кто-нибудь увидел Бабу такой немощной. Да на улице никого и не было видно: полуденное июльское солнце загоняет людей в дома, в прохладу.

Во дворе мы помогли Бабу выйти из машины. Но она ни на что не оглядывается, идет поддерживаемый мной и молчит. «Домой, домой», — твердила все время, а сама даже на стены дома не посмотрела, у порога не остановилась, чтобы сказать: «Слава Богу, вот я и дома».

Пока сноха готовила постель, Бабу опустила на диван. Но сидеть ей было тяжело, пришлось подложить подушку. И тогда она прилегла.

Бабу с трудом приподнялась с дивана и встала. Мы ей помогли идти. Она остановилась у этажерки. Пальцем провела по корешкам книг:

— Не запылились?

— Конечно, запылятся, если не будут в застекленном шкафу, — ответила сноха. Слова Бабу она приняла за упрек. И я уловил в них скрытую обиду.

Но упрека не было. Просто, когда Бабу увидела этажерку, то вспомнила предсмертный наказ мужа. Сноха не могла знать, что имела в виду Бабу, а я-то хорошо знал.

Эту старинную резную этажерку я помню столько же, сколько и себя. Она была уставлена фолиантами в кожаных переплетах и корешках, такими тяжелыми, что я в детстве с трудом мог снимать их с полок. Читать в то время я уже умел, но не понимал написанного. Листал я их только из-за рисунков. Я мог сидеть над ними целыми днями, забыв про еду и про игры с ровесниками. Главное было — уединиться: никто тебе не мешает, да и ты никому не мешаешь.

— Смотри, не порви их. И грязными руками не трогай, — постоянно напоминала мне Яи. — Когда вырастешь, будешь читать их и станешь таким же ученым, как их хозяин. Только дай Бог, чтобы ты был более счастливым, чем Афако.

Но книг неожиданно не стало.

Это было летом сорок второго года. Мама вместе с другими женщинами уходила на окраину села рыть противотанковые рвы. Будто немецкие танки, которые на просторах России форсировали великие реки и непроходимые болота, могли быть остановлены у Зильги рвами, вырытыми руками женщин и стариков. Но разве об этом можно было говорить? Попробуй заикнуться. Председатель сельсовета Дыгына станет выяснять:

— Ты что: ждешь-не-ждешься немцев?

Стоит ей в чем-нибудь тебя заподозрить и покоя уже не жди. Будь ты ребенок, женщина или старик.

Но Оля, племянница Яи, все же ухитрилась провести председателя. Не пошла ни на колхозные, ни на оборонительные работы. Спряталась у нас и на улице не показывалась:

— Больше им ничего не надо! Стану я воевать против Гитлера! Пусть обратно гонят его те, кто пустил досюда. А я бедная женщина, и не мое дело воевать и рыть окопы.

Как говорится, злослови про алдара, держись подальше от него. Она храбрилась лишь при Яи и маме, а попробуй она сказать такое при Дыгына.

Оля стала жить у нас, будто член семьи. Домой даже ночевать не ходила. Зря стучалась к ним Дыгына с вооруженными дружинниками. «Я тоже, как и вы, не знаю, куда она подевалась», — отвечала им ее старая мать. — Если не верите мне, идите и общитесь». Сделали и обыск — безрезультатно. А в это время Оля с Яи в нашем саду обрывали вишню, я же с копачьей легкостью взбирался на дерево и объедался сочной вишней, глотая ягоды с косточками. Потом они велели мне вместе с ними очищать ягоды: на ужин у нас будут вареники. Наполнив глубокую миску доверху, они ополоснули руки под умывальником и зашли в дом — на полуденный сон. Не снимая одежды, прилегли на одной кровати.

— Иди закрой ставни и тоже ложись, — обратилась ко мне Оля.

— Я не хочу, утром поздно встал. Лучше дай мне вон ту книгу с верхней полки, с красным корешком.

Она сняла толстенный том. Не раскрывая, осмотрела со всех сторон, зачем-то понохала:

— Ты смотри, это же отличная кожа для чувяков. Для чего вы их здесь держите, когда обувка у всех у вас прохудилась? Или не знаете, что переплеты у них из сафьяна?

— Что ты, что, Оля! Даже перед самой смертью сын беспокоился о них. Просил, чтобы их сохранили. Для него они были бесценным сокровищем, — Яи протянула руку к книге.

— Ладно! Ты так испугалась, будто я ее собираюсь присвоить, — недовольно ответила Оля. — Ребенок вот попросил, а мне она вовсе не нужна.

Но судя по тому, как завистливо она посмотрела на полки, было видно, что книги уже не дадут ей покоя.

Через пару дней к нам во двор заехали крытую брезентом армейскую машину с высокими бортами. А в летней пристройке поселился полковник. Почему-то, видимо, из-за богатого сада — старших командиров селили у нас. Хотя командира, который поселился напротив нас, у Рубаевых, их мальчик Батмурза называл более старшим по званию, чем наш полковник. Но, зная привычку Батмурзы прихвастнуть, я ему не верил. На петлицах их постояльца только по сиротливому ромбу, наподобие сращенных сержантских треугольников — поди, сравни их с четырьмя

шталами полковника. Завидует Батмурза, вот и придумал для своего постояльца чин повыше. А полковник целыми днями сидит за длинным столом под сараем и что-то пишет и пишет без конца. Несколько раз в день к нему приходят разные командиры. Они о чем-то переговариваются, потом полковник вытаскивает из планшета исписанный лист бумаги, размашисто расписывается на ней, достает из крохотного кошелька в нагрудном кармане круглую печать, подносит ко рту, прикладывает к бумаге и отдает пришедшему. Тот, на ходу пряча лист в планшет или нагрудный карман, козыряет, спешит на улицу, где его обычно ждет ординарец с конем.

Когда я поблизости, полковник иногда обращается ко мне:

— Мальчик, принеси мне холодной воды.

Я уже достаточно понимаю по-русски. Бегом направляюсь к дому — одно из двух ведер, которые Яи еще утром приносит из родника Дзювых, для прохлады стоит в комнате, в которой закрыты ставни и двери. И несу полковнику полную кружку.

— Спасибо, — едва заметно улыбается он.

Но я, когда приближаюсь к столу, перестаю замечать полковника. Мой взор обращен на бумагу и блестящие ручки, лежащие перед ним. А как красиво он пишет — ах, мне бы научиться так!

Опорожнив кружку, он, прежде чем взяться за бумаги, долго смотрит на меня с улыбкой, а я — на написанное им.

— Читать умеешь, мальчик?

Что-то, а по чтению мне среди сверстников равных нет.

— Конечно, в третий класс перешел.

— А ну-ка.

— «Командующий войсками девятой армии генерал-майор Маркинkevич», — без запинки прочитал я: эти слова печатными буквами написаны сверху каждого листа, поэтому я запомнил их.

Видимо, полковник не ожидал, что я прочитаю без запинки:

— Ты посмотри на этого сорванца!

Он открыл планшет, лежащий на краю стола, и из похожих на газыри ячеек вытащил ручку и протянул мне. Я недоверчиво взглянул на него: дарит мне, что ли?

— Возьми, возьми, это тебе.

Окончание следует

ГАЛАКТИОН ТАБИДЗЕ

«Вечерком, глухой дорогой...»

В оформлении использована графика К.Пачулия

Как тоскливо песня ветра веет!
Войско дум привычных вдруг редет.
О желанья, смолкните, довольно!
Слёз и тех, что пролиты, довольно.
С ними ты, Надежда, засылай.
Спите, моя Вёра, Небо, Рай.

Дороги ровные
и путь закрученный
В мученьях сердца
все мной изучены.
К вершинам тянутся
иль выются к пропасти -
Клеймом отмечены
НЕЗАВЕРШЕННОСТИ!

Вам открыты ложа и партер.
Чего же боле? – вы миллиардер!
А у меня к судьбе попроще спрос:
Чуть-чуть любви и пачку папирос.

Розовые персики вспомнил я опять.
Ты меня все гонишь, жизнь грозя отнять.
Как же тебя жажду я, как печален день!
Небосвод все тот же, и деревьев тень.
Тот же ветер мечется и деревья гнет.
То же солнце светит, тот же путь ведет.
Громко... Громко... Громко пою ветру в тон
Голосом все тем же и под прежний звон.

ЛИРА ГАМЛЕТА

Жизнь – одна тщета, и мир
весь – страданий келия.
Скройся, скройся в монастырь,
в монастырь, Офелия!
Песнь душе благую спой,
боль яви спасителю.

Сердце бrenное в святой
упокое обители.
Прочь же прах, и прочь, прочь пыль
в мир иной неверия!
Скройся, скройся в монастырь,
в монастырь, Офелия!

ЧЕМ ДАЛЬШЕ ТЫ

Чем дальше ты, тем больше мной
В тебе мечта моя любима.
Нетронутой, — как луч прямой
И как Эдем, — недостижимой.
Но коль звезда моя — не ты,
Я лишь хочу, не огорчаясь,
Чтоб светлым ангелом мечты
Больному сердцу ты являлась.
Пусть сердце — пепел горьких бед,
Пусть слезы — океан глубокий...
Хочу лишь верить я в свой бред
О празднике любви далеком.

КОГДА ЖЕ

Сладострастье с девою дальней
будет, но когда же?
Дарит нам любовь свиданье
в жизни лишь однажды.
Уязвима участь смертных
на земле и небе:
Только раз, прощаясь с жизнью,
плачет белый лебедь.

* * *

Вечерком глухой дорогой
Ты шаги направишь к дому
И заметишь, тихо вздрогнув,
Окна вновь темны, как омут.
Срок любой давно уж минул,
Но из окон свет не льётся.
Словно кто-то их покинул
И вовеки не вернется.

ЧЕРНЫЙ ВОРОН

Иду вперед... Хочу взглянуться
В путь, что расстался впереди.
Но черный ворон прокричал мне:
Вдаль не смотри,... не стой... не жди!
Я путь прошел... Хочу лишь взглядом
Дни проводить, что пронеслись.
Но черный ворон вновь кричит мне:
Не оглянись... не оглянись!
Не знаю, где я, и дорога
Трудна мне стала в темноте.
В последний раз прокаркал ворон
Над головой и улетел.
Унесся, но со мной остались
Пора, от бед что защитит,
И время, что от ран излечит,
И вечность, что за все простит.

* * *

Тебе тринадцать, и в плену
Ты держишь сердца злой искус.
Вложите в ряд тринадцать пуль —
Тринадцать раз я застрелюсь.
Пройдет еще тринадцать лет,
Дорога двадцать шесть близка.
Соцветья скосит время вслед, —
Мой стих оплачет их слегка.
Промчится молодость и с ней
Неумолимой страсти гнет,
И станет все вокруг нежней,
Лишь солнце осени взойдет.

* * *

Путь мной, некогда свободный,
Попран, вытоптаны розы.
Ныне, устыдившись словно,
Враг на леств сменил угрозы.
Но довольно! Фарс подобный
Ввергнет ли кого в сомненье?
Возрожденьем наречется —
Обернется погребеньем.
Нарядится вражье войско
В одеянье голубое.

Но слова о миротворстве —
Лишь цинизм, ничто иное.
Враг рычит, смутить желая,
Но расчет подобный ложен:
Он не дремлет, выжидая,
Но теперь не сплю я тоже.

КОТОРЫЙ ЧАС

Сейчас, наверно, поздно очень.
Печаль над сердцем занялась.
И горечь сожаленья точит.
Который час? Который час?
Ночь за окном все не убудет.
В меня вся осень пробралась.
Наверно, три теперь лишь будет.
Который час? Который час?
Опять сомненья разум гложат.
Последний луч в окне погас.
Гудок вокзальный ночь тревожит.
Который час? Который час?
Задумчив мрачный коридорчик,
Что в ночь извозчика не спас.
Как нервно телефон стрекочет!
Который час? Который час?
Не дождь — потоком черной смоли
Из неба ярость пролилась.
О боже! утра ждать доколе?
Который час? Который час?
Был Шарль Бодлер: вина бесценный
Час опьяненья, горький час! —
Его ответ был, спросят, если:
Который час?

* * *

Удел наш — стоны и слезы гнева.
Адам, рыдай же! Рыдай же, Ева!
Мечту спалили, золу развеяв.
По вашей воле мы жертвы змея.
Тоской сменился восторг небесный,
А в небе пляшут кумиры мести.
Адам, рыдай же! Рыдай же, Ева!
Удел наш — стоны и слезы гнева.

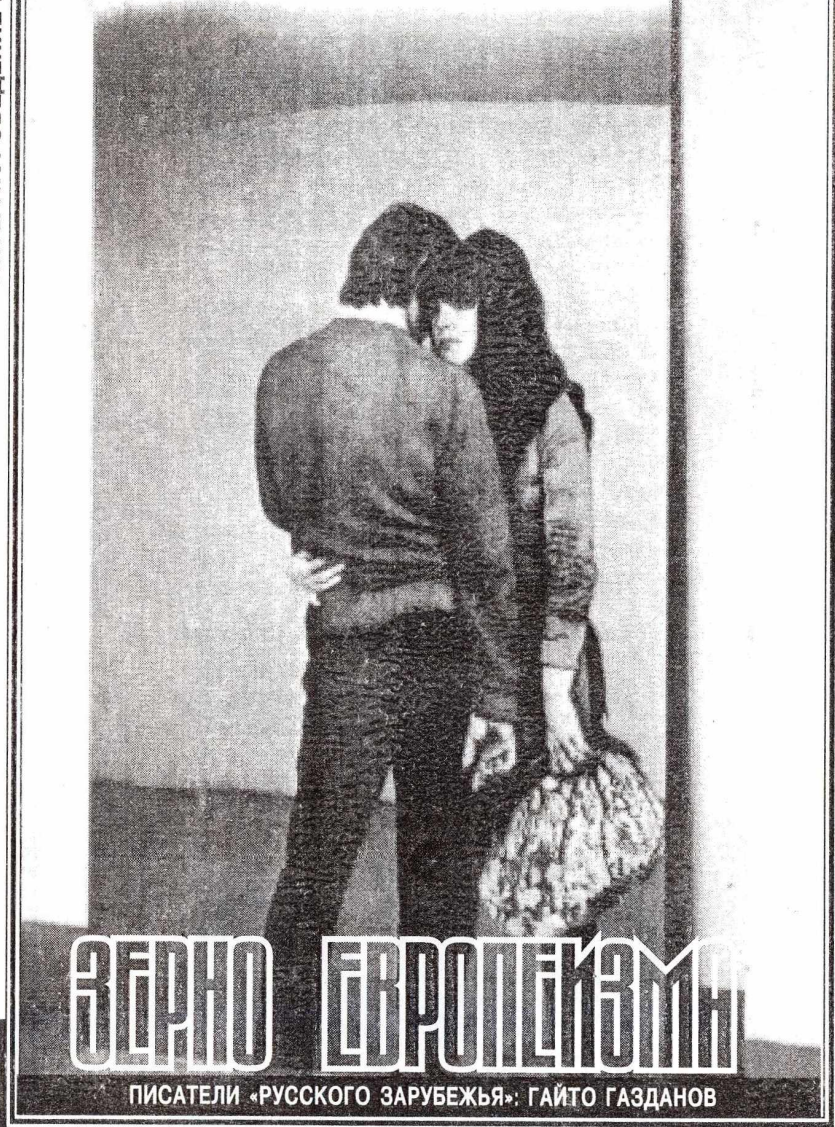
МЭРИ

Чёрной ночью венчалась ты, Мэри.
Мэри! взгляд твоих глаз в эту ночь,
Цвета молний в небесной купели,
Был печален, как осень точь-в-точь.
Пламя свеч лишь едва разгоралось.
В свете их ты плыла под венцом.
Но каким оно ярким казалось
С твоим бледным в сравненьи лицом!
Купол храма алел, воспаленный,
И струил нежных роз аромат
На молящихся жен, утомленных
Ожиданием долгим у врат.
Брачной клятве безмолвно внимая,
Мэри, милая, верить боюсь,
Я познал горечь мук, но не знал я,
То был траур, иль брачный союз?
Растеряв, словно по ветру, перстни,
Кто-то горько на плитах рыдал.
Одиночество с жалостью вместе
Тот торжественный миг порождал.
Храм покинув, всю ночь я скитался.
Мрак ненастный мне очи застлал.
А по улице ветер метался,
И неистово ливень хлестал.

Перевод с грузинского Александра Санакоева

Нугзар ЦХОВРЕБОВ

В оформлении использована работа Микеланжело Пистолетто

Писатель растение многолетнее...
душа писателя расширяется и развивается периодами,
а творения его только внешние результаты
подземного роста души...
А.Блок. «Душа писателя»

Культурное сближение с Европой происходит уже в начале XVIII века, и литературу этой эпохи В. Белинский охарактеризовал, как «привозное растение», «нововведение», вызвав тем самым возражения некоторых оппонентов. Но сама история литературы, процессы, в ней происходящие, подтверждают справедливость мысли великого критика, и относится она, разумеется, не только к эпохе классицизма. Процесс сближения, взаимодействия культур продолжается и в XIX веке, функционирует он и в творчестве писателей русской эмиграции, особенно, так называемой «второй волны», правда, обретая несколько иной даже в географическом, территориальном отношении характер. Так, например, Борис Поплавский — «самый эмигрантский из всех эмигрантских писателей» — утверждал: «...новая эмигрантская литература, та, что сложилась в изгнании, честно сознается, что ничего иного не знает и что ее лучшие годы, наиболее интенсивного отзвука на окружающее проходят здесь, в Париже. Не Россия и не Франция, а Париж (или Прага, Ревель и т.д.) ее родина, с какой-то только отдаленной проекцией на русскую бесконечность».¹

Произведения русских писателей-эмигрантов, возвращенные и изданные на родине, вызывают немалый интерес. Многие из них были неизвестны «советскому» читателю, произведения их нередко сознательно замалчивались. Особое внимание из числа писателей эмиграции привлекли к себе два имени — это Владимир Набоков и, изданный несколько позже в России, Гайто Газданов, произведения которого вызвали множество откликов, в том числе и на страницах периодической печати Северной Осетии.

В 1990 году в Москве, в двух издательствах одновременно вышли сборники Г. Газданова — «Вечер у Клэр» и «Призрак Александра Вольфа», а в 1996 году трехтомное собрание его сочинений, наиболее полное на сегодняшний день.

В своей книге «Курсив эпохи» И. Толстой, указывая на существенный изъян московского сборника, отмечает: «При всех достоинствах советское издание играет роль «дружественной акции» по отношению к возвращенному изгнаннику. Составитель (речь идет о Ст. Никоненко — Н.Ц.) не захотел омрачить торжественность встречи и уберечь читательские глаза от некоторых фактов духовной и идейной жизни Газданова, из которых его участие (под влиянием М.А. Осоргина) в масонской ложе есть факт, согласитесь, примечательный. Именно масонские, религиозно-философские интересы писателя привели его к созданию целого

ряда важнейших критических, антропософских эссе, что не нашло никакого отражения в данном сборнике».²

К сожалению, не попали они и в его трехтомное собрание, а без этого, пожалуй, трудно составить целостное впечатление об этом «уникальном феномене и в нашем читательском и в научном восприятии».³

У истоков русско-европейского культурного сближения стоит яркая и многогранная фигура И.С. Тургенева: он был первым русским писателем, открытым Европой, и начиная с этого времени, русская литература становится событием не только европейской, но и мировой культуры. «К удивлению Запада, Россия — место, представлявшееся духовной пустыней, — вдруг произвела нечто, что стало оказывать несомненное влияние на духовную жизнь цивилизованного мира. Тургенев еще при жизни был признан классиком всеми выдающимися деятелями Европы: от Жорж Санд до Т. Карлейля. Его называли единственным представителем эпического творчества в Европе...»⁴

На «европеизм» И. Тургенева в свое время указывал и замечательный писатель-эмигрант Б.К. Зайцев: «Именно европейским писателем он и был, и сам проживший большую часть жизни в эмиграции, — теперь чуть ли не французским. Правда, сердился, когда спрашивали: верно ли, что по-французски и рассказы свои пишет? Тут Спасское, Мценск, Орел пробуждались в нем. «Нет, нет, всегда по-русски!»... В парижскую же литературу вошел сильно и след оставил... Тургенев много рассказывал о России. От него узнали о Пушкине, о Толстом, еще об очень многом. Можно сказать при этом так: Тургенев среди них гораздо более европеец, чем они сами. Кроме французского он знал немецкий, итальянский, английский, испанский языки.»⁵

Известно, какое огромное значение имел творческий опыт Толстого-художника для писателей Европы. «Этот выученик Флобера, его духовный питомец, — писал о Мопассане П. Боборыкин, — одним из первых признал русских романистов своими образцами: сначала Тургенев, а вскоре потом Толстого... Мопассан и мне и, вероятно, многим другим повторял часто фразу: «Нам всем следует учиться у графа Толстого, автора «Войны и мира»». И уже, завершая свой творческий путь, прочитав «Смерть Ивана Ильича», Мопассан не без горечи признавался: «Я вижу, что вся моя деятельность была ни к чему, что все мои десятки томов ничего не стоят».⁷

Однако и сам великий Толстой как художник формировался не без воздействия европейской, в частности, французской литературы. В письме к М. Лидерле, говоря о тех произведениях, которые оказали на него «наибольшее влияние», он одним из первых называет романы Ж. Ж. Руссо — «Confession», «Emil», «Nouvelle Heloise».⁸

В своих изысканиях, посвященных русской литературе, В. Набоков особо выделяет «зерно европеизма», довольно явственно,

по его мнению, проступающее в творчестве Ф.М. Достоевского. «Влияние западной литературы во французских и русских переводах, сентиментальных и готических романах Ричардсона, Анны Радклиф, Диккенса, Руссо и Эжена Сю сочетаются в произведениях Достоевского с религиозной экзальтацией, переходящей в мелодраматическую сентиментальность... Достоевский так и не смог избавиться от влияния сентиментальных романов и западных детективов... хочется сказать, что Достоевский, так ненавидевший Запад, был самым европейским из русских писателей».⁹

Об атмосфере, окружении, в которой протекала жизнь И.А. Бунина во Франции, поведал нам писатель Д. Мейснер: «... Бунин, долгие десятилетия живя за границей, постоянно и безысходно тосковал по России. Он не находил пути к той французской писательской среде, дорога к которой была для него, в сущности, всегда открыта, а после присуждения ему Нобелевской премии открыта даже широко.

Ни с иностранными писателями, ни с интеллигентской средой Франции, где он жил, Бунин тесных связей не имел, с трудом заставляя себя поддерживать только самые необходимые официальные отношения. Не любил он жить подолгу и в самом Париже. Он предпочитал один в кругу только самых близких людей жить в деревне, а мысль его всегда была обращена, прежде всего, к России».¹⁰

Д. Мейснер, близко знавший, общавшийся с Буниным, передает лишь внешние впечатления отношения его к окружению, но не раскрывает «души писателя» и тех «подспудных соков», которые питали его творчество.

Сам И. Бунин писал в своих автобиографических заметках: «... я жажду и живу не только своим настоящим, но и своей прошлой жизнью и тысячами чужих жизней, современным мне и прошлым, всей историей всего человечества со всеми странами его. Я непрестанно жажду приобрести чужое и претворять его в себя.»¹¹ (выделено мной — Н.Ц.).

Свидетельствует об этом сам И. Бунин, писатель, «русскость» которого ни у кого не вызывала сомнений, хотя, возможно, именно в ней и кроется та способность к мировой отзывчивости, о которой говорил Ф. Достоевский в своей знаменитой речи о Пушкине. На это «зерно европеизма» в своем творчестве указывал сам И. Бунин, писавший о том, что «многие знаменитые французские писатели... никогда не думали, что «зерно европеизма», данное мне, меньше такого же «зерна» в Шестове, Тарасове, Триоле и т.д.»¹²

Следует признать, «зерно» это пустило уже более глубокие корни в творчестве русских писателей-эмигрантов, особенно, так называемой «второй волны»; разумеется, это не только тематический «отзвук на окружающее», но более глубокое вбирание и претворение европейской культуры. Примечательно, что вскры-

вая генетические истоки поэзии Б. Поплавского, признанного самым талантливым писателем «русского зарубежья», Г. Газданов отмечал: «...Я не знаю другого такого поэта, литературное происхождение которого было бы так легко определить. Поплавский неотделим от Эдгара По, Рембо, Бодлера, есть несколько нот в его стихах, которые отдаленно напоминают Блока».¹³

Говоря о творчестве самого Газданова, нельзя не признать, что «французская» тема заняла в нем преобладающее место – «Вечер у Клэр», «История одного путешествия», «Полет», «Ночные дороги», «Возвращение Будды», «Пилигримы», «Пробуждение», «Эвелина и ее друзья», «Гавайские гитары», «Метр Рай», «Вечерний спутник», «Нищий» и др.

Гайто Газданов глубоко вжился в европейскую, в частности, французскую культуру; им написаны статьи и заметки о Флобере, Мопассане, Поле Валери, Прусте, Франсуа Мориакке, Сартре и др. Он называет имена и сочинения – ограничимся в данном случае лишь Францией – Ларошфуко, Сен-Симона, Вольтера, Ронсара, Бальзака, Стендаля, Дюма, Гюго, Монтеня, Фурье, Равеля, Сезанна, Пикассо и др. Все это, так или иначе, отразилось в его прозе, порой проступая в ней в виде реминисценций, аллюзий, но главным, пожалуй, здесь было все же то, что усвоение это было глубоко органичным, целостным, в немалой степени выражающим характер и особенности его творческого дарования. Хотелось бы здесь же обратить внимание читателя на весьма верно подмеченное критиком Н.Я. Горбовым своеобразие образа француза Густава Вердье, героя из рассказа Г. Газданова «Нищий»; он является как бы свидетельством некоего симбиоза, соединения в творчестве писателя двух начал. «...Не будь Гайто Газданов так одарен, так внимателен и так проницателен, – его попытка «пересадки» русской души во французское тело могло бы показаться натяжкой. Простота и художественная правдивость подбора образов, языка, сочетание и последовательность выбранных точек зрения придают тексту большую рельефность. Один остается у читателя вопрос: не было ли у Вердье русских предков, о которых он ничего не знал?»¹⁴

Наблюдение для наших последующих рассуждений немаловажное: диффузия, если позволительно будет воспользоваться этим термином, проникновение в инонациональную среду, ее психологию, культуру, степень которой, разумеется, бывает не всегда одинаковой, способствует формированию качественно иного, не укладывающегося в традиционные рамки искусства. Обстоятельство это, по мнению А. Ремизова, В. Вейдле, Л. Диенеша, имело значение существенное и для формирования новаторской прозы Газданова. Так, по наблюдению Л. Диенеша, заслуга Г. Газданова и В. Набокова заключается в «попытке создать интеллектуальную и медитативную прозу, прежде не представленную в русской ли-

тературе, где хорошая проза есть синоним хорошего повествования и где дискурсивная и философская проза не были развиты, не считая фрагментных попыток Пушкина. И у Толстого философские пассажи включаются в чисто художественное повествование, то же у Достоевского. Большая часть русских философов не дала образцов отличной, стилистически выверенной прозы в том понимании, как это представлено у мэтров английской и французской культуры, которые были не писателями, а философами, эссеистами, историками. К этой попытке Газданова надо прибавить и то, что его проза есть, по собственному его определению, «квинтэссенция русской художественной прозы», экстракт ее богатства и полноты ее языка одновременно, в этом можно вновь увидеть сходство с Альбером Камю, однако Камю демонстрирует поворот к классической прозе, Газданов же *создает традицию ранее отсутствующую в русской литературе*.¹⁵

Все сказанное выше, дает основание полагать, что проза Гайто Газданова складывалась, прежде всего, в лоне русской литературы, с последующими западными усвоениями, хотя последние, надо сказать, часто толкуются противоречиво и неверно. Необходимо помнить, что европейская культура воспринималась Газдановым, как явление единое, целостное: Г. Флобер, А. Дюма, Мопассан и многие другие писатели вошли в его жизнь значительно раньше, чем, скажем, А. Камю, М. Пруст, к роману которого «В поисках утраченного времени» большинство критиков возводили истоки романа Г. Газданова «Вечер у Клэр». О глубоком знании Газдановым истории французской литературы, важнейших ее вех, можно хотя бы судить по такому замечанию в адрес Марселя Пруста: «...В противоположность Достоевскому, у Пруста в истории французской литературы были предшественники. Первый из них – герцог Сен-Симон* с его несравненным искусством психологического портрета. Но герцог Сен-Симон не был беллетристом и писал только свои воспоминания. Писатели – предшественники Пруста – это Бенжамен Констан и Фромантен с романами «Адольф» и «Доменик». Они пытались делать то, что впоследствии делал Пруст, но у них не было его таланта, и поэтому, быть может, когда говорят о Прусте, то о них забывают. Конечно, ни «Адольфа», ни «Доменик» нельзя сравнить с эпопеей Пруста «В поисках утраченного времени».¹⁶

* Мысль эта находит свое подтверждение в фундаментальном исследовании философа М. Мамардашвили: «... Сен-Симон, который, может быть, больше всего повлиял на Пруста. Я имею в виду не графа Сен-Симона, а основателя социалистических учений, а герцога Сен-Симона, автора мемуаров, относящихся к началу XVIII века... Кстати, Пруст признавал филиацию от XVIII века французской культуры (М. Мамардашвили. Лекции о Прусте (психологическая топология пути). М., 1995, с. 14).

В сравнительном литературоведении есть область «неторопливо созревающих тем», для обращения, к которым необходима известная временная дистанция, позволяющая взглянуть на сложные и своеобразные литературные явления объективно. Исследователи часто видят то, что лежит на поверхности, делают поспешные выводы, а на проверку оказывается, что просмотрели они главное — глубинную и реальную первооснову.

Первый роман Г. Газданова «Вечер у Клэр» вышел в 1930 году в Париже, и его автор, несмотря на маленький тираж книги, сразу обратил на себя внимание литературной критики и читателей.

Роман вызвал, пожалуй, и наибольшее число откликов, и как это нередко случается, критики тут же стали подбирать ключи к этой удивительной, со своими «особыми достоинствами» прозе. Так, определяя место и характер творчества Г. Газданова в русской литературе, Г. Адамович писал, что «после Бунина не было писателя, в такой мере наделенного способностью передавать все видимое и осязаемое очарование мира, как он. Именно вслед за Сириным (В. Набоковым — Н.Ц.), чтение Газданова — это настоящий отдых: все возвращается на свое место, мы больше не в тюрьме, не в безвоздушном пространстве, мы — среди обыкновенных людей, перед лицом «таинственной, прекрасной и печальной», как сказано где-то у Бунина, человеческой жизни».¹⁷

Критики полагали, что генезис романа Газданова «Вечер у Клэр» восходит, как это было уже отмечено, к эпопее Марселя Пруста «В поисках утраченного времени», оставившей глубокий след в литературе XX века.

Отсылая М. Горькому роман Г. Газданова «Вечер у Клэр», М. Осоргин не преминул тут же упомянуть о «кокетливых прустовских приемах» в произведении молодого автора. Последующие аналогии следовали исключительно в этом направлении, правда, в научном отношении они не только никак не обоснованы, но и довольно поверхностны и противоречивы.

Указывая на истоки творчества молодых писателей-эмигрантов Г. Газданова и Н. Фельзена, литературовед и богослов В. Вейдле писал: «...По ритму, как и по тону, обе эти прозы — французского покроя, но впечатление переводной они все-таки производят. В обоих случаях и тон этот, и ритм издали напоминают Пруста, но никакой подделки «под Пруста», да и никакого прямого подражания Прусту в них нет. Сама концепция повествования, изображающего не мир, а восприятие его автором, идет тут и там — в различных преломлениях — от Пруста, но знаменует нечто вполне приемлемое и закономерное: переход этот наблюдается во всей европейской литературе XX века, намечался и у нас (хоть и не на французский лад) у Андрея Белого. Он и у Набокова совершенно очевиден, а что у этих двух молодых па-

рижских авторов ближе, он следует французским образцам вполне естественно и несколько их таланта не порочит».

Говоря о генетическом истоке романа Газданова, Вейдле прибегает, как не трудно заметить, к определениям туманным, уклончивым. Так, упомянув имя Пруста, он тут же спешит оговориться: «никакой подделки «под Пруста», «никакого прямого подражания Прусту», ну, а если даже это и так, то, по замечанию самого Вейдле, обстоятельство это никак дарования молодых авторов не умаляет. Впрочем, далее критик выражает собственную точку зрения уже более определенно, указывая на ту генетическую первооснову, от которой, как он полагает, отправлялся автор «Вечера у Клэр». «...Ранние воспоминания, из коих в главной своей части состоит «Вечер у Клэр», не к жизни во Франции относятся, а потому и написаны менее «по-французски», но та поэтическая дымка, что окружает их, в свою очередь *многим обязана чтению Пруста*, От него Газданов (как и Фельзен) научился обходиться, и почти совсем, без вымысла, — воспоминания в вымысел превращать или ими вымысел заменять...»¹⁸

Критик Н. Оцуп, в свою очередь, утверждал: «Как у Пруста, у молодого русского писателя главное место действия не тот или иной город, не та или иная комната, а душа автора, память его, пытающаяся разыскать в прошлом все, что привело к настоящему, и делающая открытия и сопоставления достаточно горестные».¹⁹

То же общее мнение, правда, куда более решительно высказывал В. Ходасевич: «...Газданов изобретательней, живописнее Фельзена, в нем больше блеска... Но то, что объединяет Газданова с Фельзеном, не ими добыто: оба автора просто под влиянием Пруста».²⁰

Начнем хотя бы с того, что утверждение В. Вейдле о том, что «Газданов многим обязан чтению Пруста» лишено всякого основания: по свидетельству самого Газданова с многотомной эпопеей Пруста познакомился он позже, уже после того, как написаны были «Вечер у Клэр» и другие его произведения. Впрочем, аналогии с Прустом, желание возвести истоки первого романа Газданова к прозе французского писателя понять не трудно. Популярность Пруста была огромной, и произведение его действительно воплощало те искания новой романной формы, которые были характерны для начала века. «Его роман по своим особенностям, — по замечанию Б. Сучкова, — вполне соответствовал той, ставшей характерной для литературы начала века романной форме, которую Томас Манн — сам крупнейший обновитель техники романа — определил, используя старую формулу Гете, как «субъективную» эпопею».²¹

Сам вопрос о коренном изменении романной формы XX века, его характерных признаков требует особого, более обстоятельного разговора, он выходит за рамки настоящей статьи. (Вопрос об

этом затрагивался нами в статье: Лев Толстой и Гайто Газданов (К вопросу о генезисе), ж. «Дарьял», 1996, №4

Известно, какую большую роль сыграл Пруст для формирования прозы многих писателей. «...Сегодня требовательный читатель, – свидетельствует Андре Моруа, – даже от хорошего романа, написанного в бальзаковской или флоберовской манере, не получает достаточного заряда. Для меня перед 1914 годом роль «электрического скака» сыграл Марсель Пруст».²²

Другим, чрезвычайно важным для нас источником, подтверждающим огромную популярность Пруста, и не только среди французских писателей, но и писателей русской эмиграции, может служить хроника культурной жизни Франции 20-х и 30-х годов, составленная и изданная в 70-е годы Мишелем Бейсаком: «25 февраля, 1930 год. Литературные франко-русские собеседования. Очередное открытое собрание. Организаторы Робер Себастьян и Всеволод Фохт. Вступительное слово о Марселе Прусте и его творчестве скажут Робер Оннерт и проф. Б.П. Вышеславцев. В последующем обмене мнениями согласились принять участие Александр Арну, Н.А. Бердяев, Андре Моруа, И.А. Бунин, Б.К. Зайцев, Рене Лалу, проф. Н.К. Кульман, Андре Мальро, Ю.Л. Созонова, М.Л. Слоним, Н.А. Тэффи, Станислав Фюме, М.И. Цветаева, М.О. Цейтлин и многие другие видные представители парижского литературного мира».²³

Учитывая литературную атмосферу этих лет, совсем не удивительно, что многие значительные произведения так или иначе оказывались в ареале прустовской прозы и генетически связывались с его влиянием. И не только, скажем, молодые, едва заявившие о себе в литературе писатели, но и маститые, европейски признанные. Многие могут здесь прояснить признание И.А. Бунина в письме известному критику П.М. Бицилли: «...Когда на что-нибудь мода, я «назло» отвертываюсь от модного. Так было с Прустом. Только недавно прочел его – и даже испугался: да ведь в «Жизни Арсеньева» (и в «Истоках дней», и в том начале второго тома, что я напечатал три года назад...) немало мест совсем прустовских! Поди, доказывай, что я и в глаза не видел Пруста, когда писал и то, и другое!»²⁴

Несмотря на фетишизацию имени Пруста, отношение к нему писателей русской эмиграции в отличие, скажем, от Льва Толстого, авторитет которого оставался непререкаемым для всех, было все же различным. Нельзя не вспомнить несколько иронического замечания Б. Поплавского, выраженного, правда, устами героини романа «Аполлон Безобразов» в адрес Пруста: «...Читала ли она (Тереза – Н.Ц.) книги? Не знаю, ибо я не запомнил ее с книгой. Хотя она все знала, все понимала, думаю, все предчувствовала с чужих слов, со слов о чужих словах. Думаю также, что ей было достаточно одной страницы, чтобы оценить книгу, ибо сразу грубость напи-

санного бросалась ей в глаза, а хорошие книги – к чему, действительно, читать их до конца, не весь ли Пруст заключен в одной своей бесконечной фразе с множеством придаточных предложений, и не вся ли душа писателя – в известной перестановке прилагательного, в одном описании единого сумрачного утра?»²⁵

Марк Слоним – писатель и критик, пристальнее других следивший за творчеством Г. Газданова, был первым, противопоставившим свой голос общему хору и отрицавшим «непосредственное влияние Пруста на Газданова». «Мне кажется, что говорить о непосредственном влиянии Пруста на Газданова нельзя, – писал Слоним. – Основное в манере Пруста не то, что он вспоминает, что он производительную память делает творческим началом своих произведений, а то, что он достигает этого замедления, почти остановки времени расщеплением мыслей и ощущений на тончайшие волокна... У Газданова не заметно стремление к психологической детализации... Эмоциональность, взволнованность, беспокойство, прорывающиеся и в лирике и иронии – вот что составляет главные элементы газдановской манеры».²⁶

И все же М. Слоним допускает, что к прозе Марселя Пруста у Газданова можно возвести «метод рассказа по принципу случайных и внешних ассоциаций», однако и сам этот принцип, как и целый ряд других вопросов, требует прояснения, чтобы окончательно определить подлинную «творческую линию» Газданова. Лежит же она, как выясняется, в совершенно иной плоскости.

Писатель М. Алданов в одной из статей бегло упомянул о влиянии Л. Толстого на автора «В поисках утраченного времени»: «...Марсель Пруст вышел из Толстого, – стоит перечесть сцену прощания Свана с герцогом и герцогиней Германт...»²⁷

Творчество Толстого не только продолжало жить в сознании писателей русской эмиграции, но и стимулировало их деятельность; говорили так: «есть все другие писатели и есть Толстой». Г. Газданов, пожалуй, глубже других вжил в творческий мир гениального автора «Войны и мира», его философско-эстетические воззрения. Однако прежде чем коснуться вопроса о том, какова преемственность толстовских традиций в творчестве Газданова, следует сказать об отношении самого М. Пруста к Л. Толстому, важное для последующих наших наблюдений.

Что связывало Пруста с Толстым и в чем их принципиальное различие? Ответ на поставленный вопрос не только прольет дополнительный свет на влияние творческого опыта Толстого на литературный процесс, но и прояснит подлинное отношение Гайто Газданова к Марселю Прусту.

Среди писателей, которые вошли в духовный мир Марселя Пруста, Толстой занимает особое место. Показательно в этом отношении сравнение Толстого и Бальзака – двух выдающихся художников прошлого века, о которых Пруст пишет: «Есть писа-

тели, которых любишь, подчиняясь им, от Толстого получаешь истину, как от того, кто больше и сильнее, чем ты сам... Ныне Бальзака ставят выше Толстого. Это безумие. Творчество Бальзака антипатично, грубо, полно смехотворных вещей. Человечество предстает перед судом профессионального литератора, жаждущего создать великую книгу... Бальзаку удастся создать впечатление значимости, у Толстого все естественным образом значительнее, как помет слона рядом с пометом козы».²⁸

Не мешает вспомнить, что в начале века Толстой подвергался критике со стороны писателя «средней руки» Поля Бурже за якобы нестройность композиции, хаотичность его романов, за то, что в них отсутствует «конструкция», и то, как на это отреагировал М. Пруст: «...Бедный Толстой, какие глупости пишут о нем. Даже ученые глупости, вроде тех, которые Бурже напечатал в «Деба».

Опуская другие свидетельства Пруста, можно с уверенностью сказать, что он во многом, действительно, следовал за Толстым-художником – гениальным автором «Войны и мира», которые для Марселя Пруста – вне всякой критики.

Пруст вникает в своеобычность толстовского мышления, его творческую манеру, видения мира и т.д. «В основе его творчества, – заключает Пруст, – находится не наблюдение, а интеллектуальная конструкция. Каждая черта, казалось бы, рожденная наблюдением, на самом деле представляет собой лишь оболочку, доказательство, пример закона, открытого писателем, закона рационального или иррационального. И впечатление жизненной мощи проистекает именно от того, что все это есть итоги наблюдения, но что каждый жест, каждое слово, каждое действие есть лишь выражение закона, и мы словно движемся среди множества различных законов...»²⁹

В отличие от М. Пруста, к философско-нравственным, эстетическим воззрениям Л. Толстого у Газданова отношение иное: он многое принимает в них, и все это находит отражение в его произведениях, литературно-критических высказываниях. Делается совершенно очевидным, что автор «Вечера у Клэр» в обход Толстому не мог непосредственно обратиться к Прусту: Толстой не только изначально сидел в нем органично и прочно, но и те приемы, которые считались новациями и приписывались французскому писателю, наметились уже в «Анне Карениной», «Войне и мире», в других произведениях великого русского писателя.

Прустовский метод рассказа по «принципу случайных и внешних ассоциаций» был, по мнению критиков, заимствован и перенесен Газдановым в его первый роман «Вечер у Клэр». У Марселя, героя прустовского романа, эти «бессознательные воспоминания» связываются с размоченным в чае печеньем «мадлен», вызваны вкусовым ощущением. «...Марсель окунул печенье «мадлен» в чашку чая, и вдруг опять его охватила радость. Но тут он уже понял, в

чем она состоит, – он сумел расшифровать, выявить из вкуса печенья, обрадовавшего его, все воспоминания, связанные с детством и теми местами, где он был когда-то». Действительно, и в романах, и в рассказах Г. Газданова можно встретить этот «принцип случайных и внешних ассоциаций», вызванный вкусовыми ощущениями, обонянием, зрительными впечатлениями. Так в «Призраке Александра Вольфа», читаем: «...Я вынул папироску и зажег спичку, которая вспыхнула и моментально погасла, оставив после себя запах не догоревшего фосфора. И тогда я ясно увидел перед собой густые деревья сада в медном свете луны и седые волосы моего учителя гимназии, который сидел со мной на изогнутой деревянной скамье. Была ранняя осень и ночь. Утром следующего дня начались мои выпускные экзамены. Я работал весь вечер и потом вышел в сад. Когда я проходил по длинному гимназическому коридору, товарищи, которых я встретил, сказали мне, что час тому назад одна из наших учительниц, молодая женщина двадцати четырех лет, покончила с собой. В саду я увидел учителя, сидевшего на скамейке. Я сел рядом с ним, достал папиросу, зажег спичку, – и вот тогда, как и теперь, она сразу потухла, и я почувствовал тот же самый запах».

Однако сам этот принцип, который реализуется и в творчестве Г. Газданова, носит глубоко субъективный характер, и едва ли он мог быть механически заимствован у Пруста, не пережитый, не почувствованный, не пропущенный через себя самим автором. Философ М. Мамардашвили, многие годы отдавший изучению М. Пруста, справедливо замечает, что сама эта «реальность... предстает из кусков тебя самого... Ибо произведение есть нечто такое, что позволяет нырнуть нам в самих себя и тем самым коммуницировать с действительностью, а без этого ныряния коммуникаций нет...»³⁰ Нырнуть в себя, читать в себе, выуживать из себя! И, таким образом, в отношении принципа ассоциаций в творчестве Газданова можно сказать, что он вкушает «кровь и плоть» собственной памяти и чувств.

Впрочем, этот «поток сознания», доведенный до максимальной степени у Джойса и Пруста, принцип произвольной памяти, возможно в зачаточной форме существовал уже в литературе – у Льва Толстого. В своих «Лекциях по русской литературе» Вл. Набоков свидетельствует: «Поток Сознания, или Внутренний Монолог – способ изображения, изобретенный Толстым, русским писателем, задолго до Джеймса Джойса, это естественный ход сознания, то натыкающийся на чувства и воспоминания, то уходящий под землю, то, как скрытый ключ, бьющий из-под земли и отражающий частицы внешнего мира; своего рода запись сознания действующего лица, текущего вперед и вперед, перескакивание с одного образа или идеи на другую без всякого авторского комментария или истолкования. У Толстого этот прием существует в зачатке, так как автор

помогает читателю, у Джеймса Джойса он доведен до максимальной степени объективной записи». И далее Набоков говорит об открытии Толстого, которое по странной случайности ускользнуло от критиков. Он открыл — так никогда и не узнав об этом — метод изображения жизни, который точно соответствует нашему представлению о ней. Он единственный мне известный писатель, чьи часы не отстают и не обгоняют бесчисленные часы его читателей... Были и другие писатели, откровенно стремившиеся передать это движение: так, Пруст приводит героя романа «В поисках утраченного времени» на последний светский обед, и тот, видя своих знакомых в серых париках, вдруг понимает, что серые парики — просто седые волосы, что эти люди состарились, пока он путешествовал вглубь своей памяти... Но даже эти писатели не добиваются того, чего достигает Толстой, передавая течение времени, как бы невзначай, мимоходом...»³¹

И еще одна важная сторона творчества Газданова, возведенная им в «категорию искусства», относящаяся не к имени Альбера Камю, как полагает Л. Диенеш, а опять же к Льву Толстому.

«...Можно говорить об авторе «Пилигримов» как о российском Камю, — пишет Диенеш, — Камю «Чумы» или «Мифа о Сизифе»: вопреки всему, вопреки тому, что вся наша жизнь проходит, окруженная бесчеловечными и непобедимыми злыми силами бытия, проходит в состоянии «осады», вопреки «чуме», будь она природной или социальной, мы должны продолжать жить, трудиться и оказывать помощь другим. Это достоинство человека, и в этом состоит его героизм. Но Газданов близок к Камю не только в своей *моралистической философии*: между двумя художниками существует удивительное сходство: их модернизм заключается в новизне взгляда на жизненные вопросы, а не в шокирующих формальных инновациях. Стиль обоих — «классический, предполагающий ясность и простоту прозы, лишенную барочных или модернистских «украшательств» или «излишеств». Но если для Камю, представляющего французскую литературу, это было своего рода «возвращением», то в контексте русской литературы Газданов выступал первопроходцем: ни один писатель до него никогда не создавал интеллектуальную прозу с такой обнаженной простотой, с такой ясностью. Линия развития русской литературы, к которой принадлежит Газданов, включает имена Пушкина, Толстого, Тургенева, Бунина, и нет сомнений в том, что наступит день, когда и его имя будет добавлено к этому списку, как знак признания его творческого вклада и привития на почве российской словесности некоторых лучших черт классической французской прозы».³²

Стилистическая аналогия А. Камю — Г. Газданов никаких нареканий вызвать не может, что же касается близости последнего к французскому писателю «в своей моралистической философии»,

то она, как это не трудно понять на основании анализа романов Газданова «Пилигримы» и «Пробуждение», его литературных статей, зиждется на иной основе и имеет куда более глубокие корни. К моменту написания «Пилигримов» (на рукописи значится авторская дата — Сан-Эгюльф, июль 1950 года — Н.Ц.) эта «моралистическая философия» была уже впитана Газдановым и органично усвоена; получила она свое развитие и в последующем «чисто французском» романе (Л. Диенеш) «Пробуждение».

Исходя именно из толстовского понимания «моралистической философии», Газданов резко противопоставляет, разграничивает европейскую и русскую литературы, утверждая: «...необходимость этого морального знания есть одна из «категорий» искусства, а не что-либо другое, тезис какого-нибудь, например, литературного направления. Вне этого никакого подлинное искусство невозможно; никакая подлинная литература невозможна... главное, что мы требуем от литературы, в ее не европейском, а русском понимании, из нее вынута и делает ее неинтересной и бледной».³³ (выделено мной — Н.Ц.)

Философско-нравственные, эстетические воззрения Газданова более отчетливо обнаруживаются и при обращении к трактату Л. Толстого «Что такое искусство?», а также в оценке творчества другого французского писателя — Мопассана, оказавшего известное воздействие на Газданова-новеллиста, о чем, например, рассказывает Вася в рассказе Газданова «Общество восьмерки пик», по своему сюжету близкого рассказу Мопассана «В порту» (1869).

И. Тургенев, желая узнать мнение Л. Толстого, как-то передал ему сборник рассказов Мопассана «Заведение Телье»: рассказы Толстому не понравились, так как не отвечали главному, по его мнению, требованию — «правильному», то есть нравственному отношению к литературе». Газданов тут же стремится сгладить, затушевать это негативное высказывание в адрес Мопассана, к которому он относится с несомненной нежностью, и спешит привести другое положительное высказывание Толстого о Мопассане, авторе «Une vie» («Жизнь»), признанного великим русским писателем лучшим французским романом.

Рассказ «Водяная тюрьма», написанный Газдановым в июне 1929 года, вызвал множество откликов: М.Слонима, М.Осоргина, В.Ходасевича, Г.Адамовича, А.Савельева и др. Несмотря на высокую, в целом, оценку рассказу, в критике ничего не было сказано о его генетических истоках. Между тем, видимо, вовсе не случайно сам автор предпослал рассказу «Водяная тюрьма» эпиграф из повести Мопассана: «Quand nous sommes seul longtemps, nous peuplons le vide fantômes». «...Безусловно, одиночество опасно для деятельных умов. Мы должны жить среди людей, которые мыслят и говорят. Долго оставаясь в одиночестве, мы населяем пустоту призраками».³⁴ Это «Орля» Мопассана, произ-

ведение, вызвавшее переполох: некоторые критики даже утверждали, что это бред психически больного человека, хотя нашлись у повести и свои ценители, видевшие в ней совершенно новую тему в творчестве Мопассана. Для того, чтобы расшифровать этимологическое значение слова, давшего название повести, в котором заключался ее смысл и направленность, понадобилось время. Теперь «Le Horla» принято понимать как «Le hors la», т.е. «внешнее», находящееся за пределами действительности, «потустороннее», другими словами, то фантастическое, что окружает героя повести.

Состояние, переживаемое героем «Водяной тюрьмы» Г. Газданова, сродни той раздвоенности, сомнамбулизму, мистике, о которых записывает в дневнике Орля: «...Все, что нас окружает, все, что мы видим, не всматриваясь, все, с чем мы соприкасаемся, не вникая, все, к чему мы притрагиваемся, не осязая, все, что мы встречаем, не познавая, оказывает быстрое, неожиданное и необъяснимое воздействие на нас, на наши органы и через них — на наши мысли, на самое сердце. Как глубока эта тайна Невидимого! Мы не можем проникнуть в нее с помощью наших жалких органов чувств».³⁵

Обращение Газданова к теме Невидимого, состоянию сомнамбулическому, переживаемому героем в «Водяной тюрьме», персонажами рядом других его произведений, могло быть обусловлено несколькими, помимо отталкивания от повести Мопассана, — на это указывает сам эпиграф, — факторами. Во-первых, самой декадентской тенденцией, наметившейся в литературе этих лет и, в частности, в повести «Орля», и, во-вторых, тем положением, в котором оказались писатели-эмигранты, их мироощущением. Интерес Мопассана к теме «Орля», к теме невидимки, свидетельствует, по мнению исследователя, о «начале нового этапа в творчестве Мопассана, ознаменованного кризисом реализма и усиливающимся влиянием декаданса».³⁶

Не отразились ли характерные признаки этого литературного направления и в рассказе «Водяная тюрьма»?

На литературном вечере в 1930 году, характеризуя творчество писателей-эмигрантов, П.Н. Милюков свидетельствовал: «...Сейчас, в то время, когда в России литература возвращается к здоровому реализму, здесь, в эмиграции, часть литераторов, в частности те, которые сотрудничают в «Числах» (именно в этом журнале в 1930 г. и был напечатан рассказ «Водяная тюрьма» — Н.Ц.), продолжают оставаться на позициях отрыва от жизни».

В. Варшавский, автор «Незамеченного поколения», который был ровесником Газданова, характеризуя поэзию и прозу Б. Поплавского, В. Сирина-Набокова, Г. Газданова, П. Ставрова, С. Шаршуна и других, переживших свою «эмигрантскую затравленность», пишет: «...У многих монпарнассских поэтов и писателей

комплекс эмигрантской отверженности развивается в настоящий душевный недуг и приводит к расстройству здравого смысла, вернее, того особого чувства, которое позволяет человеку правильно определить свои отношения к людям и принаравливать свое поведение к требованиям общества.

Неизлечимее и мучительнее всех был болен этой болезнью «самый эмигрантский из всех эмигрантский писателей» Борис Поплавский».

И далее, анализируя романы «Приглашение на казнь» В. Сирина-Набокова, «Аполлон Безобразов» Б. Поплавского, «Долголиков» С. Шаршуна, В. Варшавский заключает: «...в некоторых романах В. Набокова-Сирина подчеркивается обреченность героя на трагическое одиночество и невыносимость для него человеческого общежития. В «Приглашении на казнь» Цинцинат восклицает: «Нет в мире ни одного человека, говорящего на моем языке, или короче: ни одного человека говорящего. Или еще короче: ни одного человека!»

Лужин, герой другого романа Сирина, выбрасывается из окна, чтобы уйти от людей, хотевших принудить его жить как все, как принято, как велит здравый смысл.

Герою эмигрантской литературы трудно, скучно и страшно жить в человеческом обществе...» И далее: «...Герой эмигрантской молодой литературы не живет, а только смотрит из своего одиночного заключения на жизнь, проходящую мимо, как вода мимо губ Тантала. Внимание слабеет, все становится неопределенным и недостоверным. Подлинные, укорененные в действительности воспоминания, сливаются с мечтами и снами». И затем, уже обращаясь к творчеству Г. Газданова, как наиболее характерному и показательному в этом отношении, в частности, к рассказу «Водяная тюрьма», правда, не упоминая самого названия рассказа, В. Варшавский приходит к такому выводу: «...Ослабление внимания к жизни возмещалось у многих младших эмигрантских писателей развитием дара лирического визионерства. В высшей степени обладал этим даром Г. Газданов. Герой одного из ранних его рассказов говорит: «Я чувствовал всегда, что та жизнь, которую я вел в этой гостинице и которая состояла в необходимости есть, одеваться, читать, ходить и разговаривать, была лишь одним из многочисленных видов моего существования, проходившего одновременно в разных местах и в разных условиях — в воздухе и в воде, здесь и за границей, в снегу северных стран и на горячем песке океанских берегов; и я знал, что, живя и двигаясь там, я задеваю множество других существований — людей, животных и призраков. Некоторых из них я почти не представлял себе; мне казалось только, что они летают на мягких черных крыльях, сделанных из чудесного тела, которых я никогда не коснусь. Других я видел перед собой; они всюду сопровождали

меня, я к ним давно привык, и привык даже к тому, что по непонятному мне закону, они награждены даром немой речи, доходившей до меня помимо слов и мыслей, которые были бы слишком тяжелы для них, как насыщенная влагой предгрозовая атмосфера — слишком тяжелая для прозрачных крыльев насекомых, за которыми ныряют в воздухе черные ласточки. И иногда все эти существа, точно чувствуя опасность сумасшествия, угрожающую мне, вдруг появлялись передо мной, как близкие родственники у постели умирающего, и их легионы, состоявшие из почти видимого трепетания в воздухе, становились на мою защиту: и они роились в темноте, беспрестанно появляясь и исчезая, и чьи-то забытые глаза, которые они вдруг вызывали в моей памяти, заставляя меня часто дышать от волнения; глядя из глубины постели, которая неожиданно приобрела необыкновенную, нематериальную мягкость, я видел бледное умоляющее лицо пленника; и я засыпал глубоким сном».

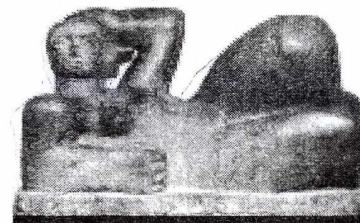
Чувство сомнамбулического оцепенения еще более усиливается к концу рассказа; когда герой возвращается в свою комнату, она кажется похожей на каюту потонувшего корабля: «Мне вдруг стало тяжело и нехорошо; вид моей комнаты опять напомнил мне, что уже слишком долго я живу, точно связанный по рукам и ногам, — и не могу ни уехать из Парижа, ни существовать иначе. Все, что я делал, не достигало своей цели, я двигался точно в воде и до сих пор не вполне ясно понимал это. Теперь же, когда я это понял, мне стало трудно дышать от огорчения...»³⁷

Проза Гайто Газданова, как мы попытались показать, не однородная, а гетерогенная, связанная органично с традициями русской литературы; в ней просматриваются и западные «ассимиляции», усвоения. Именно этот «культурный билингвизм» позволил американскому исследователю творчества Газданова утверждать, что он «создал нечто новое в русской литературе, такое, чего до него не было»,³⁸ а другому критику признать, что — «все произведения Газданова объединяет между собой личность самого автора — его неповторимая волшебная интонация, его спокойный голос, как бы постоянно звучащий «за кадром», его мудрость, и то особое значение обыкновенных и необыкновенных вещей... что иным недоступно».³⁹

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Цит. По кн.: Варшавский В. Незамеченное поколение. Нью-Йорк, 1956, с.173.
2. Толстой И. Курсив эпохи. Санкт-Петербург, 1993, с.113.
3. Матвеева Ю. Художественное мышление Гайто Газданова. Автореферат кандидатской диссертации. Екатеринбург, 1996.
4. Кантор В. Иван Тургенев. Россия сквозь «магический кристалл» Германии. «Вопросы литературы», 1996, №1.
5. Зайцев Б. Далекое. М., 1991, с.242, 244.
6. Боборыкин П. Столицы мира. М., 1911, с.196.

7. Литературное наследство, т.37-38, М., 1939, с.447.
8. Толстой Л. О литературе. Статьи, письма, дневники. М., 1955, с.259.
9. Набоков В. Лекции по русской литературе. М., 1996, с.181-182.
10. Мейснер Д. Миражи и действительность. Записки эмигранта. М., 1996, с.209.
11. Литературное наследство, т.84, кн.1, М., 1973, с.385-386.
12. Литературная газета, 1989, 26 июня.
13. Газданов Г. О Поплавском. — В кн.: Борис Поплавский в оценке и воспоминаниях современников. Санкт-Петербург, 1993.
14. Возрождение, 1962, №129.
15. Северная Осетия, 1993, 17 декабря (перев. О.Ревзиной).
16. Газданов Г. Из дневника писателя. Дружба народов, 1996, №10.
17. Адамович Г. «...Наименее русский из всех русских писателей...», Дружба народов, 1994, №6.
18. Вейдле В. «Новая проза» Газданова, Звезда, 1995, №2.
19. Числа, 1930, №1.
20. Возрождение, 1930, 19 июля.
21. Сучков Б. Марсель Пруст. — в кн.: Марсель Пруст. По направлению к Свану. М., 1973, с.9.
22. Моруа А. Шестьдесят лет моей литературной жизни. М., 1977, с.265.
23. La vie culturelle de l'emigration russe en France, P., 1971.
24. Мещерский А. Неизвестные письма Бунина. Русская литература, 1961, №4.
25. Поплавский Б. Домой с небес. Романы. Санкт-Петербург-Дюссельдорф, 1993, с.132.
26. Воля России, 1930, №5-6.
27. Алданов М. О Толстом. Литературное обозрение, 1994, №7-8.
28. Proust Marcel. Contre Sainte-Beuve. P., 1971, p. 657.
29. Там же, с. 658. В основу перевода положен перевод Т. Мотылевой. См. ее статью: Толстой и современные зарубежные писатели. Литературное наследство, т.69, кн.1.
30. Мамардашвили М. Лекции о Прусте (психологическая топология пути). М., 1995, с.23.
31. Набоков В. Лекции по русской литературе. М., 1996, с.264.
32. Диенеш Л. Гайто Газданов. Жизнь и творчество. Владикавказ, 1995, с.181-182.
33. Газданов Г. О молодой эмигрантской литературе. Вопросы литературы, 1993, №3.
34. Мопассан Г. Собр. сочин. в 12-ти томах, т. 6, М., 1958, с.286.
35. Там же, с.430-431.
36. Варшавский. Незамеченное поколение. Нью-Йорк, 1956, с.197-199.
37. Газданов Г. Собр. Сочин. В трех томах, т.3, М., 1996 г., с.159-160.
38. Диенеш Л. Писатель со странным именем. — В кн.: Г. Газданов. Собр. Сочин. в трех томах, т.1, М., 1996, с.9.
39. Кузнецов И. Магия ошибок. Гайто Газданов как «исторический» писатель. Литературная газета, 1995, 20 марта.

Генри Мур. Обнаженная

И. Л. ОМЕЛЬЧЕНКО

РАСКАЗАЧИВАНИЕ ТЕРСКОГО КАЗАЧЕСТВА

Процесс рассказывания Терского казачества (как и других казачьих Войск), имел по своему содержанию два направления: первое — основное, это процесс стихийного рассказывания или, точнее, саморассказывания, где инициатива рассказывания исходила непосредственно от самого казачества, которое своим отношением к этому процессу показывало свою заинтересованность в освобождении от основной казачьей обязанности — пожизненной военной службы. Второе направление по своей форме является административно-принудительным рассказыванием и связано с изданием определенных советских законодательных актов. В основу административно-принудительного рассказывания положен декрет ВЦИК и СНК от 11(24) ноября 1917 года «Об уничтожении сословий и гражданских чинов». ¹ В дальнейшем, по мере укрепления Советской власти, основные положения этого декрета дополнялись или изменялись в связи с подъемом и развитием культуры и народного образования среди казачьего населения, а также уравниванием казаков в политических правах и свободах наравне с остальными гражданами России. Эти направления в рассказывании не противоречили друг другу, имея в итоге единую конечную цель — освобождение казачества от военно-служебных и военно-полицейских обязанностей перед государством.

Движение за рассказывание терского казачества по содержанию и характерным историческим признакам можно разделить на четыре периода.

Первый период рассказывания — это промежуток времени от начала Первой Мировой войны и по 28 марта 1918 года, т.е. до признания внеочередным Войсковым Кругом 7-го созыва Советской власти. Он характеризуется стихийным выступлением казаков за рассказывание, приведшим к развалу административно-управленческого аппарата Терского казачьего войска.

Второй период продолжался с 28 марта 1918 года до открытия Войскового Круга 1-го созыва 22 февраля 1919 года и характеризуется Войсковым безвластием и стихийным рассказыванием и мятежом офицерской верхушки, не согласившейся с решением Войскового Круга 7-го созыва о признании Советской власти.

Третий период охватывает промежуток времени с 22 февраля 1919 года до 23 марта 1920 года, т.е. до освобождения Владикавказа и всей территории Терской области от Добровольческой армии. Тогда, при поддержке Добровольческой армии, была предпринята попытка остановить процесс рассказывания и восстановления деятельности Войскового Круга в прежних его структурах.

Четвертый, заключительный, период длился с 23 марта 1920 года по 30 апреля 1925 года, т.е. до окончания работы Апрельского Пленума ЦК РКП(б). В это время Советская власть, исходя из решений Первого Всероссийского съезда трудовых казаков, завершила методом административно-принудительного расказачивания и саморасказачивания ликвидацию казачества как особого служивого сословия. Были упразднены структуры Войсковой власти, разрушена община и казаки на основании закона о социализации земли получали наделы от государства, лишаясь определенных льгот за эксплуатацию недр земли, вод, леса и других привилегий, хотя как этническая группа, где сохранились устойчивые языковые, бытовые и религиозные особенности, они продолжали существовать со своими культовыми и бытовыми обрядами без каких-либо ограничений.

Использование термина «расказачивание» в научной практике связано с событиями на Тереке, когда 6 августа 1917 года на заседании Терского Войскового Круга 3-го созыва урядник 3-го Горско-Моздокского полка Остапенко изложил требование личного состава служивых казаков о всеобщем и полном расказачивании. Войсковой Круг категорически отказался удовлетворять эти требования и принял решение «послать делегатов для убеждения полка против расказачивания».²

Однако попытка Войскового Круга не увенчалась успехом. Более того, Войсковое правительственное учреждение было вынуждено пойти на радикальные уступки рядовому казачеству и 12 сентября 1917 года на своем заседании при участии представителей от Отдельских казачьих исполкомов приняло постановление, согласно которому: «а) казаки не могут посылаться для усмирения внутренних восстаний; б) казачьи части будут нести службу только в пределах Терской области».³

Требования о расказачивании раздавались и в других Войсках. Так, по сообщению В.П. Данилова, на Дону казаки-фронтовики выступили с требованием «о переходе к отбыванию воинских повинностей на общих основаниях», а ряд казачьих станиц «принял решение о собственном расказачивании».⁴ Основными причинами, побуждавшими казаков открыто добиваться «расказачивания», по нашему мнению, были следующие: 1) невыносимо тяжелые условия пожизненной военной службы и 2) душевные раны, полученные в процессе несения полицейской службы. Не каждый казак, опуская нагайку на спину рабочего или крестьянина, соглашался с постыдной ролью экзекутора. Это начала понимать и элита Терского войска. Так, открывая Войсковой Круг 6-го созыва 11 февраля 1918 года председатель Круга Фальчиков отметил, что казаки на современном этапе не понимают самих себя, и это «непонимание происходит главным образом оттого, что все условия, которые окружали нашу жизнь, были направле-

ны к тому, чтобы сделать из нас, казаков, не слуг народа, а слуг самодержавия. Ведь, действительно, если мы оглянемся назад, то видим, что казак был полицейским высшего качества. Ведь его знания военного дела было направлено против народа, и именно так народ привык понимать казака».⁵

Тут необходимо определиться, что это такое – казаки: сословие, этнос, народность, и едины ли они по своему происхождению, бытовому и хозяйственному устройству, культуре и укладу жизни?

Накануне Февральской буржуазно-демократической революции в России существовало 11 автономных казачьих Войск и два национальных казачьих полка, причем все имели общие военнослужебные обязанности, но далеко не одинаковый путь исторического развития. Поэтому наиболее правильно будет, если историческое прошлое каждого казачьего Войска будем рассматривать в отдельности, чтобы выделить его особенности.

Терское казачье войско состояло из трех обособленных Войск: Гребенского, Терско-Кизлярского и Терско-Семейного. Каждое из них сохранило глубокую связь (в силу ряда причин) с далеким прошлым русского народа, пройдя через два основных этапа своего развития: 1-й этап – это период вольного образования, без влияния государственных учреждений, период укрепления консервативного образа жизни, принесенного с собой с сохранением религиозных обрядов, свойственных старообрядчеству, и 2-й этап, связанный с подчинением казачьей «вольницы» Русскому государству и превращением ее в особое служивое сословие.

Первые русские поселенцы на Тереке, как известно, появились в середине XVI века. Они уходили на далекие окраины Русского государства, спасаясь от невыносимого гнета и религиозных гонений в связи с никоновской реформой. Беглецы, спасаясь от преследования со стороны царского правительства, селились тайно в глухих местах и жили по своим законам и порядкам. Их связь с метрополией была крайне ограничена, все изменения в светской жизни и в религиозных постулатах категорически отвергались, а принесенные с собой обычаи и порядки ревностно оберегались. Это была бессословная община, члены которой занимались ведением примитивного хозяйства, не гнушаясь порой и грабежами проходивших купцов. Именно эта вольная казачья община и была той этнической родоначальницей, которая отличает казачество от общерусского этноса. Дальнейшее обособление казачества, как этнической группы, связано с его служебной и хозяйственной деятельностью, вносившей элементы новизны в консервативный быт общины.

Подчинение терско-гребенского казачества Русской военной администрации завершилось в 1721 году, когда по приказу Петра Первого казаки были включены в состав иррегулярных войск. В специальном «Положении об управлении казачьими войсками» и

в других государственных документах казаки официально были объявлены особым служилым сословием, которое имело определенную организацию, систему управления и несло службу на уровне высоких требований военного командования. В качестве платы за службу казачество наделялось безвозмездно землей, недрами, а также получало другие материальные льготы и привилегии. Таким образом, на вопрос о том, кем были казаки, дается совершенно точный и определенный ответ — казачество было военно-служилым сословием, находившимся на особом положении в государстве.

Этнический феномен терского казачества сложился в результате замкнутого консервативного образа жизни общины, строгой изоляции и соблюдения глубоко верующими общинниками старобрядческих религиозных догм. Однако численность казачьего состава, имевшая особый этнический оттенок, была незначительна. Так, по списку астраханского губернатора Кречетникова, в 1775 году на Тереке числилось казаков-старобрядцев: в Гребенском войске — 500 человек, в Терско-Кизлярском 131, Терско-Семейном 452 и в Моздокском казачьем полку 767. В дальнейшем, для увеличения численности казачьего населения на Северном Кавказе, государство, исходя из чисто военно-стратегических и хозяйственных соображений, только за 10 лет, т.е. с 1824 по 1834 годы, приписало в казачье сословие 37 крестьянских селений Кавказской области с населением 36 575 человек. Ясно, что новые казаки, вчерашние крестьяне, не имели тех характерных этнических признаков, которые бы позволили называть их этнически-обособленной группой в русском этносе. Они отличались от крестьян-земледельцев лишь по новому роду своего занятия, т.е. они стали воинами и, дополнительно к своим сельскохозяйственным заботам, занимались уже и боевой подготовкой и несением военной службы в интересах государства.

Как этническая группа, наибольший интерес представляют казачьи войска наиболее раннего образования, где устройство быта, а также язык и обряд были сохранены благодаря Указу императрицы Елизаветы Петровны, запретившей военным и гражданским службам чинить казакам-староверам на Тереке какое-либо «принуждение» в их вере и образе жизни.⁶ Это, надо сказать, неординарное распоряжение Елизаветы Петровны разделило Терское казачье войско по религиозному признаку на две части: на казаков-старобрядцев (или раскольников) и православных, хотя официальной религией было признано православие, а старобрядчество находилось под запретом до 1906 года. Но государству нужны были верные воины-защитники, а казаки-староверы во имя сохранения своей веры безропотно служили и выполняли все возложенные на них воинские повинности и обязанности. Для них название «казак» означало свободу вероисповедания, духовную и светскую защиту,

сохранение старых, принесенных их предками обрядов и языка. В быту и в разговорной речи они не скрывали своей приверженности старой вере, поддерживая таким образом сословность, которая их не только объединяла, но и защищала. Православная церковь, выступая в качестве соперника в борьбе за души станичной паствы, не позволяла старообрядцам выходить за некие пределы. Поэтому численность староверов-казаков по станицам не увеличивалась, но и не уменьшалась, так что по данным за 1915 год староверы составляли 13,67 % от общего числа казачьего населения Терской области.

Таким образом, замкнутая территориально и административно обособленная терская казачья община под покровительством государства создала практически идеальные условия казакам-староверам для их повседневной жизни. Ясно, что только сословная обособленность терской казачьей общины позволила сохранить этот уникальный этнический уголок, который являлся постоянным объектом изучения ученых этнографов, русоведов и историков.

Рассматривая терско-гребенское казачество как этническую группу (или субэтнос), его трудовую и военную деятельность, мы с полным основанием можем сказать, что вне пределов казачьей обособленности эта этническая община не смогла бы жить и развиваться самостоятельно, так что через определенное время она растворилась бы в общей народной массе. В то же время следует согласиться и с тем, что этническая живучесть и архаичность этого общества как раз и выделили его из общей массы русского этноса и тем самым позволили ученым шире и глубже изучить бытовые, языковые и религиозные основы древнерусского общества в период раннего и среднего становления великодержавной государственности. Здесь, безусловно, прав проф. А.И. Козлов, который считает, что при изучении казачества в прошлом необходимо учитывать «двоякое единство: и сословность, и субэтнос».⁷

Этническая обособленность терско-гребенского казачества усиленно поддерживалась политикой правительства, стремившегося не допустить, в интересах укрепления государственной власти на всей территории, сближения с иногородними элементами, пропагандируя лозунг откровенной антагонистической направленности: «не казак — не человек». Прозрение наступило лишь в годы Первой Мировой войны и, особенно, после Февральской буржуазно-демократической революции, когда основные и здоровые силы казачества, находившиеся в окопах более трех лет, стали понимать, что в действительности их почитают людьми лишь второго сорта, а их сила и организованность нужны политическим конъюнктуристам для захвата и удержания власти. Народные же массы, испытывавшие на своих спинах казачьи нагайки, вообще относились к так называемому обособленному Войску с презрением и ненавистью. Так, после Февральской революции, когда

митингующие жители Моздока вышли на улицу, то они в первую очередь потребовали от Отдельского атамана полковника Котрохова предания суду и наказания подъясаула Писаренко и делопроизводителя Головки, руководивших в 1905 году расправой над восставшими крестьянами Ставропольской губернии.⁸ Эта суровая и объективная реальность заставляла казаков задумываться над своей судьбой и поднимать вопрос об освобождении их от звания «казак».

Вопрос о необходимости изменения статуса казачьих Войск и казачьей службы поднимался непосредственно и Временным правительством. 21 июля 1917 года было опубликовано «Постановление Временного правительства о введении земских учреждений в Терской области», где было сказано: 1) положение о губернских и уездных земских учреждениях, с последовавшими к нему изменениями и дополнениями, а равно утвержденное Временным правительством 21 мая 1917 года Временное Положение о Волостном Земском Управлении – ввести в действие в Терской области, 2) переименовать Округа и Отделы Терской области в уезды, а Терскую область – в губернию.⁹ Далее в «Постановлении» излагались практические рекомендации и предложения по реорганизации и устройству местных структур управления, их укомплектование, а также решение возможных территориально-административных изменений.

Публикация «Постановления» Временного правительства о введении земских учреждений в Терской области, была, до некоторой степени, неожиданной для Войскового Атамана и Войскового правительства. Дело в том, что вопрос о введении земства в казачьих Войсках уже обсуждался в высших эшелонах власти, и Войсковое правительство отнеслось к нему, по заявлению зам. Войскового Атамана Медяника, «резко отрицательно».¹⁰ Однако, выступая на заседании Войскового Круга 3-го созыва 1 августа 1917 года, представитель Терского войска в Союзе Казачьих Войск в Петрограде Г.Ткачев успокоил делегатов Круга и заверил их в незыблемости казачьих устоев и полной поддержке Временным правительством Войсковой политики. В тоже время он указал на необходимость учитывать и веяние нового времени, которое оказывает большое влияние на политизацию общества и способствует размежеванию сил по классовому признаку. Введение земства в Терской области как раз и должно содействовать объединению и сплочению всех слоев населения независимо от их социальной и национальной принадлежности.¹¹

Однако если рассматривать это постановление в более широком плане, то Временное правительство предполагало путем введения земства создать законную основу для так называемого сближения казачества с народными массами и разрушения существовавших границ казачьей обособленности, что естественно

должно привести к демократизации казачьей общины и в дальнейшем к ее расказачиванию. Необходимость этой реорганизации диктовалась велением времени. «С расширением товарных отношений, ростом рынка, – пишет проф. А.И.Козлов, – на глазах совершался процесс размыwania казачьей экономики, уже заметно отстававшей в своем развитии от соседних крестьянских хозяйств, которые сумели быстро освободиться от пут феодализма и перестроиться на новый капиталистический лад».¹²

Приступая к строительству нового демократического общества, Временное правительство в первую очередь попыталось упразднить все структуры и организации, связанные с феодальным способом производства и являвшиеся искусственным тормозом на пути к капитализму. Одной из таких организаций являлось казачество. Но казачество на данном этапе представляло собой серьезную военную силу (с которой вынуждено было считаться Временное правительство), и процесс его реорганизации нужно было проводить весьма осторожно и безболезненно, путем постепенного сокращения дополнительных наделов земельного пая. В качестве компенсации для казаков предполагалось сократить сроки военной службы, а в перспективе постепенное и полное освобождение от выполнения служебных обязанностей. В земельной реформе, путем разрушения общины, землю предполагалось раздать казакам, которые должны были превратиться в обыкновенных земледельцев-крестьян. О такой перспективе казачьей общины ген. Деникин писал следующее: «Государство освободит казаков от несения чрезвычайных тягот, которые они несли в прежнее время, но и не наделит их особыми привилегиями против прочих своих сынов».¹³ Следовательно, казачество, по мнению ген. Деникина и Временного правительства, не имело дальнейшей перспективы и его существование было лишь делом времени. Такая, нескрываемая от казачьего общества позиция Верховной власти России, естественно, влияла на морально-психологическое состояние казачьих Войск и ускоряла процесс расказачивания.

Вообще, расказачивание не имеет определенной политической или юридической закономерности, и его темпы и масштабы зависели от различных общественно-политических и хозяйственных факторов, которые разрушающе действовали на сложившиеся устои казачьего общества. Здесь нет необходимости усматривать лишь силовое давление, но среди прочих причин следует учитывать и стремление общества к обновлению не только экономического уклада жизни, но и изменение административно-правовых структур управления, сковывавших личную свободу членов общества. Поэтому, расказачивание следует рассматривать как составную часть общего исторического процесса в связи с теми характерными событиями, которые происходили на данном отрезке времени и в данном конкретном регионе.

Процесс расказачивания, начатый по инициативе рядового казачества, несмотря на возражение Терского Войскового Круга, получил в станицах и войсковых частях широкую поддержку. Эта поддержка носила форму саморасказачивания и открытого неповиновения Войсковым властям. Первыми выразили недоверие Войсковому Атаману казаки восьми станиц Сунженского отдела, которые 25 октября 1917 года на заседании военной секции Совета Рабочих и Солдатских депутатов заявили, что они «не признают своим идейным руководителем нынешний Войсковой Круг и Войсковое правительство, что они считают необходимым переизбрать Войсковой Круг, а затем работать совместно с Советом рабочих и солдатских депутатов, от которых их искусственно отделяют казачьи верхи, что за восемью этими станицами пойдут и остальные шестьдесят станиц Терского Войска».¹⁴ Дальнейшие события показали, что в Терском казачьем Войске, действительно, сложилось неприязненное и даже враждебное отношение рядовых казаков к своим начальникам. Так, 13 декабря 1917 года, когда солдаты Уфимской команды на станции Прохладной чинили расправу над Войсковым Атаманом М.А. Карауловым, то ни один казак станицы Прохладной не бросился на защиту своего атамана. А «во время похорон М.А. Караулова, — сообщала официальная пресса, — было очень много представителей от разных народностей, не было только казаков, кроме депутатов Круга».¹⁵

После убийства М.А. Караулова Войсковой Круг 14 декабря 1917 года принял решение «о возложении обязанностей Войскового Атамана на зам. атамана есаула Л.Е. Медяника, а заместителем к нему впредь до выбора Войскового Атамана назначить генерала Голощапова».¹⁶ За короткий период пребывания у власти Медяника и Голощапова развал административно-управленческих структур, войсковых частей и саморасказачивание достигли небывалого размаха. Движение за расказачивание и прямой отказ от несения военной службы практически парализовали всю систему управления частями и подразделениями. Полки отказывались подчиняться приказам Войскового Атамана и Войскового Круга, самовольно покидали места своей дислокации, уходили с боевых позиций по линии соприкосновения с Чечней и Ингушетией, с которыми шла настоящая война. В январе 1918 года, во время нападения ингушей на гор. Владикавказ с целью грабежа, были предприняты попытки организации обороны города, но войсковых частей, которые должны были защищать город, на месте не оказалось. На вопрос, где же войска, Войсковой Атаман Медяник ответил: «Да они же разбежались по домам... осталось только шесть членов Правительства, генерал Голощапов да несколько офицеров и казаков».¹⁷ Такая полнейшая административная беспомощность Войскового Атамана и правительства вызывала открытое недовольство, особенно экстремистской части терского казачьего офицерства. Они высту-

пили против Войскового правительства и, создав так называемые «Военно-революционные Советы» из числа своих единомышленников, объявили их власть на местах. В программе «Совета» выдвигалась задача объединения широких слоев населения — казачьего и неказачьего — в борьбе против «извечных врагов казачества — чеченцев и ингушей».¹⁸ Затем они хотели добиться объявления войны чеченцам и ингушам с вовлечением в эту межнациональную войну всего русского населения, казаков, а также Советов рабочих и солдатских депутатов. Однако 1-й съезд народов Терка, начавший свою работу 25 января 1918 года в Моздоке, на котором присутствовали представители всех народов Терской области, за исключением чеченцев и ингушей, не приглашенных по настоянию казачьего офицерства, категорически выступил против войны и предложил начать мирные переговоры с вайнахами. Твердая позиция съезда создала основу для разрешения многих национальных, социальных, политических и других узловых проблем в Терской области мирным путем с привлечением всех заинтересованных сторон. Такая политика мира и согласия принималась всеми народами, уставшими от многолетних войн и грабежей, практически единогласно.

В то же время Терское Казачье Войско находилось на грани полного развала. Авторитет верховной власти в Войске опустился настолько низко, что станичные, отдельные и другие подведомственные учреждения в большинстве случаев не считали нужным выполнять приказы и распоряжения, поступавшие из Владикавказа. Так, на Войсковой Круг, назначенный на 10 января 1918 г., были разосланы пригласительные билеты в Отделы и станицы, но, как отмечал и.о. Войскового Атамана Медяник, «в силу событий момента не приехал ни один депутат».¹⁹ Тогда было принято решение о переносе открытия Войскового Круга на 25 января, т.е. день начала работы 1-го съезда народов Терка в Моздоке, но и на этот раз явилось лишь 60 депутатов Круга, т.е. менее половины кворума. Остальные депутаты уехали на съезд в Моздок. Озадаченные таким оборотом дела, организаторы проведения Войскового Круга направили телеграмму полковнику Рымарю, находившемуся на съезде, и Председателю съезда, предложив им направить делегатов Круга в станицу Марьинскую «для принятия полномочий от Войскового правительства и образования областной власти». Однако в ответ на эту телеграмму съезд народов Терка предложил членам Войскового правительства «для сдачи отчета прибыть на областной съезд в Моздок, в казачью секцию».²⁰ Это ультимативное требование съезда, означавшее на деле самоликвидацию Терского казачьего войска и подчинение его Терскому Народному Совету, было отвергнуто Войсковым правительством, (правда, не в категорической форме), а для решения судьбы Терского войска попытались создать Войсковой Круг.

На этот раз удалось набрать необходимое большинство, и 11 февраля 1918 года очередной Войсковой Круг 6-го созыва начал свою работу. В отчетном докладе и.о. Войскового Атамана Медяника с канцелярской педантичностью и в точной хронологической последовательности излагались важнейшие политические, военные и хозяйственные события, которые произошли за этот период и относительно которых, как видно из доклада, Войсковое правительство находилось в роли стороннего наблюдателя. В условиях всеобщей нестабильности и хаоса Войсковое правительство не проявляло, по сути дела, должной гибкости и решительной инициативы, в большинстве случаев без активного сопротивления уступало шаг за шагом свои позиции в областных органах власти, создавая тем самым реальные условия для разрушения всех управленческих структур Терского войска и всеобщего, постаничного расказачивания. Некогда монолитная, дисциплинированная военная организация теперь превратилась в разрозненные, полуанархические партизанские отряды, которые, по утверждению Медяника, потеряли боеспособность и не в состоянии были защитить станичных поселенцев от грабежей и разбоев. Доклад от начала и до конца был пропитан мрачными мыслями о роковой исторической безысходности. Войсковое правительство, признавая полное свое бессилие, просило Войсковой Круг принять, как можно скорее, от него власть. «Мы уходим не потому, что боялись, — сказал в заключении Медяник, — а потому, что невозможно работать. От нашей работы, благодаря отрицательному отношению к нам населения, нет никакой пользы. В силу этих соображений Войсковое правительство просит принять от него полномочия и освободить его, чтобы выбрать других». Как отмечено в стенографическом отчете: «При гробовом подавленном молчании депутатов Круга, Медяник покинул трибуну». ²¹ Перед закрытием Войскового Круга, руководитель казачьей фракции на 2-м съезде народов Терека сотник Данилов в беседе по прямому проводу с председателем Войскового Круга Фальчиковым предложил, без лишнего обсуждения и дебатов, всем «депутатам Круга... разъехаться, а вновь избранному правительству, если старое окончательно решило уйти, хранить войсковое имущество и разработкой каких-либо вопросов не заниматься. Смешанного Круга не нужно созывать, он лишний при наличии областного съезда. Казаки по окончании работы съезда организуются отдельно и изберут Правительство, которое будет пользоваться полным авторитетом среди казаков». ²²

После этого разговора Войсковой Круг «впредь до окончательной организации управления Войска» избрал Временный Исполнительный Комитет в составе 12-ти человек, из которых восемь — для управления хозяйственными делами, а четыре — политическими. Для управления военной частью был избран начальник

Войскового Штаба полковник Белогорцев. Председателем Комитета избрали М.И.Гужева, представителя станицы Ессентукской. Таким образом, еще до признания Советской власти на Тереке, процесс бурного саморасказачивания разрушил административные устои Терского казачьего Войска, и оно тихо и безболезненно прекратило свое существование.

Приняв «бразды правления», Временный Комитет обнародовал «Декларацию», где были изложены основные принципы, цели и задачи его практической деятельности. Первой и основной задачей Комитет считал стремление к сближению со всеми национальностями и организациями Терской области, к прекращению гражданской войны «со своими соседями, чтобы таким путем трудовой народ мог вернуться к мирной работе на пользу родного края». Для разрешения «коренных вопросов Терского края», связанных с установлением «твердой власти, опирающейся на широкие слои населения», Комитет «считает необходимым созыв Учредительного краевого Сейма» в самое ближайшее время. К разрешению земельного вопроса Комитет призывает все национальности Терского края «подойти с точки зрения естественной справедливости и правопорядка». В заключение Комитет призывал все враждующие племена «прекратить пагубную гражданскую войну, подать друг другу братскую руку и перейти к мирной жизни, помня девиз революции — СВОБОДА, БРАТСТВО и РАВЕНСТВО». ²³

Однако, приняв Войсковую власть и опубликовав «Декларацию», Временный Комитет на деле оказался настолько урезан в своих управленческих полномочиях, что его деятельность порой носила чисто формальный характер. Поэтому члены Временного Комитета для выхода из этого управленческого тупика и получения ясности в своей административной деятельности решили обратиться к представительным органам власти и на 25 марта 1918 года назначили внеочередной Войсковой Круг в гор. Владикавказе, где основным вопросом повестки дня был вопрос об организации управления в Войске. Кроме того, в Терской области произошли радикальные общественно-политические изменения, которые касались непосредственно казачества: была принята Конституция Терской республики, образовано Областное правительство и 4-го марта 1918 года, на 2-м съезде народов Терека, была признана Советская власть, а, следовательно, признан и декрет «Об уничтожении сословий и гражданских чинов».

Внеочередной Войсковой Круг Терского казачьего войска 7-го созыва, начал свою работу 25 марта (10 апреля) 1918 года. На Круг прибыло, согласно докладу Мандатной комиссии, 104 делегата, представлявшие все станицы и войсковые части. В повестку дня было включено 16 вопросов, но основными были вопросы об отношении к Советской власти и о земле.

На Круг были приглашены представители Терского Областного Народного Совета, члены Народного Совета А.А. Андреев, Е. Богданов и Ю.Г. Пашковский. В приветственной речи представитель Народного Совета Богданов от имени Терского Областного Народного Совета призвал делегатов в своей работе не расходиться с решениями съездов трудовых народов и идти по пути, на котором стоит революционная демократия. Терский Областной Народный Совет, заявил представитель областной власти, всегда встречал во всех своих обращениях к казачеству желательную поддержку и «с вашей поддержкой Терская область не будет переживать этих страшных моментов, которые переживают другие уголки России».²⁴

В начале работы Круга депутат станицы Михайловской предложил данное собрание называть не Кругом, а Съездом. Его поддержали и другие делегаты. После краткой дискуссии было принято компромиссное соглашение, которое предоставляло право каждому депутату по своему усмотрению называть собрание «Круг» или «Съезд», а в документах указывать и то и другое название.

С докладом о положении в Терском войске и об отношении к Советской власти выступил Комиссар по казачьему имуществу, член Терского Областного Народного Совета казак Сомов. Он отметил, что еще во время работы Моздокского съезда народов Терека исполняющий обязанности Войскового Атамана есаул Медяник заявил о готовности Войскового правительства сложить полномочия, которое на Войсковом Круге 6-го созыва прекратило свое существование. Для управления Войсковым имуществом, как известно, был образован Исполнительный Комитет. Однако Народный Совет Терской республики для защиты имущественных интересов казаков и контроля за использованием этого имущества образовал особый Комиссариат по казачьему имуществу, причем все административные дела были сосредоточены в руках Народного Совета, а деятельность Комиссариата была ограничена узкоспециальной хозяйственной деятельностью. Одновременно, на основании декрета Совета Народных Комиссаров, власть которого была признана на 2-м съезде народов Терека, все запасные войсковые земельные участки, леса, нефтяные промыслы, недра и другие доходные статьи у Войска были отобраны и переданы в общенародное достояние. Для поддержания порядка на территории Войска после его развала необходимы были мирные инициативы и согласие всех народов, населявших Терскую область. Семя, брошенное социалистическим блоком о мире, упало в благодатную почву. Было принято, что мир может быть установлен не силой штыков, а силой вразумления. После этого приступили к организации на местах власти по типу советской. Посягательства на самоуправление казаков не было — выборное

начало, сказал в заключении докладчик, которое было раньше у казаков, распространилось на всю область. Казачество не уничтожено, а ликвидирована лишь его военная организация.

Во время обсуждения доклада было высказано несколько схожих по своему содержанию предложений, но все они сводились к одному — к признанию советской власти. «Что касается Народного Совета и признания его власти, — сказал депутат Дьяконенко, — то раз мы уже решили его признавать, то и должны создавать все только согласно с ним. Двум богам нельзя молиться. Мы должны сказать, что мы признаем власть Совета Народных Комиссаров».²⁵

После окончания прений депутат Поморцев поставил на голосование следующую резолюцию (приводим дословно): «Обсудив вопрос об отношении казаков к Терскому Областному Народному Совету и принимая во внимание, что истомленный и измученный анархией народ нуждается в твердой опоре и гарантиях спокойной жизни и спокойных занятиях своим трудом и, имея в виду, что твердая власть будет лишь та, которая опирается на самый народ, почему должна быть сконструирована на применении в широком масштабе принципа демократичности, а Народный Совет таковым является, Войсковой Съезд ПОСТАНОВЛЯЕТ: 1) казаки, как истые демократы, приветствуют общую областную народную советскую власть, всецело к ней присоединяются и ее поддерживают, 2) принимая во внимание, что Народный Совет признал все имеющиеся у Войска капиталы, хозяйство и имущество неотъемлемой собственностью Терского Казачества, Войсковой Съезд находит необходимым создать казачий хозяйственный орган при Областном Народном Совете по казачьим делам для заведования и распоряжения войсковым имуществом и капиталами, орган, который ответствен перед казачьей фракцией Областного Народного Совета». Резолюция принимается единогласно, при семи воздержавшихся.²⁶ Таким образом, высший законодательный орган Терского казачьего войска — Войсковой Круг (Съезд) — официально признал Советскую власть и подтвердил готовность с ней сотрудничать и ее поддерживать.

Другой вопрос повестки дня, который непосредственно касался сохранения традиционных устоев казачьей общины, был вопрос о земле. Принятый на 2-м съезде народов Терека «Закон о социализации земли в Терской области» по своей новизне был далеко неодинаково воспринят в терских станицах, вследствие чего для разъяснения основных его положений на Круг (съезд) в качестве докладчика пригласили Комиссара земледелия Терской области Пашковского.

В своем докладе Комиссар земледелия указал в первую очередь на те социально-классовые изменения, которые произошли после революции, когда «на сцене появился принцип справедли-

ности и когда все инородцы стали сынами Родины. Тогда оказались лицом к лицу с фактом, что те народы, которые до сих пор были пасынками, заявили свои права».²⁷ Поэтому в равноправном обществе все труженники-земледельцы будут наделяться по справедливому принципу земель, и право на пользование ею получают те граждане, которые проживали в данном месте во время объявления закона о социализации. Этот закон проводит принцип наиболее справедливого распределения земли. И на Пятигорском съезде, отметил докладчик, этот принцип был принят и его необходимо положить в основу новой деятельности. Ясно, что провести это в жизнь будет нелегко и прежде, чем подойдем к основному принципу социализации, необходимо будет обследовать все земли в качественном и количественном отношении. Будут взяты на учет все плодородные и неплодородные земельные участки, которые по тем или иным причинам не обрабатываются, или сдаются в аренду, излишки казачьих земель, а также земли, принадлежащие помещикам и монастырям. В заключение докладчик сказал, что для приведения в исполнение закона о социализации земли необходимо будет образовать областную земельную комиссию, на которую возложить подготовку общего плана проведения закона о социализации земель в жизнь.

Бурные прения по докладу о земле показали широкий и крайне противоречивый разброс мнений депутатов: здесь были предложения о полном отрицании этой формы раздела земли, другие предлагали сохранить прежнее общинное землепользование, третьи настаивали на переносе обсуждения этого вопроса на очередной Круг и т. д. Особенно беспокоило депутатов два вопроса: что получают казаки в результате социализации земли и какова будет судьба Терского войска.

Ясно, что отвечая на вопрос о возможной ликвидации казачества как особого, служилого военного сословия и превращения казаков в равноправных «простых граждан» России, исходило из сущности социалистической идеологии, провозгласившей всеобщее равенство и братство. Утверждение этих принципов проходило по всем каналам политической и экономической жизни общества и в этом случае «социализация земли» не являлась исключением. Разрушение земельной общины путем социализации земли, безусловно, должно отразиться на дальнейшем существовании казачества, тем более, что развал военных структур Войска и земельной общины — этих двух китов, на которых держалось войсковое сословие, по мнению многих депутатов Круга, — рано или поздно приведет к тому, что «Терское войско должно умереть естественной смертью».²⁸ Такие мрачные перспективы вызывали тревогу и беспокойство отдельных депутатов, которые предлагали добиваться согласия вышестоящих органов власти на сохранение самостоятельности Терского казачьего войска.

«Россия еще не погибла, — говорил депутат Сердюков, — она еще воспрянет и с нею воспрянет и казачество и будет существовать. Мы, казаки, как отдельная народность, должны самостоятельно управляться, не вразрез со всем народом, но сохраняя все самобытные черты... Революция только обновила самобытность духа казачества». Эту мысль дополнил депутат Фролов: «Казачество есть самобытно сложившаяся народность и как таковая имеет право на самостоятельное существование и не умрет, как здесь было сказано».²⁹ Однако на Круге были выступления и прямо противоположного содержания. Так, депутат от станицы Грозненской Куталов заявил, что его и казаков станицы не интересует дальнейшая судьба Войскового правительства, что он делегирован «только для окончательного решения вопроса о судьбе капиталов и имущества Войска и установления органа управления при Народном Совете». По мнению депутата Федорова, возвращение к прошлому уже невозможно, а раз «власть перешла в руки народа и в настоящее время осуществляется Советами, то казаки будут их поддерживать».³⁰ В земельном вопросе сторонники социализации земли утверждали, что при сохранении прежнего, общинного казачьего землепользования «мы будем есть, а другие будут голодать».³¹

После бурных и жарких дебатов Круг принял резолюцию, в которой практически отрицалась социализация как форма общественного распределения земли. «Решительное обсуждение вопроса об осуществлении социализации земли среди казачьего трудового населения, — говорилось в резолюции, — отложить до организации Отдельских Народных Съездов, заседания которых теснее приблизят основы Конституции по социализации земли вниманию и усвоению глубоких слоев казачьей демократии на местах, что и создаст желательную почву по подготовке и разработке плана социализации».³² Таким образом, принятие Кругом резолюции, отрицавшей социализацию земли, входило в прямое противоречие с решением 2-го съезда народов Терека, принявшего Закон о социализации земли на всей территории Терской области. Решение этого спорного вопроса выпадало на долю 3-го съезда народов Терека, который должен был состояться в мае 1918 года.

На одном из последних заседаний Войсковой Круг избрал членов «Хозяйственного Совета», которому было поручено заниматься управлением казачьим имуществом. Войсковые же административно-управленческие структуры полностью упразднялись: в Отделах власть перешла к так называемому Комиссару казачьего отдела, а в станицах учреждались Советы, избираемые на демократической основе. Так завершился первый период (этап) раскачивания терского казачества и начался второй, который должен был проходить в условиях признания казаками Советской власти и декрета «Об уничтожении сословий и гражданских чинов».

Вопрос о земле, как и ожидалось, занял на 3-м съезде народов Терка одно из главных мест. Делегаты съезда образовали специальную Чрезвычайную комиссию по земельному вопросу и поручили ей разработать проект резолюции в плане всеобщего уравнительного распределения земли между земледельцами, независимо от их социальной, национальной и религиозной принадлежности. «Все эти различия, — отмечал Комиссар земледелия Пашковский, — объединяются в одном праве на труд, именно эти принципы и приведут народы области если не в царство мира, то к преддверию мира».³³ В резолюции рекомендовалось также, с учетом сложности и остроты земельного вопроса, действовать осмотрительно и осторожно, предполагая реализовать эту программу в течение нескольких лет. Казачье-крестьянская фракция согласилась с резолюцией и проголосовала за ее принятие.

Несмотря на признание Советской власти и принятие делегатами съезда закона об уравнительном распределении земли, в Терском войске не произошло всеобщего объединения под знаменами Терской Областной Народной власти. Более того, началось открытое и скрытое политическое размежевание казачества. Одна часть — преимущественно рядовые казаки — вполне доброжелательно восприняла решение 3-го съезда народов Терка и в ожидании лучшего занималась своим неотложным крестьянским трудом. Другая же часть — генералы, полковники, войсковые старшины, есаулы и другие чины — не могла и не хотела признавать Советскую власть. Началась консолидация сил, стоящих на антисоветской платформе, в двух районах Терской области — во Владикавказе и Моздоке.

Во Владикавказе эти силы объединились вокруг казачье-крестьянской фракции при Областном Народном Совете, который состоял в основном из старшего офицерского состава, занявшего резко антисоветскую и антиправительственную позицию, что привело, по мнению председателя Хозяйственного Совета полковника Луценко, к «обострению взаимоотношений казачье-крестьянской фракции со всеми остальными группами населения».³⁴ Об этом же сообщал и член казачье-крестьянской фракции сотник Григорьев, который считал, что «отношения и взгляды казачьей фракции при Областном Совете в корне стали расходиться с взглядами всего Совета за исключением некоторых лиц отдельных фракций, что стало сильно ощущаться и на массе казаков. Может быть, все это происходило оттого, что в то время в Моздокском отделе вспыхнуло массовое восстание против гонителей-большевиков, что в Народном Совете, а также и среди сочувствующих большевикам именовалось контрреволюционным движением: Бичераховых, Вертеповых, Валаевых и им сочувствующего казачества».³⁵ Другой центр, где происходила консолидация антисоветских сил, находился, как уже отмечалось, в Моздоке.

Здесь организация и объединение контрреволюционных сил неразрывно связаны с именем Г.Ф. Бичерахова — казака станицы Новоосетинской, военного инженера, поручика царской армии. Широкая, в масштабах Моздокского отдела, популярность и авторитет открыли Бичерахову дорогу к вершинам местной власти. Вскоре он занял пост Комиссара Моздокского казачьего отдела, а затем, путем ловкой махинации с выборами, становится во главе Моздокского Отдельского Народного Совета. По его распоряжению в станицы Луковскую и Терскую были введены верные ему сотни, а по окрестным станицам разосланы гонцы с обращением к станичникам — подниматься и идти в Моздок на выручку Бичерахова, который якобы арестован Моздокским Совдепом. Эта прямая ложь подняла на ноги казаков, многие из них начали сбиваться в отряды и готовиться к походу на Моздок. Чувствуя поддержку, Бичерахов 16 июня 1918 года предъявил Моздокскому Совдепу ультиматум, в котором потребовал полного разоружения отряда Красной Армии и сдачи оружия, сложения полномочий Моздокским Советом рабочих и красноармейских депутатов и передачи власти Народному Совету, т. е. Бичерахову. На выполнение ультиматума отпущалось всего 3 часа. Но Моздокский Совдеп отказался выполнить ультимативное требование Бичерахова, и город начал готовиться к обороне. Однако силы были далеко не равны, и после ночного боя небольшой красноармейский отряд под командованием Жукова, а с ним и Моздокский Совдеп оставили город и отступили в сторону Ставрополя.

В Моздоке власть перешла в руки мятежного казачества во главе с Г.Ф. Бичераховым.

Едва стало известно о выступлении казаков Моздокского отдела под руководством Бичерахова, как казачье-крестьянская фракция Терского Народного Совета почти в полном составе появилась в Моздоке. Здесь она объявила выступление Бичерахова как всеобщее движение казаков и крестьян против Советской власти, а чтобы придать этому движению политическую весомость и объединить все контрреволюционные силы, 20 июня 1918 года был созван в Моздоке съезд казаков и крестьян Терской области.

Выступая с докладом, член Терского Областного Народного Совета полковник К.С. Лотиев основное внимание уделил общественно-политической деятельности казачье-крестьянской фракции в Областном Народном Совете. По его мнению, казачье-крестьянская фракция постоянно испытывает политическое давление со стороны правительственных органов власти, чувствует всеобщее отчуждение. Создаваемая искусственно изоляция привела, в конце концов, к тому, что «мы остались в меньшинстве, мы остались одни». При создавшейся ситуации, когда Советская власть относится с недоверием к казачеству, «дальнейшая рабо-

та наша там просто бесполезна». Поэтому казачество, считает Лотиев, должно защищать свои интересы с помощью твердой власти и организованной силы. «Власть должна быть создана здесь же на съезде, — решительно предлагал он. — Мы должны избрать здесь свой Совет казачье-крестьянских депутатов. И если мы сделаем это сейчас же, то мы должны снести с Областной властью и сказать Областной власти: если вы не хотите ссориться, не хотите давить на казачество, то давайте в ваших рядах место и нам. Если же нам откажут, тогда мы принуждены будем объявить автономию Терского казачества и довести это до сведения центральной власти. Дальше играть в прятки было бы недостойно нас как политических деятелей. Пусть нас за это называют контрреволюционерами, мы знаем, что мы казаки и больше ничего. Мы должны создать власть сильную, деловую, ни перед чем не останавливающуюся для осуществления наших насущных потребностей».³⁶ Вопрос о недоверии казачеству действительно поднимался на предыдущих съездах народов Терека и на Терском Областном Народном Совете. Отдельные делегаты прямо заявляли, что «казакам верить нельзя, что они находятся под большим влиянием своих «верхов» и по их призыву в любой момент могут взяться за оружие и бороться против новой власти». Пытаясь сгладить это негативное отношение к казачеству и развеять дух недоверия, есаул Поморцев на 2-м съезде народов Терека сделал следующее заявление: «Мы, казаки, которые когда-то охраняли царский режим в царских чертогах, в садах и покоях, мы первые же, в лице гвардейских частей, вырвали фундамент этого режима. Нет больше клички «опричники», которой клеймили нас. Мы друзья народа и просим только об одном: любите нас. Помните, товарищи и граждане, мы ваши». Речь Поморцева вызвала бурю аплодисментов, которые перешли в настоящую овацию по адресу казачьей фракции».³⁷ Ясно, что заявление полковника Лотиева о недоброжелательном отношении к казакам, мягко говоря, не соответствовало действительному положению и было направлено на разжигание антисоветских настроений и создание благоприятных условий для организации активного вооруженного выступления.

Речь Бичерахова на съезде была посвящена анализу причин победы Октябрьской революции и положению народных масс после утверждения Советской власти. По его мнению, большевики тонко чувствовали настроение народных масс и всегда находили нужный и своевременный ответ на их требования. Однако после признания Советской власти наступило горькое разочарование. Неприятие нового социально-экономического строя порождает глубокие чувства неприязни не только к структурам новой власти, но и к отдельным личностям, что естественно расширяет масштабы взаимной конфронтации. «Мы готовы принять принци-

пы Советской власти, — говорил Бичерахов, — но мы не можем переваривать некоторых комиссаров, мы не можем переваривать того, что именуется Совдепами». В дальнейшем, после разгрома Советской власти, для народов Терека будет только один путь — «это путь истинного народоправства, свободного содружества народов, это путь симпатий на север, путь не дробления, а воссоединения рассыпавшейся на части великой России. Я хочу верить, — в заключение сказал он, — что путь вражды и злобы мы уже прошли и впереди нас ждут лучшие дни. По всей России слышатся призывные раскаты национального возрождения и светлые дни уже не за горами».³⁸

Для многих делегатов съезда выступление Бичерахова было своего рода программным документом в борьбе с Советской властью. В выступлениях отдельных делегатов настойчиво провоздвигалась мысль о необходимости создания мощной военной организации на базе Моздокского отдела, способной противостоять регулярным войскам Красной Армии. Делегаты Панкратов, Сапронов и другие требовали, например, организации решительной борьбы, в любой ее форме, против Советской власти, против большевиков. В то же время некоторые депутаты выступали против военных методов борьбы с Советской властью. Так, бывший председатель Войскового Круга 7-го созыва Фальчиков, выступая за мирное устранение Советской власти, предлагал всем, кто был избран на 4-й съезд народов Терека, «поехать... и если нам суждено одержать победу, то мы должны одержать ее там. Победа эта должна быть решена парламентским путем, а не на поле брани. Только такая победа будет прочной, ибо она будет опираться на волю всех народов Терского края».³⁹ Возражая ему, депутат, полковник Валаев, сказал: «Что мы можем сделать на съезде, когда нас всего 168 человек против 600. Не забывайте, что главный вопрос — это вопрос земельный, а земля только у нас. Казачество может отдать излишки, но поделиться поровну, отдать все — это мы не можем. Мы должны добыть свое самоуправление, свою казачью автономию».⁴⁰ После краткой процедуры обсуждения докладов Моздокский съезд приступил к решению практических вопросов по организации и созданию местной власти до созыва Областного Народного съезда. Новый орган власти был назван «Казачье-крестьянским Советом», в который должны войти по два представителя от казаков каждого отдела, по одному от крестьян, один представитель от караногайского народа и два представителя от съезда. Председателем Казачье-крестьянского Совета единогласно был избран Г.Ф. Бичерахов.

Приняв решение об отзыве своих представителей из Терского Областного Народного Совета, Моздокский Казачье-крестьянский съезд тем самым заявил о полной своей независимости, намереваясь в дальнейшем всякое силовое давление или военно-поли-

тические акции Областного правительства против казачества рассматривать как враждебные, оставляя за собой право на защиту своих интересов любыми средствами, не исключая и военных действий. Это был откровенный вызов Областной Народной власти, поэтому Казачье-крестьянский Совет приступил к дополнительному формированию на территории Моздокского отдела воинских частей и подразделений. 23 июня 1918 года Казачье-крестьянский Совет объявил войну Советской власти и уже 30 июня около станицы Прохладной произошло первое сражение казачьих отрядов под командованием генерала Мистулова и полковника Вдовенко, где «была одержана блестящая победа над красноармейскими бандами».⁴¹ Причем 200 красноармейцев, взятые в плен, были расстреляны по приказу казачьего командования.⁴² Боевым сотням Казачье-крестьянского Совета удалось установить контроль по линии железной дороги от Георгиевской до Котляревской и от Прохладной-Моздока до Кизляра. Однако в дальнейшем, в районе станицы Котляревской, отряды Красной Армии преградили путь наступавшим казачьим частям и тем самым предотвратили их выход в Сунженско-Владикавказский регион, где Бичерахов рассчитывал на поддержку своих вероятных сторонников.

По всей линии фронта боевые действия носили характер отдельных, локальных сражений, и нередко военная чересполосица делила соседние станицы на два враждебных лагеря. Многие станицы вообще отказались поддерживать движение мятежного казачества. Против мятежа выступили и казаки-фронтвики. В своем «Воззвании к трудовому казачеству Терской области» они писали: «Долго сдерживаемая гражданская братоубийственная война разразилась и у нас в области, казацкие верхи и офицерство временно восторжествовали в районе Моздока, и под масками друзей они красивыми словами обманули трудовое казачество и вовлекли его в гнусную авантюру, толкнув на ужасную бойню, чтобы за спиной казаков-пролетариев делать свои грязные пошлые делишки».⁴³ Против войны, развязанной мятежным казачеством, выступили и делегаты 4-го съезда народов Терека, начавшего свою работу 23 июля 1918 года. Известие о начале мятежа рассматривалось делегатами съезда как акт открытого предательства интересов народа и демократии, а расстрел 200 пленных красноармейцев как бессмысленная и неоправданная жестокость. Делегаты съезда от всех политических партий и народов Терской области осудили действия мятежного казачества, и некоторые из них требовали подавление мятежа военной силой. Восставшее казачество практически лишилось общественно-политической поддержки большинства населения и осталось в глубоком одиночестве. С большим трудом лидеру казачье-крестьянской фракции на съезде, небезызвестному Фальчикову, удалось убедить делегатов съезда не начинать военных

действий. После бурной и горячей дискуссии силы мира и согласия одержали верх, и делегаты съезда решили послать в лагерь мятежников представительную делегацию. В состав делегации вошли казаки-делегаты съезда, осетины, ингуши, чеченцы, представитель центральной власти Шляпников и представитель областной — Бутягин.

В ходе переговоров выяснилось, что значительная часть рядового казачества, «за исключением ничтожного меньшинства, состоящего, главным образом, из офицеров, совершенно не желает войны и настроена миролюбиво». Однако руководитель движения Бичерахов в беседе представителями делегации заявил, что «он, Бичерахов, не признает ни центральной Советской власти, ни съезда трудовых народов Терской области, ни Терского Народного Совета и его исполнительного органа — Терского Совета Народных Комиссаров... с целью низвержения Советской власти и восстановления старого строя».⁴⁴

Несмотря на категорическое заявление Бичерахова, делегаты съезда раз за разом направляли свои мирные предложения через представителей казачье-крестьянской фракции, пытаясь добиться ликвидации вооруженного противостояния. В ответ бичераховцы выдвигали все новые и новые условия: они то требовали удалить из правительства негодных им комиссаров, то произвести демонтаж пушек с тем, чтобы замки передать осетинской или кабардинской делегации и т. д. Эти, порой абсурдные «условия» и «требования», изучались, подвергая ревизии все пункты ультиматумов Казачье-крестьянского Совета, когда все, без исключения, стремились к единственной цели — выработке взаимоприемлемых условий мира. «Вы поймите, — говорил Орджоникидзе, обращаясь к делегатам съезда, — что мы искренне стремимся к миру: мы, власть, имеющая за собой огромное, подавляющее большинство населения, мы идем на все уступки в целях мира. Мы верим в революционность трудового казачества, вовлеченного в эту войну, и для него мы идем на уступки».⁴⁵ Еще не завершились мирные переговоры с бичераховцами, как терские казаки нанесли Областной власти тяжелейший удар.

В ночь с 5-го на 6-ое августа 1918 года, когда делегаты съезда после окончания рабочего дня мирно возвращались домой, во Владикавказ ворвались мятежные отряды казачьих станиц Ардонской, Архонской, Сунженской и осетинских селений Гизель, Ольгинское и других. К ним присоединились самооборонческие отряды города, Владимирской и Верхне-Осетинской слободок. Завязалась ожесточенная битва между красноармейскими отрядами, отрядами осетинских кermenистов, жителями Курской и Молоканской слободок с мятежниками. Советская власть висела на волоске. Понимая угрожающую опасность, Орджоникидзе тайными тропами добрался до ингушского селения Базоркино с тем,

чтобы добиться помощи от ингушей в борьбе с мятежниками. За это в беседе с лидером ингушских националистов Джабагиевым он обещал от имени Советской власти, в случае победы, «передать ингушам земли четырех казачьих станиц». Это предложение было принято, и в ту же ночь в Базоркино начали прибывать вооруженные ингушские отряды. Для руководства этими отрядами был создан штаб. Было решено, что помимо главного удара по Владикавказу, ингушские части немедленно займут станицы: Сунженскую, Тарскую, Фельдмаршальскую и Тарские хутора.⁴⁶

Эта черная сделка, совершенная на слезах и крови мирных жителей Владикавказа и казачьих станиц, была платой за амбициозные устремления армейского и казачьего офицерства, затеявших авантюру.

Ворвавшиеся внезапно в город, мятежные казаки и осетинские добровольцы приступили к массовым облавам и повальным арестам сторонников Советской власти и ей сочувствующих. В числе расстрелянных были председатель Горсовета Камолов, руководители профсоюзов Огнев и Никитин, работники республиканского штаба Красной Армии Серобабов и Шмулевич, секретарь Горсовета Чхубиани, Нарком продовольствия и один из основателей осетинской революционно-демократической организации «Кермен», делегат 4-го съезда народов Терека Колка (Николай) Кесаев, чрезвычайный уполномоченный по заготовке продовольствия для центра Морозов и др.

Однако 17 августа 1918 года под натиском хорошо организованных сил защитников города боевые порядки казаков и их сторонников дрогнули, началась паника и беспорядочное отступление в сторону станицы Архонской. И уже 18 августа на всех участках обороны Владикавказа боевые действия были прекращены. Выступление владикавказско-сунженских казаков и осетинских добровольцев против Советской власти окончились полным их поражением.

Участие в «августовской» аванюре нанесло терскому казачеству тяжелый и трудно поправимый моральный и материальный урон. Во-первых, казачество потеряло доверие, зарекомендовав себя воинственным и вероломным сословием, способным в любую минуту отказаться от своих соглашений и перейти в лагерь врагов; во-вторых, казаки станиц Сунженской, Тарской, Аки-Юртовской и Фельдмаршальской, ранее обратившиеся к 3-му съезду народов Терека с просьбой о переселении на земли Пятигорского отдела после уборки урожая и получившие соответствующие гарантии, теперь, ввиду их участия в нашествии на Владикавказ, подлежали принудительному переселению под «охраной» ингушей; в-третьих, резко обозначился раскол в казачьей среде по социально-классовому признаку. Выступая на 5-м съезде народов Терека, казак станицы Карабулакской Блохин сказал: «Я выступаю от тех подлинно трудовых казаков, которые так долго

и много несли ярмо старого правительства... Казачеству так много было наговорено, что оно не могло разобраться, что полезно и что нет. Теперь казаки стали всматриваться и сознают, что их предали люди, которые стояли во главе и которые боялись говорить о той власти, которая защищает права трудящихся. Казачья фракция поручила мне заявить, что трудовое казачество, встав на платформу Советской власти, ни в ту, ни в другую сторону с этой платформы не сойдет».⁴⁷

Возникшая конфликтная ситуация в станичном обществе значительно увеличила отток здоровых сил казачества в ряды Красной Армии и в другие организации Советской власти, что заметно повлияло на естественный процесс расказачивания. Генерал Шкуро в своих мемуарах писал, что «Конница Буденного состояла преимущественно из изгнанных из своих станиц за причастность к большевизму донских, кубанских и терских казаков... и иногородних этих областей... на хороших, большей частью угнанных с Дона, конях».⁴⁸ Те же казаки, которые оставались в станицах, в большинстве случаев относились к местным властям без должного уважения и доверия. И, наконец, поражение белогвардейского и белоказачьего выступления во Владикавказе практически предрешило судьбу Казачье-крестьянского совета. Это было связано, с одной стороны, с расширением фактора недоверия к командно-офицерскому составу, что существенно повлияло на боеспособность войск, а с другой — представляло опасность для областной Советской власти, поскольку присутствие на территории области полувоенных-полуанархических формирований сковывало общественно-хозяйственную жизнь и служило надежным пристанищем для всех контрреволюционных сил. Решение вопроса о начале военных действий против боевых отрядов Бичерахова было ускорено также и в связи с трагическими событиями, произошедшими в станице Змейской. После окончания работы 4-го съезда народов Терека, 117 делегатов от Пятигорского отдела возвращались домой через станицу Змейскую. Однако по распоряжению полковника Кибирова 27 августа 1918 года они были окружены плотным кольцом вооруженных казаков и арестованы. После унижительных обысков, допросов и избиений часть из них была выведена за пределы станицы и расстреляна. Остальных задержанных делегатов на следующий день отправили под надежным конвоем в Моздокскую и Екатериноградскую тюрьмы, где участь их была более чем печальной: от невыносимых тюремных условий, голода и болезней большинство из них скончалось, а остальные — во время отступления бичераховских войск по направлению на Кизляр — в дороге были зверски изрублены шашками.⁴⁹

В ответ на эти акции Терский Областной Народный Совет обратился к населению области — горцам, крестьянам и трудово-

му казачеству с воззванием, в котором звучал призыв «к беспощадной борьбе с обнаглевшей контрреволюцией».

Началась активная подготовка к боевым действиям против военных сил Казачье-крестьянского совета.

Наступление Красной Армии началось 2 ноября 1918 года. Основную силу Красной Армии составляла 1-я Ударная Советская Шариатская колонна под командованием кубанского казака Г. И. Мироненко. В первый же день линия фронта на многих участках была прорвана, и к вечеру станица Зольская была занята советскими войсками. Продвижение войск Красной армии было настолько успешным и стремительным, что 9 ноября красные вошли в Прохладную (где накануне командующий войсками Казачье-крестьянского совета генерал Мистулов покончил жизнь самоубийством), а 23 ноября заняли «столицу» Бичерахова Моздок. 3 декабря командующий войсками Казачье-крестьянского совета генерал Колесников приказал форсировать реку Терек, укрыв остатки войск в Дагестане. Причин такой быстрой победы было две: а) хорошая подготовка и организация военной операции и высокий морально-боевой дух бойцов Красной Армии, б) полное отсутствие желания казаков сражаться в рядах Казачье-крестьянского совета: многие из них в первые же дни сдались в плен, другие разбежались по домам или же укрылись в степных хуторах или в притеречных лесах. Таким образом, раздавшийся в свое время призыв к саморасказачиванию, т.е. к процессу естественного расказачивания, связанного с участием в общественных организациях Советской власти, оказал отрицательное влияние на исполнение основной обязанности казаков — на военную службу. Они достаточно ясно начали понимать, что военная служба нужна не им, казакам, а тем, кто стремится к власти, обещая, в далекой перспективе, оставить им эту пожизненную службу. Приученный к законопослушанию, казак, хотя и был исполнителем, но, тем не менее, он был уже не тот образцово-показательный воин, что раньше. Это был рядовой гражданин, начинающий мыслить по-новому и определявший свое будущее, исходя из собственных интересов.

Попытки приостановления процесса саморасказачивания были предприняты казачье-офицерской верхушкой и в период господства Добровольческой армии на территории Терской области. Бывшие руководители Казачье-крестьянского Совета 22 февраля 1919 года создали Войсковой Круг Терского Войска, где приняли Конституцию, избрали Войскового Атамана (им стал генерал Вдовенко) и Войсковое правительство. В борьбе против Советской власти Круг объявил о своем объединении «под одним командованием с Войсками Кубани, Дона и Ставропольского края в союзе с героической Добровольческой армией». В отделах и станицах восстанавливались прежние структуры власти, причем существующие органы

власти не только упразднялись, но и привлекались к суровой ответственности. Смена власти происходила в условиях повальных грабежей в станицах и других населенных пунктах. Наступающие отряды деникинских войск, врываясь в станицы — будь то днем или ночью, звонили в колокола, поднимали жителей и «проводили не грабеж, а какое-то стихийное опустошение». Отряды «кубанских черкес», «волчьих сотен», «корниловцев» и бандформирований других названий жгли, тащили, насиловали, убивали.⁵⁰ Оправдывая эти грабежи, генерал Шкуро писал: «Денег не отпускалось достаточно, даже жалованье не платилось войскам иной раз по полгода. Приходилось жить добычей, отнимаемой у большевиков. Если же таковой не попадалось или не хватало, то прибегали к реквизиции у населения... понятие реквизиция и вооруженный грабеж стали скоро для населения аналогичными. Казаки и солдаты быстро привыкли, в свою очередь, смешивать два эти понятия, что чрезвычайно развращало армию. Нравственный распад постепенно распространился и на офицерский корпус».⁵¹ Генерал Врангель не отрицал, что армия жила «исключительно местными средствами», хотя он в свое оправдание утверждал, что постоянно боролся с грабежами гражданского населения. В то же время по его заявлению «генерал Покровский, полковник Шкуро да и многие другие из старших войсковых начальников не пожелали или не сумели положить необходимый предел в первое время неизбежному злу, не провели резко и непреклонно грань дозволенного и недозволенного, и в истории нашей борьбы это зло стало чревато последствиями».⁵²

Генерал Деникин, признавая факты безусловного насилия над населением, писал: «В конце марта (1919 года — И.О.) в одном из закрытых заседаний Круга рассматривался вопрос о массовом явлении насилий, творимых в задонских станицах отступавшими казаками... Иногда идет отряд всадников 300, бывают там и офицеры, тянут часто за собой пушку... обстреляют сначала станицу, потом начинают насилия над женщинами и девушками и грабеж».⁵³

В жалобе Войсковому Атаману Войска Терского генералу Вдовенко казаки многих станиц, пострадавших от грабежей Добровольческой армии, сообщали, что солдаты под видом «поиска оружия, отбирали и уносили золото, серебро и разные другие вещи», а солдаты «4-й сотни Конного Кабардинского полка снимали даже сапоги и белье».⁵⁴ Одновременно начались жестокие преследования сторонников Советской власти и ей сочувствующих, причем воин Добровольческой армии являлся не только обвинителем и судьей, но и исполнителем. За время пребывания Добровольческой армии на территории Терской области было расстреляно и повешено около 1000 человек. Для проведения в станицах и поселениях карательных акций против массовых или

одиночных выступлений сторонников Советской власти была сформирована специальная конная сотня под командованием подъесаула Пелепейко. Карательная сотня занималась выявлением и ликвидацией нелояльных к Добровольческой армии лиц, задержанием подозрительных и неблагонадежных граждан и препровождением их в местные тюрьмы, где условия содержания по своей жестокости были сравнимы разве что с застенками средневековых инквизиций. На территории Терской области мрачную и печальную известность получила Моздокская тюрьма, находившаяся под военно-административным контролем Войскового правительства и Добровольческой армии. Тюрьма была рассчитана на 40 мест, а на 1 декабря 1919 года там содержалось 179 заключенных. Смертность среди заключенных была настолько высока, что в отчетных списках, представляемых тюремной администрацией, фамилии заключенных, как правило, обновлялись более чем на половину.⁵⁵

Войсковое правительство, не имея союзников среди народов Терской области, полностью подчинило себя военному командованию Добровольческой армии и оставалось верным этому союзу до полного поражения. На этом военно-политическом фоне гражданская война приняла форму повального взаимного истребления воюющих сторон. Эта установка получила свое начало с выступления генерала Л.Г. Корнилова, который перед походом на Екатеринодар объявил: «Пленных не брать».⁵⁶ Этой установкой руководствовались все командующие Добровольческой армии. Барон Врангель писал, что «наши части, со своей стороны, имея неприятеля и впереди и сзади, будучи ежедневно свидетелями беспощадной жестокости врага, не давали противнику пощады. Пленных не брали».⁵⁷ Генерал Деникин описал такую жуткую сцену. «Помню, какое тяжелое впечатление произвело на меня поле под Армавиром в холодный октябрьский день после урупских боев, все усеянное белыми фигурами (раздели до белья) пленных 1-й Конной и 1-й Кубанской дивизий».⁵⁸ С особой жестокостью Добровольческая армия относилась к еврейскому населению. Генерал Шкуро в своих воспоминаниях отмечает, что «постепенно у казаков выработался резко отрицательный взгляд на еврейство... казаки решительно не давали пощады евреям-красноармейцам. Обыкновенно, пленив красную часть, казаки командовали: «Гей, жида, вперед, вперед. И тут же рубили выходящих».⁵⁹

Грубый военно-правовой беспредел, творимый войсками Добровольческой армии на территории Терской области, заметно повлиял на авторитет Войсковой власти и, что самое худшее, внес в среду станичного казачества элементы безразличия к войсковому званию и отношению к военной службе. Пытаясь восполнить потери на фронтах, Войсковое правительство, по предписанию деникинского командования, без конца проводило

«поголовные мобилизации», спешно направляя собранных ополченцев на фронт. В станицах же создавались отряды самообороны, куда зачислялись станичники, не имевшие ограничения в возрасте. В результате по дороге на фронт большинство мобилизованных казаков с оружием или без оружия уходило в партизанские отряды, а в станицах команды самообороны хотя и создавались, но не было никакой надежды на их использование в боевых действиях против возможного противника. Казаки не хотели воевать, и большинство своем возвращались в родные станицы толпами и в одиночку. Дезертирство приняло настолько массовый характер, что были случаи, когда казаки возвращались на Терек с «полковыми штандартами».⁶⁰ «Многие казаки, — писал Деникин, — бросали оружие или целыми полками переходили к «зеленым», другие же двигались в общем потоке отступающей армии или шли покорно, куда их вели, не отказывая в повиновении в обычном распорядке службы. Отказывались идти в бой».⁶¹ В битве под Георгиевском казаки отказались сражаться против большевиков, ушли с фронта — сначала терцы, а затем и кубанцы. Самыми неустойчивыми оказались терские казаки. Они первыми изменили делу «единой и неделимой России, хотя занимали всегда на казачьих совещаниях правые скамьи наиболее рьяных борцов за воссоздание деникинской России».⁶²

26 февраля 1920 года Войсковой Атаман генерал Вдовенко опубликовал приказ генерала Деникина и свое обращение к казакам с призывом объединиться. Однако обращение, являвшееся последней попыткой в этом военно-политическом сумбуре навести порядок и создать условия для организованного сопротивления наступающему противнику, не получило поддержки, и 16 марта 1920 года части Красной Армии и партизанских отрядов под командованием казака станицы Государственной В.И. Кучуры заняли центр Войска Терского Пятигорск. Войсковой Атаман, Войсковое правительство и остатки войск, по образному выражению Деникина, лишенные воли и не веря в свои силы, «слились в конце концов с общей человеческой волной в образе вооруженных отрядов, безоружных толп и огромных таборов беженцев, стихийно стремившихся на запад».⁶³ Таким образом, войсковые административно-управленческие структуры, в очередной раз прекратив свое существование, покинули Родину и оставили рядовых казаков один на один со своей судьбой. На этом заканчивается третий период рассказывания терского казачества и начинается четвертый, заключительный, проходивший в условиях повсеместного утверждения Советской власти.

Вопрос о разъяснении сущности и программного содержания рассказывания обсуждался на Первом Всероссийском съезде трудовых казаков, который состоялся в Москве 29 февраля-6 марта 1920 года. На съезде присутствовало 466 делегатов от

казацких областей: Оренбургской – 169 человек, Донской – 122, Уральской – 21, Семиреченской – 4, Астраханской – 7, Сибирской 79, Кубанской – 2, от войсковых частей – 51, от иногородних – 11, из них 103 коммунисты. С докладами выступили В.И. Ленин и М.И. Калинин. В своем докладе М.И. Калинин, говоря о задачах по расказачиванию, отмечал, что Советская власть «нравственно обязана расказачивать казачество и оно будет расказачивать», причем не в том смысле, чтобы запрещать носить привычные для казаков украшения или лишать казаков возможности жить по сложившемуся культурно-бытовому укладу, «а в том, чтобы в казацких областях были проведены железные дороги, чтобы женщина-казачка поднялась на высший культурный уровень, чтобы с казацкого населения были сняты особые воинские повинности. Если вы только подумаете, – говорил М.И. Калинин, обращаясь к делегатам, – в чем состоит сущность этого расказачивания, то вы увидите, что оно не должно идти вразрез с казацким населением, а должно только приветствоваться всем казацким населением».⁶⁴ В резолюции о задачах казачества отмечалось, что «основной своей задачей трудовое казачество считает сплочение и тесный и неразрывный союз с рабочими и крестьянами Советской России, так как только такой союз обеспечит трудовому казачеству мирную, спокойную, трудовую жизнь... Съезд глубоко уверен, что соединенными усилиями трудового казачества, крестьян и рабочих Советская республика справится со всеми своими врагами, а также с хозяйственной разрухой».⁶⁵ Для реализации решений 1-го Всероссийского съезда трудовых казаков Президиум ВЦИК принял специальное постановление, где предлагалось «всем Народным Комиссариатам на основании резолюций, принятых на 1 Всероссийском казацком съезде, подготовить соответствующие постановления и декреты и провести их в обычном порядке».⁶⁶ Таким образом, Советское правительство не скрывало своей программы, связанной с расказачиванием, и старалось убедить казачье население в необходимости создания общества, где будут господствовать принципы: СВОБОДА. РАВЕНСТВО и БРАТСТВО. В этом равноправном обществе достойное место должно принадлежать и казачеству.

Процесс саморасказачивания широко охватил станичное население особенно в период образования органов Советской власти на местах территориального раздела Терской области: на Горскую республику, Терскую (Прикумскую) губернию и Сунженский казачий округ. Здесь на темпы административно-принудительного расказачивания существенно повлияло решение о повсеместном изъятии оружия у казаков, происходившем при вступлении Красной Армии в населенные пункты. По распоряжению военно-революционной власти на Тереке все мирное население обязано было сдать оружие. Однако если решение о разоружении станиц в это слож-

ное и беспокойное время вполне объяснимо, то в то же время, по распоряжению Орджоникидзе, горское население, в частности, чеченцы и ингуши, не подлежали разоружению, и за ними сохранялось право на его ношение и хранение. Трудно понять и осмыслить это чисто административно-волевое решение, но по своей сущности оно делило общество на две части: одна оказалась безоружной и естественно бесправной и незащищенной, другая же часть была вооружена и, не покидая общества, объединялась в разбойные ватаги и занималась грабежами мирных жителей. Поток неучтенного оружия хлынул в горские селения и до крайности обострил криминальную обстановку в регионе. Все «аулы были переполнены оружием, каждый житель, даже подростки лет 12-13, вооружены с ног до головы, имея револьвер и винтовку».⁶⁷

6 апреля 1920 года «для установления твердой Советской власти» постановлением Северо-Кавказского ревкома был образован Областной Революционный Комитет (Ревком). При формировании местных ревкомов предлагалось соблюдать указания вышестоящего руководства по кадрам, когда председатель назначался, а остальные члены выбирались населением. Причем «избирать и быть избранным могли только честные трудовые казаки, не запятнавшие себя в прошлом». Ревкомы имели право «по своему усмотрению» выдвигать на руководящую работу тех или других лиц, при этом «неся за них полную ответственность».⁶⁸ Основная деятельность ревкомов была связана с восстановлением хозяйственной жизни станиц, поддержанием порядка и борьбой с грабежами и бандитизмом в населенных пунктах и на дорогах. После выборов в Советы, обычно в течение 2-3 месяцев, ревкомы прекращали свою деятельность.

Новые органы власти – Советы – строились на основе положений, изложенных в «Декрете о строительстве Советской власти в казачьих областях», изданном 25 марта 1920 года за подписью В.И. Ленина. В декрете отмечалось, что в целях более тесного сплочения трудового казачества с рабочими и крестьянами и единства организаций власти на всем пространстве Российской Социалистической Федеративной Советской Республики предлагалось учредить в казачьих областях общие органы власти, причем создание отдельных Советов казачьих депутатов не допускалось. В тех местах, где казачьи хутора и станицы разбросаны в пределах губерний и находятся среди сплошной массы неказачьего населения, казаки в административном отношении должны входить в состав тех губерний, к которым территориально примыкают. Там же, где казаки живут сплошной массой, изменение территориальных границ могут производиться только на общих основаниях. Прежние названия: станица, хутор, округ, область изменяются лишь по желанию местного трудового казачества. В областях, где закончилась гражданская война, разреша-

лось постепенно приступать к образованию вместо Ревкомов – Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов на общих основаниях.⁶⁹ Безусловно, в этом декрете просматриваются элементы административно-принудительного расказачивания, связанные, в первую очередь, с объединением населения по территориальному признаку, где оказывались под одной крышей и казаки и представители других сословий. Понимая, что объединение ведет к размыванию казачества как особого служивого сословия, Советская власть, тем не менее, во главу угла здесь ставит задачу не сохранения казачества как сословия, а создания единого, равноправного, бессословного общества. Политика создания равноправного общества поддерживалась абсолютным большинством населения, в том числе и казачеством. Так, на съезде трудовых казаков Сунженской линии 29 марта 1920 года в Грозном в резолюции было отмечено, что «путь трудовых казаков есть путь рабочих и крестьян».⁷⁰

После освобождения Терской области от войск Добровольческой армии и установления Советской власти в 1920 г. процесс расказачивания проходил без какого-либо бурного военного или политического сопротивления. Это явление вполне объяснимо, если учесть, что: а) военно-административные устои Терского войска были расшатаны массовым движением за расказачивание еще в дооктябрьский период, б) состоялся уход с Добровольческой армией в эмиграцию большинства казачье-офицерского состава – непримиримых противников расказачивания и организаторов антисоветских выступлений, в) начался процесс переход станичного казачества на сторону Советской власти и признания политики по расказачиванию как политики, проводимой в интересах казачества, г) позиция Советского государства в вопросах укрепления межнациональной дружбы, единства и защиты интересов всех народов, в том числе и казачества была твердая и принципиальная.

Определенное влияние на процесс расказачивания оказало и переселение Сунженских станиц на свободные земли Пятигорского отдела и Ставропольской губернии. Сам процесс переселения казаков, по замыслу его учредителей, должен был, в первую очередь, разрешить наиболее острую проблему в межнациональных отношениях – проблему наделения горцев землей за счет казачества. В то же время на съезде представителей народов Терской области, где присутствовали делегаты горских народов и трудового казачества, И.В. Сталин в своем докладе указал и на другую причину переселения казаков. «В последнее время, – говорилось в докладе, – когда мира с Польшей еще не было, а Врангель наступал на Донецкий бассейн, в эту минуту одна часть Терского казачества вероломно, – иначе нельзя выразиться, – восстала против наших войск в тылу... Советская власть долго

терпела, но всякому терпению бывает конец. И вот, вследствие того, что некоторые группы казаков оказались вероломными, пришлось принять против них суровые меры, пришлось выселить провинившиеся станицы».⁷¹

Переселение терского станичного казачества получило на страницах научной и общественно-политической печати резкую и далеко неоднозначную оценку. Представители наиболее радикального крыла обвиняли, например, органы советской власти в преднамеренном и жестоком геноциде по отношению к терскому казачеству. Это очень тяжелые обвинения, и мы сочтем за разумное не вступать в полемику с авторами этих обвинений. Мы будем опираться на фактический документальный материал, чтобы изложить свое видение этого вопроса и сделать соответствующий вывод. Прежде всего, я хотел бы напомнить слова из Евангелия от Иоанна, что «нет власти, аще не от бога». Поэтому Советскую власть в нашем вопросе, хотим мы того или нет, надо рассматривать как законную и признанную большинством народа власть, которая имела определенные обязанности перед этим народом. Надо учитывать и то, что события того времени проходили в условиях гражданской войны, то есть войны народа одной страны, расколовшегося по своим убеждениям на два непримиримых лагеря. А такая война всегда отличается особой жестокостью. Формы и методы этой войны каждая сторона определяла на месте, исходя из обстановки, но цель была одна – победа. Порой жестокие расправы и угрозы массового террора пугали своими масштабами. Здесь были и красный, и белый террор, а была и угроза истребления после взятия Москвы всех коммунистов, совдеповцев, их семей и вообще всех признавших Советскую власть. Здесь были тюрьмы и застенки, где подвергались истязаниям люди лишь за то, что одни назывались «красными», а другие «белыми». В этом пожаре войны стороны упорно шли к своей цели и для ее достижения использовали все доступные им средства. Именно это во многом определяло деятельность той и другой стороны. В этом плане выселение терских станиц на первом этапе имело определенное военно-тактическое обоснование, хотя в нравственном отношении оно не имело оправдания. Ингуши как союзники Советской власти, по согласованию с Г.К. Орджоникидзе, во время Августовских событий окружили станицы Сунженскую, Тарскую и Аки-Юртовскую (казаки которых участвовали в осаде Владикавказа), предложив казакам сдаться и в «двухнедельный срок убраться из станиц».⁷² Казаки, узнав о тяжелом положении своих станиц, прекратили штурм Владикавказа и бросились спасать свои дома. Но было уже поздно: ингуши разоружили станицы и приступили к их выселению. Во время выселения ингуши, по условиям соглашения, должны были «защищать имущество и граждан станиц от преступного элемента», однако вместо защиты они «сами предались грабежам и всяким насилиям».⁷³

Во время движения обоза к Владикавказу у казаков было отобрано 242 лошади, взято деньгами 78 тыс. рублей, отобрано вещей на 800 тыс. рублей и убито 13 человек. Казаки оставили в станицах имущества на сумму 120 миллионов рублей, «какую ингушский народ обязался выплатить переселенцам». На 5-м съезде народов Терека, с упреком в адрес терского казачества, было сказано, что «это заслуга того казачьего контрреволюционного офицерства, по милости которого область была втянута в гражданскую войну. Своих генералов, полковников должно благодарить за все это казачество». ⁷⁴ Во Владикавказе обоз встретили красноармейцы и от них, писали станичники, «мы увидели спасение». ⁷⁵ Такое безадресное переселение значительно усложняло обстановку, и основную массу переселенцев пришлось поселить во Владикавказе, а других расселить по станицам Архонской, Ардонской, Николаевской, Змейской, Котляревской, Пришибской и Прохладной.

Едва переселенцы устроились на новых местах, как Терская область была занята Добровольческой армией. Многие казаки-переселенцы потянулись обратно в свои станицы, где к тому времени уже обосновались ингуши. Дело до кровавых столкновений не дошло, но межнациональный раскол обозначился довольно четко. Ингуши, чеченцы и другие горские народы единодушно поддержали Советскую власть, а определенная часть терского казачества – Добровольческую армию. Поэтому после окончания гражданской войны и победы Советской власти вопрос о повторном переселении казачьих станиц снова был поднят на уровень исполнения. Орджоникидзе, выполняя обещание, данное ингушам, предписал Терскому Ревкому подготовить к 25 апреля 1920 года к переселению станицы Сунженскую, Аки-Юртовскую и Тарскую. ⁷⁶ Для них были заказаны на ст. Беслан три состава, наполовину состоящие из открытых платформ для перевозки имущества выселяемых станиц. 16 июня 1920 года секретарь Облревкома Зубков сообщил, что «все население станиц Сунженской, Аки-Юртовской и Тарской прибыло на места поселения и удовлетворено землею». Казаков разместили в имениях Глебова, Евдокимова, Карпухина, Моргачева и Беликова и по станицам Новопавловской, Ставропольской и Урухской за счет прирезки земли из Ставропольской губернии. ⁷⁷ В связи с тем, что казаки этих станиц во время весенних работ были в дороге, им на основании постановления № 289 Терского областного Исполкома от 7 декабря 1920 года начали выдавать бесплатное продовольственное обеспечение, а также фураж, лес для строительства. Кроме того, казаки освобождались от налогов и наделялись землей наравне с другими казаками и крестьянами. ⁷⁸

После размещения первого эшелона с переселенцами сразу же последовало указание из Кавбюро о переселении второго эшелона из числа оставшихся станиц. Процесс переселения казаков вряд

ли был бы замечен (известно, что и раньше переселялись большие группы населения, достаточно сказать, что Терское казачье войско в основном было укомплектовано за счет организованного переселения волжских, донских и украинских казаков), но при переселении терских казаков были допущены грубейшие организационные просчеты. Сама организация переселения была непродуманной и поспешной, причем, ссылаясь на указание Орджоникидзе, местные власти торопились с отправкой эшелонов и обозов без должной дорожной экипировки и вооруженной охраны. Тем временем приближались осенне-зимние холода и дождливое межсезонье. Областные власти, опасаясь тяжелых последствий, связанных с возможными массовыми заболеваниями и эпидемиями, в срочном порядке 20 ноября 1920 года рассмотрели на заседании Исполкома вопрос о положении казаков-переселенцев. Было установлено, что со стороны организаций, проводящих это переселение, допущены ошибки и злоупотребления. Теперь же, исходя из создавшегося положения, Терисполком срочно направил комиссию под председательством Станского, которая выехала в Грозный, а затем во все затеречные станицы. 15 декабря состоялось совещание в Моздоке. В качестве срочной меры Моздокскому Исполкому было предложено направить в Пятигорский отдел предписание принять переселенцев: в ст. Лысогорскую – 50 семей, Горячеводскую – 100, Зольскую – 100, Марьинскую – 100, Незлобную – 100, Георгиевскую – 100 и Александрийскую – 100. Часть переселенцев разместили по крестьянским поселениям Ставропольской губернии. По решению Терского Областного Исполкома все переселенцы, согласно постановлению № 289 от 7 декабря 1920 года, должны были получать от государства продовольственную и материальную помощь. ⁷⁹

Одновременно на заседании Казачьего Отдела ВЦИК 18 декабря 1920 года было принято постановление, где предлагалось на основании доклада Терской областной казачье-крестьянской фракции съезда народов Терека просить председателя ВЦИК М.И. Калинина и председателя Совнаркома В.И. Ленина «сделать распоряжение о приостановлении переселения станиц Терского казачьего населения до выяснения положения на местах Терской области». ⁸⁰

Большое давление на процесс переселения казаков оказывали руководители местных национальных образований. Так, во время обсуждения Конституции Горской республики 28 декабря 1920 года на заседании Президиума ВЦИК в Москве, Горская делегация в составе Мамсурова, Эльдерханова, Тугаева, Барсанова, Албагачиева, Исмаилова, Энеева и Алиева заявила о необходимости полного выселения казачьих станиц с территории Горской республики. В ответ на это заявление М.И. Калинин сказал, «что если казаков выселить, то горцы очень скоро вымрут от

голода, так как горцы живут казачьим хлебом».⁸¹ Однако, несмотря на этот ответ, горская делегация вновь 25 января 1921 года представила проект плана о выселении всех станиц Сунженского отдела, причем не позже 1 мая 1921 года.⁸² Такое массовое переселение должно было привести в движение более половины населения Горской республики и остановить процесс развития сельскохозяйственного производства, как минимум, на несколько лет. Кроме того, развал сельского хозяйства мог стать естественным тормозом в развитии местной промышленности. Поэтому, с учетом печального опыта предыдущего переселения казаков, ВЦИК и СНК подошли к решению этой проблемы более чем осторожно и декретом от 27 января 1921 года постановили: 1) немедленно приостановить выселение казаков из пределов Горской республики, 2) составить Комиссию из представителей сторон, поровну от каждой, в количестве 5 человек под председательством тов. В.И. Невского, которой поручить в двухмесячный срок изучить на местах вопрос о наделении безземельных и малоземельных горцев за счет многоземельных казаков в пределах Горской республики с тем, чтобы представить по истечении двух месяцев в Президиум ВЦИК мотивированный доклад о размерах земельной нужды горцев, о формах удовлетворения земельной нужды (уплотнение казаков или выселение), о количестве подлежащих выселению казачьих станиц, если выселение будет признано неизбежным.⁸³ После возвращения комиссии, на основании ее доклада Президиум ВЦИК 14 апреля 1921 года постановил: а) оснований для выселения казаков из станиц Сунженской линии не имеется, б) нужду в земле малоземельных и безземельных горцев вполне можно удовлетворить без крайних мер путем уплотнения казачьих станиц.⁸⁴

Вопрос о переселении казаков обсуждался и на заседании Терисполкома — после доклада комиссии Станского. Было принято постановление: 1) дело следствия продолжать и привлечь всех виновных к ответственности, для чего весь следственный материал передать в Теробчека, 2) возбудить перед Совтрудармией ходатайство о назначении пособий комиссии по расследованию дела о переселении казаков, 3) исправить все ошибки, допущенные властями при проведении в жизнь мероприятий намеченных по переселению, для чего усилить работу комиссии из представителей Теробземотдела, Теробсобеса и Грозненского Окровоенкомрота, 4) принять все меры по возвращению казакам всего имущества, ограбленного у них чеченцами, провести это через Грозненский Окружной (Чеченский) исполком и Тероблвоекомрот, 5) принять меры по охране оставшегося в станицах имущества, сделав Чеченский Исполком ответственным за его сохранность.⁸⁵

Таким образом, благодаря своевременному вмешательству Центральных органов власти в дела, связанные с переселением

станций и разделом земли в Терской области, удалось предотвратить угрозу массового недовольства казачьего населения и исправить ошибки, допущенные по вине нерадивых и безответственных чиновников. Однако основная тяжесть вины за ошибки, допущенные в переселенческом вопросе, лежит на Г.К. Орджоникидзе. Именно по его указанию, несмотря на приближающуюся осень, было отдано распоряжение об отправке второго эшелона переселенцев, хотя было ясно, что казаки вряд ли смогут добраться даже в условиях хорошей погоды к местам своего поселения. Не была учтена и сложная криминогенная обстановка в регионе, вследствие чего охранные отряды, которые сопровождали переселенцев, по своей малочисленности не могли надежно защитить казаков от постоянных воровских набегов и насилий, что приводило, естественно, к людским и материальным потерям. Не было подготовлено и достаточно мест для приема и размещения переселенцев, что приводило к скученности людей и тяжелым бытовым условиям жизни. Однако в последовательной цепи преступного отношения к своим служебным обязанностям административных лиц мы не находим умышленных действий, которые бы указывали на попытки массового и преднамеренного уничтожения казаков-переселенцев, которое сравнимо было бы по уровню и масштабам с геноцидом. Отдельные авторы в своих публикациях подняли проблему переселения казаков на уровень всероссийской трагедии, обвиняя, в первую очередь, Советскую власть в преднамеренном физическом уничтожении казачества по социально-классовым причинам, требуя осуждения не только отдельных лиц виновных в данной трагедии, но и всей политической системы того времени. Авторы не смущает и тот факт, что официальные органы власти самым тщательным образом расследовали события, связанные с переселением терских казаков, так что фактическое положение дела еще раз подтвердило, что там не было тайных замыслов против казачьего сословия. Было искреннее желание как можно скорее и без боли исправить эти ошибки и больше их не допускать.

В защиту терских казаков резко выступил И.В. Сталин. В докладе на съезде представителей горских народов и терского трудового казачества 17 ноября 1920 года он заявил, что в связи с переселением казаков «горцы поняли это так, что теперь можно терских казаков безнаказанно обижать, можно их грабить, отнимать скот, бесчестить женщин. Я заявляю, что если горцы думают так, они глубоко заблуждаются. Горцы должны знать, что Советская власть защищает граждан России одинаково, без различия национальности, все равно, являются ли они казаками или горцами. Следует помнить, что если горцы не прекратят бесчинств, Советская власть покарает их со всей строгостью революционной власти... и если казаки будут вести себя впредь, как честные

граждане России, я заявляю это здесь перед всем съездом, что ни один волос не упадет с головы казака».⁸⁶ Это серьезное предупреждение, сказанное с трибуны съезда в защиту терского казачества, оказало положительное влияние на обстановку в районе расположения станиц Сунженского округа, которое постоянно подвергалось грабежам горских соседей. После этого уже более энергично начали создаваться органы милиции, расширялись формы и методы борьбы с бандитизмом, повысилась требовательность к руководящим кадрам. Казаки-переселенцы начали своевременно получать гарантированную материальную помощь, им отводились земельные наделы для посева и застройки. Практически было приостановлено переселение, но уже переселено было 10 станиц, включая и станицы Фельдмаршальскую, Ильинскую и Кохановскую, которые были сожжены и уничтожены чеченцами и ингушами в конце 1917 года, а жители расселены по станицам Кизлярского отдела. Переселение сунженских станиц (около 60 тысяч человек, оказавшихся на территории Горской республики), безусловно, повлияло на процесс расказачивания. Для казаков это было своеобразным ускорителем на пути их приближения к положению крестьян-земледельцев тех регионов, где они были поселены.

Выделенный из Терской области Сунженский казачий округ, получивший административно-территориальную автономию, создавал новые структуры управления. С ликвидацией военно-хозяйственного Войскового базиса исчезли из обихода многие названия, свойственные казачьей терминологии, изменялись взаимоотношения между станичниками и иногородними поселянами, разрушалась община, а с ней и форма земельной собственности. Казаки были освобождены от пожизненной военной службы, у них изъяли оружие, были распущены и ликвидированы военные учреждения и структуры, словом, вчерашние станичники-ополченцы стали равноправными гражданами России, гражданами-земледельцами. Нельзя сказать, что эта ломка проходила безболезненно и без определенного сопротивления, но в станицах эти перемены воспринимались основной массой, как должное и необходимое обновление, вносящее в их жизнь заметное житейское благополучие и надежды на мирный и спокойный труд. Ясно, что в результате повсеместного внедрения общих для всех граждан России законов и норм общественной жизни, практически уравнивавших в правах и обязанностях все население страны, Сунженский казачий округ также утратил былой уклад и теперь лишь условно считался обособленной административно-территориальной единицей. Здесь на процесс расказачивания в основном влияли факторы взаимной интеграции, приводившие к повсеместному размыванию казачьего населения как особого субэтнуса. Сам же процесс расказачивания протекал в условиях естественного

движения всей общественной жизни, причем официальные органы Советской власти не создавали искусственных условий ни для его ускорения, ни для замедления.

Процесс расказачивания в Терской губернии, куда вошли станицы Пятигорского, Моздокского и часть Кизлярского отделов, проходил в условиях доброжелательного отношения органов Советской власти к взаимному сближению народов Терека, основанному на межнациональном доверии. То, что мешало людям жить в мире и согласии, их сословная и национальная обособленность, теперь утратили смысл и постепенно стали забываться. Процесс социального, национального и сословного выравнивания населения вносил спокойствие в общественный порядок, и жители станиц, хуторов и поселений находили взаимопонимание, сближались на основе широкой хозяйственно-бытовой кооперации. В этом спокойном течении жизни терское казачество как бывшее военно-служивое сословие постепенно растворялось в общей массе сельских и городских обывателей. В связи с тем, что Советская власть не вносила каких-либо ограничений на использование казачьей символики и сложившихся культурно-бытовых традиций, они долгое время хранились и поддерживались станичниками. Мы уже отмечали, что в годы после Великой Отечественной войны научные экспедиции посетившие терские станицы, собрали богатый историко-этнографический материал. В настоящее время эти станицы оказались на территории Чечни, и бывшие казаки под вооруженным давлением чеченцев покинули станицы и расселились по разным уголкам страны и, конечно, растеряют остатки своих этнических и религиозных особенностей.

Завершающий этап расказачивания, безусловно, связан с решением Апрельского Пленума ЦК РКП (б), изложенным в резолюции «По вопросу о казачестве». К началу работы Пленума вопрос о расказачивании практически был решен. Казачество как военно-служивое сословие прекратило свое существование: военные структуры Войска были расформированы, а казаки разоружены, земельно-хозяйственная община была ликвидирована на основании закона о социализации земли, административно-управленческие аппараты распущены, а власть на местах перешла в руки Советов. Для привлечения станичного населения к советскому строительству в резолюции предлагалось проявлять чуткое отношение к боевым командирам красного казачества, шире привлекать казачью интеллигенцию в аппарат местных советских органов власти, а в наименовании Советов в казачьих районах должно быть обязательным «и казачьих депутатов». Рекомендовалось повсеместно усиливать внимание к работе с молодежью и среди женщин-казачек, вовлекая их в работу в Советах. Для поступления детей казаков в учебные заведения предлагалось создавать равные условия с детьми крестьян. В районах со сме-

шанным национальным составом, подчеркивалось в резолюции, усилить участие казаков в руководящих органах. Далее предлагалось признать необходимым возможно быстрое и полное проведение землеустройства в казачьих районах с соответствующим обеспечением интересов иногородних крестьян и казачьей бедноты и предоставление этим районам более широкого сельскохозяйственного кредита.⁸⁷

Таким образом, сняв с казачества все политические, общественные, административные, хозяйственные и другие ограничения, Советское государство восстановило его в рядах равноправных граждан России и тем самым окончательно упразднило казачество как особое служилое военное сословие. С принятием этого акта, закончилась (возможно временно) история Терского казачьего Войска, сыгравшего заметную роль в развитии и укреплении нашего Отечества в период расширения его границ и колонизации Северного Кавказа, а также во внутренней жизни страны при поддержании порядка и охраны вековых устоев царского самодержавия.

В годы Советской власти потомки терских казаков трудились, как говорится, на всех участках фронта. Они «восприняли идеологию большевизма, стали вполне советскими, внесли значительный вклад в строительство нового общества, в победу в Великой Отечественной войне. Здесь нет никакого противоречия. Наша страна прошла фантастически сложный и даже парадоксальный путь развития. В условиях тоталитарного режима она свершила промышленный рывок вплоть до выхода в космос, были созданы элементы социализма — общества равенства и справедливости. В 60-80-е годы стала формироваться уникальная советская субкультура, достижения которой трудно переоценить».⁸⁸ В этом грандиозном строительстве терское казачество занимало в братской семье народов достойное место, гордясь своими сынами и дочерьми: учителями, врачами, инженерами, генералами и офицерами, Героями Советского Союза и Героями Социалистического Труда, тружениками полей, фабрик и заводов, носившими, не без гордости, имя гражданина Великой Державы.

В настоящее время по всей стране проходит шумная компания по возрождению казачества в прежних его формах. Причем доброты от политики, не стыдясь, с экранов телевизоров «торжественно» вручают новоявленным атаманам ременные нагайки, как символы будущей деятельности возрождаемого казачества. Однако сама постановка вопроса вряд ли соответствует своему содержанию, так как в действительности речь идет не о возрождении казачества, а о его административном создании. Именно так может стоять вопрос, поскольку даже при всем желании мы не можем возродить в одночасье весь арсенал казачьего уклада жизни с его этническими и культурными особенностями, которые складывались

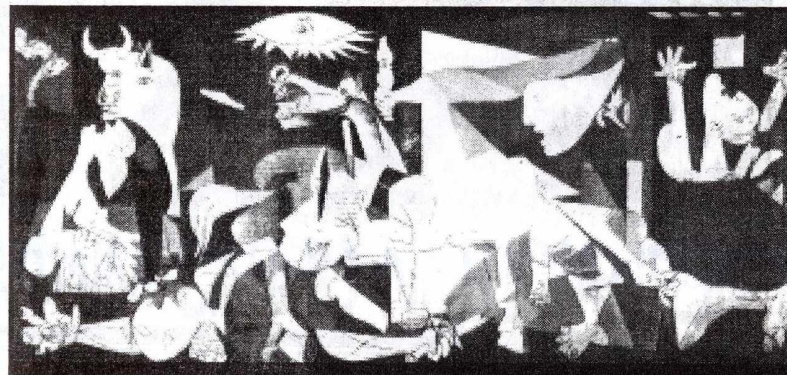
веками в не искусственном, а естественном процессе, вырабатывавшем оптимальные условия, продиктованные житейской практикой. Мы не можем возродить порядок и систему подготовки воина-казака по тем рецептам, которыми пользовались предки: начиная с семьи, станицы и кончая Войсковыми сборами. Казака учили с детства лихо скакать на коне, виртуозно владеть шашкой (джигитовка), стрелять, седлать и ухаживать за конем, переносить трудности походной жизни. Подрастающий воин-казак осваивал военное искусство, но, как правило, он не посещал школу, так что большинство казаков были безграмотными или малограмотными. Мы не можем возродить систему общинного землепользования — хозяйственную основу существования казачества, особенно с учетом того, что свое материальное благополучие, позволявшее ему приобрести оружие, обмундирование и боевого коня, казак создавал своим трудом, обрабатывая землю. Мы не можем в новых условиях жизни обособить казачество и свести его в отдельные поселения, так как казачество в народной массе составляет абсолютное меньшинство, разбросанное по всему региону, что практически делает невозможным управление этим сообществом. И, наконец, мы не можем возродить порядок, имевший юридическое обоснование прикрепления казаков к земле и сословию, как это было раньше, и принудительно заставлявший их выполнять свои обязанности перед государством. Казак был лишен права свободного выхода из сословия и за ним закреплялось положение о том, что «лица, однажды поступившие в Войсковое сословие, и их потомство остаются в Войске навсегда».⁸⁹ Мы создаем казака, которому пока еще нет места в обществе. В списках числятся, хотя и малочисленные, потомки истинных казаков, но в основном — «казаки» ряженые, которые, по образному выражению Войскового Атамана Терского войска генерала Шевцова, «пристроились к казачеству из личных корыстных побуждений».⁹⁰ Теперь из этого конгломерата предстоит создать казачье Войско, сформировать структуры управления, которые могли бы вписаться в Государственные органы власти, разработать систему местного самоуправления, создать экономическую базу, в том числе и систему землепользования и землевладения, определить источники материальной жизни казачества, разработать систему школьного воспитания и военной подготовки и решить вопросы с кадрами. Это огромный пласт работы, который надо поднять и осмыслить, прежде чем говорить о создании Терского казачьего Войска.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Декреты Советской власти, т.1, М., 1957, с.71-72.
2. Центральный Государственный Архив Республики Северная Осетия-Алания (ЦГА РСО-А), ф. Р-1, оп. 1, д.3, п.48.
3. ЦГА РСО-А, Р-2, оп.1, д.6, л.9.
4. «Голос минувшего», № 1, 1997, с.14.

5. Отчет заседаний Войскового Круга 6-го созыва. Владикавказ, 1918, с.7.
6. Омельченко И.Л. Терское казачество. Владикавказ, 1991, с.133.
7. «Голос минувшего», № 1, 1997, с.8.
8. ЦГА РСО-А, ф.225, оп.1, т.2, д.2, л.301-302.
9. Постановление Временного правительства о введении земских учреждений в Терской области. Владикавказ, 1917, с.1.
10. ЦГА РСО-А, ф. Р-10, оп.1, д.3, л.16.
11. Там же, ф. Р-1, оп.1, д.3, л.46.
12. Козлов А.И. Возрождение казачества. Ростов-на-Дону, 1995, с.25-26.
13. Жур. «Кубань», 1990, № 1, с.78.
14. ЦГА РСО-А, ф.225, оп.1, т.2, д.2, л.161.
15. Газ. «Терек», № 249, 15 декабря 1919 г.
16. ЦГА РСО-А, ф. Р-2, оп.1, д.24, л.50.
17. Отчет заседаний Войскового Круга 6-го созыва, с.12.
18. Съезды народов Терка. Т.1. Орджоникидзе, 1977, с.11.
19. Отчет заседаний Войскового Круга 6-го созыва, с.12.
20. Съезды народов Терка, т.1, с.36.
21. Отчет заседаний Войскового Круга 6-го созыва, с.36.
22. Там же, с.70.
23. ЦГА РСО-А, ф. Р-9, оп.1, д.2, л.2 об.
24. Войсковой Круг Терского казачьего войска 7-го созыва. Владикавказ. 1918, с.45.
25. Там же, с.16.
26. Там же, с.22-23, 28.
27. Там же, с.27.
28. Там же, с.15.
29. Там же, с.17.
30. Там же, с.16-17.
31. Там же, с.16.
32. Там же, с.51-52.
33. Съезды народов Терка, т.1, с.335-336.
34. ЦГА РСО-А, ф. Р-4, оп.1, д.32, л.5.
35. Там же, л.94.
36. Газ. «Терский казак», № 60, 11 июля 1918 г.
37. Съезды народов Терка, т.1, с.169-170.
38. Газ. «Терский казак», № 63, 17 июля 1918 г.
39. Там же.
40. Там же.
41. ЦГА РСО-А, ф.Р-1, оп.2, д.3, л.47.
42. Съезды народов Терка, т.2, с.74-75.
43. «Борьба за Советскую власть в Северной Осетии». Орджоникидзе, 1972, с.192.
44. Съезды народов Терка, т.2, с.97.
45. Там же, с.126.
46. Разгон И. Орджоникидзе и Киров в борьбе за власть Советов на Северном Кавказе. (1917-1920 гг). ОГИЗ, 1941, с.202.
47. Съезды народов Терка, т.2, с.188-189.
48. Шкуро А.Г. Записки белого партизана. Тайны истории, т.1, М., 1996, с.50, 150.
49. Архив Северо-Осетинского научно-исследовательского института. (СОНИИ), ф.21, оп.1, д.57, лл.8-10.
50. Там же, д.3, л.69.
51. Шкуро А.Г. Указ.соч., с.131.
52. Врангель П.Н. Записки. «Тайны истории», т.1, М. 1996, с. 373.
53. Жур. «Вопросы истории», № 12, 1994, с.116.
54. ЦГА РСО-А, ф. Р-2, оп.1, д.37, лл 56,86.
55. Там же, ф.23, оп.2, д.5, л.53.

56. Шульгин В.В. «Дни». «1920». М. 1989, с.552.
57. Врангель П.Н. Указ. соч. с.373.
58. Жур. «Октябрь», № 2, 1994, с.115.
59. Шкуро А.Г. Указ. соч. с.137.
60. ЦГА РСО-А, ф.54, оп.5, д.4897, л.56.
61. Жур. «Октябрь», № 11, 1995, с.150.
62. Газ. «Вольный горец», № 35, 22 марта 1920 г.
63. Жур. «Октябрь», № 11, 1995, с.150.
64. Калинин М.И. Речь на Первом Всероссийском съезде трудовых казаков 29 февраля 1920 г., М.1920, с.17-18.
65. Газ. «Правда», № 47, 2 марта 1920 г.
66. Декреты Советской власти. Т.8, М.,1976, с.411-412.
67. Жур. «Родина». № 3-4, 1994, с.139.
68. ЦГА РСО-А, ф. Р-39, оп.1, д.42, л.16.
69. Декреты Советской власти. т.7, 1974, с.391-392.
70. ЦГА РСО-А, ф.39, оп.1, д.42, л. 15 об.
71. Сталин И.В. Соч.т.4, 1951, с.400-401.
72. ЦГА РСО-А, ф. Р-4, оп.1, д.32, л.35.
73. Там же.
74. Съезды народов Терка, Т.2, с.172.
75. Там же, ф. Р-3, оп.1, д.93, л.78 об.
76. Там же, ф.36, оп.1, д.71, л.4.
77. Там же, д.13, лл.5, 5 об.
78. Там же. ф.36, оп.1, д.53, л.278.
79. Там же, д.13, л.29; д.150, л.294-297.
80. Альманах «Шпион», № 1, 1994, с.52.
81. ЦГА РСО-А, Р-82, оп.1, д.17, л.7.
82. Там же, д.1, л.16.
83. Декреты Советской власти, т.12, 1986, с.355.
84. ЦГА РСО-А, ф. Р-41, оп.1, д.54, л.1.
85. Там же, ф.36, оп.1, д.13, лл.34,35.
86. Сталин И.В. Указ. соч. с.401.
87. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. Т.3. М., 1970. с.169-171.
88. Жур. «Голос минувшего», с.47.
89. ЦГА РСО-А, ф.2, оп.1, д.135, л.2.
90. Газ. «Северная Осетия», № 42, 4 марта 1997 г.

Пабло Пикассо. Герника

МЕРЦАЮЩИЙ ОБРАЗ МИФА

Я смиренно внимаю словам древних, говоривших,
что художник – великий мудрец, ведь он вмещает в себя то,
что не охватят Небо и Земля, и выявляет то,
что не осветят солнце и луна. С кончика его кисти сходит
вся тьма вещей, а пространство его сердца...
вбирает в себя просторы в тысячи ли...

Чжу Цзинсюань, IX в.

Века пролегли между нами и золотом древних китайских фраз. Мир с тех пор сменил свой лик не однажды. А истина эта остается неизменной во времени, потому, что, как и столетия назад, пространство чистого холста нейтрально. Свечение его белизны таит в себе чудо.

Художник Шалва Бедоев прошел все этапы становления современного художника, окончив в 1962 г. художественное училище, а в 1969 г. Санкт-Петербургскую Академию художеств (тогда институт им. И. Е. Репина), стены которой он покинул виртуозным рисовальщиком, блестяще владеющим живописной техникой. Уже по работам тех лет было видно, что Ш. Бедоев – художник живописного видения формы и пространства. Оставаясь в рамках реалистической системы, художник проявлял живой интерес к колориту. Его занимали градации цвета в световоздушной среде, декоративные и пластические возможности живописи. Кроме того, очень тонкая ироничная стилизация отличала работы Ш. Бедоева семидесятых годов. Произведения этого периода, такие, как «Осень» (1972), «Черешня» (1974), «Юность» (1979) достаточно быстро принесли известность художнику. С тех пор его имя хорошо знакомо профессионалам всего российского и постсоветского пространства, а почетные звания, премии и награды не раз подтверждали высокое мастерство художника и общественное признание его творчества.

Но при всей своей значительности эти события есть не более чем внешнее отражение внутреннего пути художника. Движение по этому пути, логика развития художественного видения Бедоева привели его в восьмидесятых годах к новой изобразительной концепции. Откровение зрелого мастера являет собой его живописная сюита 1980-90 гг.

В ее основе – одна большая тема, осетинская мифология. За ней – целый комплекс историко-культурных и художественных проблем, без осознания которых невозможно глубокое понимание творчества Ш. Бедоева.

Обращение к мифу в рамках культурного пространства Осетии само по себе достаточно традиционно. К сюжетам эпических сказаний о нартах, фольклорным сказкам и старинным легендам обращались многие мастера, движимые стремлением выразить то «невыразимое», что является «духом» национальной культу-

ры. То особенное сочетание традиций, религиозных верований, духовно-нравственных установок, что сугубо индивидуально для каждого этноса и отличает один народ от другого.

Известно, что фольклор есть наиболее концентрированное выражение национального «духа». Обращаясь к этому пласту духовной культуры, художник вынужден взаимодействовать прежде всего с «устной» традицией, т.е. с литературными мифологическими текстами (сказаниями, ритуальными и обрядовыми молитвословиями и т.д.), так как ни устоявшейся иконографии, ни четко выраженной пластической традиции в трактовке сюжетов осетинской мифологии попросту не существует.

Архаика традиционной культуры Осетии, донесшая реликты эпохи мифологического мышления до двадцатого века, имеет свою визуальную знаковую систему, отражающую особенности художественного мышления этноса, современное же искусство Осетии – молодая, «новая» художественная культура, ориентированная на европейский художественный опыт и существующая всего лишь около столетия.

Выразить своеобразие традиционной культуры через эстетику современного художественного языка – вот нерв, основная интрига развития осетинского искусства всего XX века. Задача эта сложна, интересна и ответственна. Привнести традицию, уходящую корнями в вечность, в пространство современного визуального опыта – значит дать ей новую жизнь, т. к., только динамично развиваясь во времени, традиция живет, а приобретая статичность, умирает.

Шалва Бедоев ощутил пульсацию этих проблем. Думается, во многом благодаря этому его обращение к мифологии стало качественно иным, по сравнению с его предшественниками. Он обращается к мифу не как к источнику сюжетов и тем, а как к комплексу архетипов национального мышления. Бедоев облакает в новую художественную форму древние иконографические модели, мифопоэтические первообразы, с его живописью они становятся частью современного пространства, новой культурной реальностью. Так, поводом к созданию картины «Триединство» стала бронзовая скульптурка – крылатый конь с рыбьим хвостом (IX – XII в. до н.э.). Древний символ, отражающий идею предков осетин о единстве всего сущего, о цельности окружающего мира. Семантика этого изображения прочитывается через данные мифа. Чудесный конь символизирует единство трех стихий, необходимых для жизни человека, трех иерархических и пространственных зон, представленных в своих наиболее явных типологических признаках: воздух – крылья, земля – конь, вода – рыбий хвост.

Три начала объединены образом коня не случайно, т. к. в мифопоэтическом сознании осетин именно он является суще-

ством, представляющим все три зоны мира и осуществляющим связь между ними.

Обращаясь к мифу, художник словно вступает в символический диалог со Временем. Он переживает его очень тонко и очень индивидуально. Зрелый мастер, Бедоев, как никто другой осознал, что эпос и сказка – это не только архаика, но и иной, бесконечно удаленный от нас во времени способ существования в мире и пространстве, и совершенно иной способ их описания. Привычные нам категории пространства, времени, бытия, в мифе работают совершенно иначе, чем нам хотелось бы или не работают вовсе.

Потому что мир этот ирреален и непостижим. И все сюжеты, разворачивающиеся в нем, происходят в легендарную эпоху «молодости мира», во Времени Мифа.

Дать зримый образ этого мира не просто, т.к. он протяжен в реальном историческом времени (время формирования нартского эпоса от эпохи бронзы до средневековья) и неопределен в реальном географическом пространстве. Интересной особенностью осетинской мифологии является и то, что в текстах нет описания. Образы раскрываются через действие, иносказание, метафору. Стилизация как бы заложена в характере осетинского мифа. Прямолинейно иллюстративное решение исключает сам «объект» изображения, этот материал «оказывает сопротивление» конкретной зрительной определенности. Иллюзорная тяжесть материального, или чрезмерная изобразительная «достоверность» неизбежно обозначают границы образа, приземляя его в конкретное «историческое» время. Персонажи же мифа живут во вневременном пространстве, в котором нет четких, однозначных характеристик, где все призрачно, условно и наполнено игрой образов, символов и смыслов, которые обретают значение в соотношении с трансцендентными категориями.

В этом мире вещь легко оборачивается противоположностью не в силу волшебных или фантастических превращений, а в силу уникальных законов, действующих в этой среде. Так, например, в одном из эпических сказаний герой встречает великана и тот рассказывает ему о своих приключениях: «Как-то... окутало нас облако и стало моросить. Мы восьмером с конями искали, где бы укрыться. Смотрим, в одном месте пещера... Вошли в пещеру, расположились в ней. Чуть позже увидели, один пастух гонит стадо мимо пещеры... Козел свернул в нашу сторону и стал тереться боком о пещеру. Пещера наша зашаталась, стала раскачиваться словно люлька. Лошадиным черепом оказалась наша пещера» (Нарты. Осетинский героический эпос. Кн. 2, с. 96). В игровом пространстве осетинской мифологии бесконечно великое становится малым, а малое – непомерно большим. Здесь масштабы парадоксально совмещены, а пространства многослойны и безграничны.

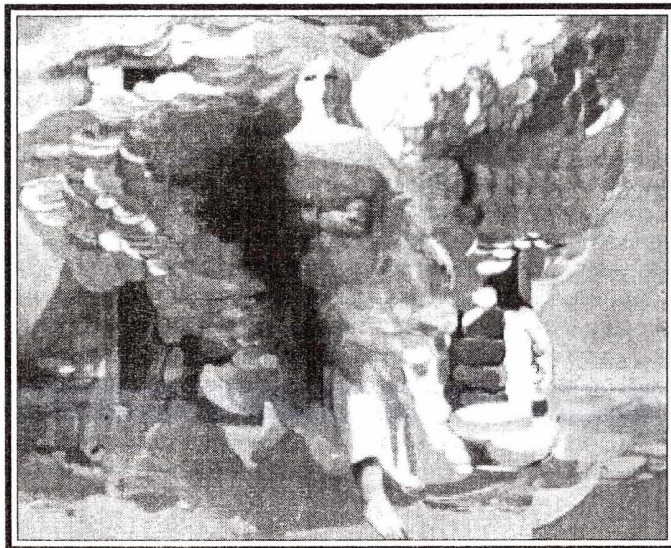
Дочь Донбеттыра

Портрет Эллы Басиевой

Шалва Бедоев

Дээрасса

Уастырджы

Шалва Бедоев

Язык повествования лаконичен и скуп, а метафоры «внезапны» и будоражат сознание своей выразительностью.

Орлиная зоркость древних рождала метафоризм такого рода. «Подобный метафоризм — естественное следствие недочеловечности человека и надолго задуманной огромности его задач. При этом несоответствии он вынужден смотреть на вещи по-орлиному зорко и объясняться мгновенными и сразу понятными озарениями» /Б. А. Пастернак/.

Так Дзерасса — одна из героинь осетинской мифологии и любимый персонаж произведений Ш. Бедоева, — дева-нимфа, дочь повелителя морских глубин, живет в подводном замке, где «пол — синее стекло, стены — перламутр, потолок — утренняя звезда (?)!». В образе голубки Дзерасса похищает плоды со священной яблони нартов. Как выглядит эта сказочная дева? Мы не знаем, но в образе птицы она «горит, как свеча».

Художник, отталкиваясь от подобного материала, свободен в проявлении своего воображения. Пространство творческой свободы, которое открывает миф, может обернуться пропастью для скользящего по поверхности, но может стать великим обретением для способного постичь его глубину. Шалва Бедоев искал не внешнего, а сущностного. Он создавал свой метод, структурно постигая законы мифотворения. И тут сама живопись была его мистическим соавтором.

В полном соответствии с духом мифа Бедоев моделирует вневременное пространство своих произведений. Спектр изобразительных приемов, которыми пользуется художник, прекрасно представляет виртуозный экспромт на эту тему «Натюрморт с кукурузой» (1988) Бедоев завораживает нас иллюзией непередаваемой легкости своего письма, словно янтарная тяжесть кукурузных початков и запотевшая синева виноградных гроздьев могли появиться на холсте мгновенно, повинуясь стремительному движению кисти. Это же движение кисти, стало причиной динамики цветового потока устремляющегося на зрителя с полотна. Иллюзорная материальность изображения, словно не в силах сдерживать энергию этого потока, теряет свои границы. Цвет как бы на наших глазах освобождается из-под власти формы и растворяет ее в невообразимом богатстве своих оттенков. Границы картинной плоскости размываются, натюрморт вытекает за пределы рамы. Плоскость холста размыкается трещиной, и то, что мы готовы были считать за фон натюрморта, оказывается предметом изображения в пейзаже — горой, выступающей из активной глубины синего неба. Как и мир осетинского мифа, пространство натюрморта насыщено разномасштабными планами, исключаящими однозначное прочтение. В этом театре живописи идет чудесная игра. И режиссер этого действия может стать его зрителем. Автор,

чей автопортрет мы видим в правом углу композиции, смотрит на нас с той стороны зазеркалья, а может быть и с этой, но тогда все увиденное лишь отражение...

Автор — зритель, фон — предмет, плоскость — пространство. Бедоев постоянно варьирует напряжения в системе этих отношений. Это позволяет ему добиваться тонких нюансов в трактовке мифологических образов. Сложность и многогранность образной символики мифа художник передает через визуальную усложненность композиции.

Живописуя миф, художник отказывается от развернутых сюжетных, многофигурных композиций. И это совершенно новая тенденция в изображении осетинской мифологии. Метод Бедоева передает поэтику мифа не через сюжет, а через общий пространственно-художественный строй. Обратимся, например, к циклу работ, посвященных героине нартского эпоса Дзерассе.

Мифологические ипостаси Дзерассы поистине неисчерпаемы: дочь морского царя, нимфа, русалка, крылатая дева, голубка, железноклювая птица, похитительница золотых плодов, обольстительная обманщица, страдающая вдова, возлюбленная, Мать. Ей посвящены такие произведения Бедоева, как «Дзерасса», «Дочь Посейдона», «Яблоко нартов», «Дзерасса с яблоком», «Дзерасса на прогулке» и другие. Интересно, что каждое из этих произведений, объединенных общим сюжетом и комплексом изобразительных средств, несет с собой всякий раз новый нюанс в истолковании этого образа.

В основе композиционных построений Бедоева всегда лежит интрига, но не всегда она очевидна и читаема. Становясь зрителем его работ, мы, сами того не подозревая, становимся одновременно и соучастниками некоего действия, в которое незаметно вовлекает нас художник. Интересно, что о манере своей работы сам мастер говорит так: «Сначала я создаю звук, а затем я проявляю образ. Если это амазонка, я создаю шум...». А если это Дзерасса, — добавим мы от себя, — то это музыка. Именно на таких принципах восприятия основано воздействие композиций Бедоева. Они привлекают необыкновенно выразительным звучанием общего колористического ряда и воздействуют как некие абстрактные, декоративно-плоскостные композиции, лишенные пространственной глубины. Так «Дзерасса» (1986) — это, прежде всего ковровое многоцветие изысканных цветовых пятен. Их феерическая россыпь — это единственное, что открывается при беглом взгляде на композицию. Художник очень тонко рассчитывает эмоциональное воздействие колорита на зрителя. Ассоциативно, общий декоративно-колористический концепт произведения относит нас к небу, клубящимся облакам, поверхности воды или прибрежным камням. Диагональ белых пятен, восходящую от левого угла композиции

завершает легкий абрис женского профиля, который является «ключом», открывающим замысел композиции, и мы видим морскую царевну на фантастическом коне (гиппокампе), будто видение, возникающее из пены и готовое скрыться в ней вновь. Соотношения изображения с пространством здесь четко не определены и находятся на неуловимой грани. Бытие же образа – динамично. В зачарованном путешествии от поверхности холста к глазу он живет, движется и мерцает. Его жизнь определена таинственным ритмом касаний кисти, которые то резко выявляют границы цветового пятна в пространстве, то мягко сплавляют его с общим живописным окружением. Повинуясь этой закономерности, образ проявляется и ускользает, рождая новое понимание картинной плоскости, как некоей глубины.

Из этой символической глубины времени проявляется образ «Афсати» (1994) – покровителя лесных зверей и охотников, одного из древнейших божеств в осетинской мифологии. Афсати – воплощенная идея разумного существования человека в природе, бог – связующее звено, посредник между миром диких животных и людей. Попадающий в лес охотник вступал во владения Афсати, который не допускал бездумного уничтожения зверей. Охота в таких условиях была не прихотью, забавой или убийством, а неким ритуальным действием, поединком, жертвоприношением. Афсати, таким образом, выступает как персонализация своеобразного экологического института осетин. На картине Бедоева древний бог появляется с голосами леса. «Афсати» – одна из наиболее «озвученных» картин Бедоева. Цветовая завязь живописи здесь словно насыщена энергией природных стихий и прорастает их голосами. Это вечная музыка природы: гул ветра, шелест листвы и плеск воды, хлопанье крыльев и треск ветвей под тонкими ногами оленей. Подлинность этих ощущений возвращает нас в пространство мифа. В мир потерянной Гармонии. Где человек не покоритель природы и не венец творения, а лишь звено неразрывной цепи: «человек – природа – Бог». Где стихии предстают в единстве необходимого для жизни человека цельного пространства. Где ветер (воздух) принесет в землю семя, и, орошенное водой, оно прорастет деревом. В его листве появится гнездо, которое в положенный срок зазвучит голосами новой жизни. Лучи заходящего солнца застрянут в сплетении ветвей, и свет станет отблеском, мерцающим отовсюду. Ибо свет – во всем и все – едино.

Но лик древнего божества молчалив. Его образ обретает бытие лишь на краткий миг, на перекрестке времен. Его время глядит на нас желтыми глазами филина – мистического стража древних тайн. Филин изображен на самом стыке миров, на границе реального и трансцендентного. Композиционно эту границу обозначает «рама», в которую вписана фигура Афсати.

Интересно, что подобие этого композиционного элемента, который мы условно называем «рамой», встречается почти во всех произведениях мифологического цикла Ш. Бедоева. В его символике – ироничная улыбка художника, осознающего, что миф может обрести новую жизнь лишь иллюзорно. Эта «рама» может быть прочитана как выход, как мистический мост из мира реального, исторического в мир ирреального. Бедоев всегда по-разному обыгрывает эту деталь. Рама может четко читаться (в «Натюрморте с кукурузой»), а может лишь слегка обозначаться (в «Уас Герги»), она может стать проемом в каменной кладке (в «Дзерассе»), или неким подобием зеркала (в «Тройном портрете»). Эта условная «рама материального» всегда очень сложно сопоставлена с общим композиционным строем картин. Формально она собирает изображение, фиксируя его смысловой центр. Метафорически грани этой рамы – поручни ускользающей реальности. Они не дают опоры стремящемуся удержаться на этой стороне изображения зрителю, который, как и «рамка реальности», постепенно погружается в мистическую стихию живописи.

Живописуя миф и воссоздавая образы эпохи мифологического мышления, Бедоев остается художником своего времени. Стремление обрести утраченную чистоту и целостность мироощущения не может вернуть нас к прошлому. Мы остаемся детьми своего века. Но мы можем обрести его чистоту и целостность.

Живопись Бедоева привлекает нас еще и абсолютной новизной и свежестью своего пластического языка. Художнику действительно по силам невозможное. Вернуть жизнь традиции, заставить вечность говорить языком сегодняшнего дня. Сделать живопись новой формой мифа, а самому стать звеном, связывающим в одну вечно длящуюся нить настоящее и прошлое, прошлое и будущее.

Мифотворчество Бедоева очень лично и индивидуально. Интересно, что и свои отношения со временем и искусством художник трактует, как мифологический сюжет. Две автобиографические композиции художника посвящены теме творчества. Это два диаметрально противоположных образа. Один из них – «Восхождение» (1995). Это миф о художнике, который движется к вершинам творчества, преодолевая страшные препятствия, попирая чудовищ зависти, сомнений, невзгод. Это – путь борьбы, вечного преодоления.

Другой образ этого пути – эмоциональная противоположность «Восхождения». Он является нашему взору в одном из центральных произведений Бедоева последнего десятилетия в «Осетинской сказке» (1986). Возможно, импульсом к созданию этой картины стал сюжет одной из осетинских сказок, персонаж которой связывает тело разрубленной на части лошади яблоневыми прутиками.

Гомер

Шалва Бедоев

Амазонка в красном

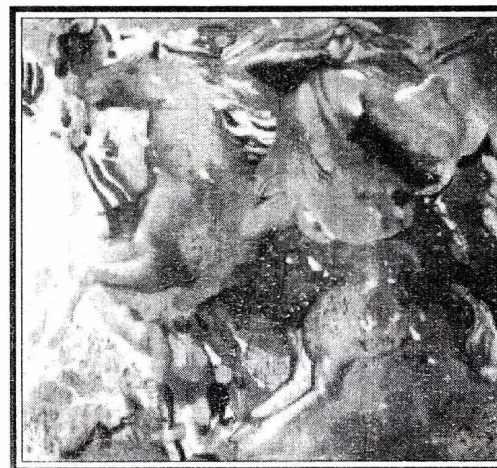

Лошадь оживает, а из ее спины чудесным образом вырастает яблоня. Карабкаясь по ее ветвям, герой достигает небес.

Композиция представляет собой две пересекающиеся в центре диагонали, образованные абрисом белоснежного коня и волшебного произрастающего из него дерева. Конь и яблоня – образы хорошо известные нам по осетинской мифологии. Но это авторская, автобиографическая интерпретация мифа. Безличностная стихия традиционного мифопоэтического творчества преломляется художником через личный опыт.

Сохраняя и улавливая особенности национальной культуры, Бедоев в этом произведении поднимается до мелодии общечеловеческого звучания. В результате перед нами возникает образ, в котором каждый найдет нечто необходимое только ему: эстет насладится совершенством колорита, знаток осетинской мифологии увидит в яблоне «дерево жизни» нартов, как универсальный образ национального сознания, ребенок – сказку. Мы же в стремлении приобщиться к этому миру почувствуем себя детьми, как и автор, и тогда, может быть, увидим еще один, символический аспект этой композиции: фигурка мальчика в ветвях волшебного дерева – сам художник, белоснежный конь – символ движения на творческом пути, бег же коня – неумолимый бег времени. Сорвать волшебный плод на скаку, найти частицу золота в стремительном потоке нашего бытия – значит приобщиться к вечной мечте человека о прекрасном, к мечте древней, как миф. Ведь искусство, как и жизнь, начиналось мифом, мифом и заканчивается.

Мадина АТАЕВА

Шалва Бедоев. Амазонка

Павел ЯДЫХ

24 ЭТЮДА О МУЗЫКЕ ОСЕТИИ

ОТ АВТОРА

Автор этих строк — восторженный поклонник всех девяти муз — теряет привычную уверенность, оказавшись под сенью страниц истории...

Истории музыки Осетии!

Слишком велик груз ответственности. Ведь минуло то время, когда мужчины храбро шли, «не только в бой, но даже под венец»...

Для избранной темы повествования необходим масштабный ретроспективный взгляд. Берясь за благородную и не в меру ответственную тему, автор не претендует на ее полное раскрытие, но, как написала Франсуаза Саган, «в этом долгом обмане, имеюемом жизнью, так и хочется сделать опрометчивый шаг». Правда, автор не склонен к рискованным экспериментам. Высокое чувство справедливости привело к написанию музыкальных этюдов о тех, кто прокладывал тропинки в чаще осетинской музыки, кто является основоположниками ее становления от скромной обработки народных мелодий до создания авторских опусов в высоких жанрах симфоний, опер, балетов.

Нельзя допустить, чтоб потускнели имена первопроходцев, отдавших талант, знания, жизнь родной им музыке Иристона.

«24 этюда о музыке Осетии» — скромная попытка возложить благодарственный венок в память о тех, кто ушел навсегда, чтоб навсегда остаться.

ПЕРВЫЙ АККОРД

Музыкальный фольклор Осетии имеет большую историю. Его истоки уводят в глубокую древность. На протяжении тысячелетий, задолго до нашей эры, музыкально-поэтическое творчество передавалось из поколения в поколение и дошло до нас в прекрасной первозданности. Народ создавал, а сказители пели древние кадаги и караги под аккомпанемент фандыра и дуада-станона.

Необозримое богатство составляют героические песни, лирические, охотничьи, игровые, застольные.

Удивительны танцевальные мелодии величественного симда, Кругового танца (Зилга кафт), Танца приглашения (Хонга кафт), искрометных танцев джигитов. В них — своеобразие ритмов, мелодий, интонаций, темпов.

Многое повидали и услышали заснеженные вершины гор и просторы зеленых долин...

Необычная лавина музыкальных звуков обратила на себя внимание европейцев, вызвав поначалу неоднозначную реакцию.

Так, еще в 1751 году А.Яновский пишет: «Осетины имеют песни, которых гамма весьма однообразна».

Ему вторит исследователь и путешественник Дюбуа: «Народные песни осетин однообразны и монотонны, с резкими переходами от низких к высоким нотам».

Однако взгляд на осетинский фольклор прояснялся, и в 1857 году барон Гакстгаузен писал: «...осетинское пение имеет что-то европейское». И далее: «Один певец пел мелодию, а другой выдерживал основную ноту, что было исполнено приятности для слуха».

В работе «Путешествие по ущельям Северной Осетии», изданной в 1871 году доктор Пфаф откровенно утверждает: «Замечательна мелодия осетинских песен. В ушах квинта звучит, как в наших — октава».

Симптоматичен интерес к осетинской народной песне и инструментальным наигрышам со стороны русских композиторов. В конце прошлого столетия М.М.Ипполитов-Иванов и С.И.Танеев записывали образцы музыкального фольклора Осетии. К нему обращали взоры и композиторы Грузии — Д.А.Аракишвили и В.И.Долидзе.

В 1911 году иностранное акционерное общество «Граммофон» записало на пластинки 50 иронских и дигорских песен.

Большое научное значение по сей день имеет работа Б.А.Алборова, изданная во Владикавказе в 1926 году. Эта статья («Изучение и гармонизация осетинских народных песен») содержит интересные подробности.

Б.Алборов сообщает, что, например, «Фандарашт» Коста исполняли на мотив церковной песни «Пора тебе уж пробудиться, о бедная душа моя», а знаменитый «Додой» пели на мотив песни «Еду я по улице темной» (слова Некрасова).

Такое положение можно объяснить тем, что Осетия еще не имела профессиональных композиторов, хотя предпосылки к этому назревали давно.

Осетинские мелодии, гармонии и ритмы, пройдя долгую шлифовку, стали зрелым результатом народного творчества. Высокий уровень фольклора был непревзойденным образцом для тех, у кого рождалась авторская мысль и кто создавал первые ростки самостоятельного творчества.

Народ любил музыку и терпеливо ждал появления своих профессиональных орфеев. И они явились.

Замечательна мысль Владимира Солоухина, заметившего, что «искусство — как поиск алмазов. Ищут 100 человек, а находит один. Но этот один не нашел бы алмазов, если б рядом не искало 100 человек».

Каждый композитор сообразно таланту воздвигал основы высокого храма музыки. В короткий исторический миг длиною в какие-нибудь 60-70 лет Осетия превратилась в республику симфонической, оперной и камерной музыки.

Пытливый взор необычайно выросших композиторов проник в кантаты и романсы, увертюры и квартеты, песни и инструментальные концерты, оперы, балеты и симфонии!

И в каждом жанре есть эталонные вершины, зрелая интеллектуальная погруженность, эстетическая отточенность, духовное озарение.

Думается, что назрела объективная необходимость в создании научного фолианта — истории осетинской музыки. Это под силу группе ведущих исследователей, историков, музыковедов, теоретиков.

Мне же — концертному исполнителю — довелось 40 лет быть первым интерпретатором почти всех созданных в Осетии симфонических произведений. Композиторы вручали мне партитуры, — плоды своих размышлений, — рассчитывая на добрый совет и вдохновенное исполнение. Очень надеюсь, что они не были разочарованы, тем более, что эти творческие контакты продолжаются.

Мысленно перелистывая нотные страницы уходящих лет, верю, что не потускнеют имена тех, кто наполнял своими сочинениями богатый путь музыки Иристонна. Современное поколение слушателей, особенно молодежь, должна знать и помнить имена и свершения талантливых авторов, воспевших свой край.

В то же время отдельные справочные сведения разбросаны в разных печатных источниках, и для любителей музыки едва ли представляется возможным поиск газет, журналов, сборников, брошюр прошедших лет для обретения сведений о тех, кто создавал музыку Алании.

Предпринимаю скромную попытку помочь молодому поколению слушателей сориентироваться во времени и составить хотя бы краткое представление о творчестве композиторов Осетии.

Это они превратили ручьи музыки в широкое море — современную музыкальную культуру Иристонна.

В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО...

В начале было слово.

Тем более, если речь идет о слове Коста!

«У истоков осетинской литературы возвышается могучая фигура её родоначальника и первого классика Коста Левановича Хетагурова, чья литературная и общественная деятельность составила целую эпоху в истории культуры Осетии» (Сергей Марзоев).

Тема данных заметок не позволяет сосредоточиться на неизмеримых высотах литературных свершений поэта.

Жаль, что и Коста-живописец не найдет здесь отражения. А ведь в Петербургской академии художеств на студенческой скамье

рядом с Коста были Врубель и Серов. Они вместе осваивали школу мастерства у Репина, Маковского, Сурикова...

Коснемся лишь струн Костаева фандыра.

Среди близких родственников поэта были даровитые певцы и сказители. Они передали ему любовь к родному фольклору, ценителем и знатоком которого он стал. Непререкаемым авторитетом пользовался Коста среди музыкантов. Композитор Д. Аракишвили вспоминает: «В 1902 году я заехал в свой родной Владикавказ, где хотел записать осетинские народные песни. Мне удалось побывать у Коста Хетагурова. Невысокого роста, худой, одетый в черкеску, Коста встретил нас приветливо.

— Я рад, что Вы заинтересовались осетинскими песнями.

Известно, что Коста напевал одаренному юноше П. Мамулову народные песни, а тот играл их на рояле в своей обработке при поступлении в Петербургскую консерваторию. Много позже поэт приходил на репетиции хора, которым руководил Мамулов, и давал ему ценные советы.

Творения Коста были и остаются ценнейшим источником вдохновения для композиторов, а стихи поэта становились народными песнями.

«В песню надо вложить сердце, чтоб она стала крылатой».

Сам Коста говорил о своих стихах, как о песне. Его поэзия удивительно музыкальна. Слагая стихи, Коста словно поёт.

«Песня бедняка», «А-ло-лай», «Походная песня», «Новогодняя песня», «Песня раба»...

Каждая строка в них пронизана музыкой.

«Если б пел я, как нарт вдохновенный»...

или например:

*«Прости, если отзвук рыданья
Услышишь ты в песне моей.
Чье сердце не знает страданья,
Тот пусть и поёт веселей».*

В «Завещании» поэт музицирует:

*«Но если б народу родному
Мне долг оплатить удалось,
Тогда б я запел по-другому,
Запел бы без боли, без слез».*

Не случайно поэт озаглавил сборник своих стихов «Осетинская лира».

Струны его лиры исторгали заветные излияния, звуки колыбельной, горечь плача.

Любя и воспевая свой народ, Коста был подлинным интернационалистом и особенно тяготел к русской культуре. Бу-

дучи секретарем редакции газеты «Северный Кавказ», Коста помещает ряд статей о русских композиторах.

В одной из его поэм упоминается русская песня «Дубинушка».

Ряд произведений поэт посвятил Лермонтову, Грибоедову, Плещееву. Коста глубоко освоил богатства русской и мировой классики.

Мысля в унисон с украинским кобзарем Тарасом Шевченко, Коста пропел мечты народа, его песни и легенды.

Классик украинской поэзии XX века академик Павло Тычина в цикле стихов «Солнечные кларнеты», как и Коста, в слове слышал ноту, а в ноте — слово.

Музыкальность поэзии Коста сравнима с тщательной и тонкой отделкой композитором каждого выстраданного звука.

Коста был поклонником музыки Глинки и Чайковского. Он понимал огромное воспитательное значение серьезной музыки.

В 1893 году мир с сожалением узнал о смерти Чайковского.

Коста организовал вечер-концерт памяти Чайковского. Программа была составлена из произведений ушедшего композитора.

К.Л. Хетагуров произнес вступительное слово, рассказав о жизни и деятельности Петра Ильича Чайковского, как профессора Московской консерватории и великого творца музыки.

Отметим, что на сцене рельефно выделялся бюст Чайковского, нарисованный Хетагуровым. На этом вечере, состоявшемся 20 декабря 1893 года, Коста прочел свое стихотворение памяти Чайковского.

*«Разбита стройная, чарующая лира,
Повержен жертвенник, разрушен пышный храм, —
Навеки улетел «соловушка» от мира
В страну далекую, к далеким небесам»... и т.д.*

Через три дня стихотворение «Памяти Чайковского» было опубликовано в газете «Северный Кавказ». Оно заканчивается на высокой ноте:

*«Пусть арфа сломана, — аккорд еще рыдает...
Не говорите мне: он умер, —
Он живет!»*

Тесные творческие связи Коста с культурой других народов несколько не отодвигали от него интересы своей республики. О ней без устали звучала звонкая лира горного края.

*«Не верь, что я забыл
Родные наши горы,
Родной аул
И бедный наш народ...»*

Невозможно представить музыку Осетии без Коста. Его пламенное творчество вдохновило и продолжает вдохновлять многих композиторов на создание разных по форме музыкальных произведений. Оперы, симфонии, романсы, песни появились на гребне удивительных стихов, озаривших Иристон пламенным вдохновением.

Грузинская киностудия создала фильм по мотивам поэмы «Фатима».

Там же выпущен фильм «Возвращение поэта». С удовольствием вспоминаю, что музыку к кинофильму «Сын Иристана» в исполнении симфонического оркестра и хора Грузии записал автор этих строк.

Правительство Северной Осетии установило государственные премии имени Коста Хетугарова за лучшие работы в области литературы и искусства.

Вспомните в автопортрет Коста, написанный маслом. Прежде всего Вы невольно обратите внимание на глаза, — глубокие, умные, грустные. Художник написал глаза так, словно они точное зеркало его души. В них боль, стон, крик. Невозможно оторвать взгляд от его очей, пронзающих сердце.

Выдающийся мастер слова Иван Нигер пропел:

«Грудь рассеки мне кинжалом отточенным — в сердце Орфея найдешь осетинского».

Эти слова полностью относятся к сыну Левана Елизбаровича Хетагурова из селения Нар — певцу Иристана — Коста!

А в начале было слово...

УЧЕНИК РИМСКОГО-КОРСАКОВА

В 1941 году во Владикавказе была опубликована статья А.Тогиева под названием «Талантливый осетинский композитор П.Б.Мамулов». Автор воздал должное разностороннему дарованию Мамулова, указав основные вехи жизни и творчества этого интересного музыканта.

В шестнадцать лет юноша организовал в гимназии духовой оркестр и дирижировал им. Живя по соседству, к Мамуловым часто заходил Коста и советовал ехать на учебу в Петербург. Оттуда Мамулов писал: «В консерваторию меня не принимают, говоря, что у них учатся дети господ, а не кустарей».

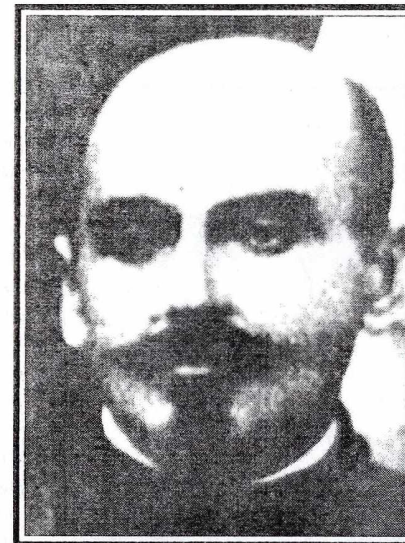
Настойчивость молодого музыканта побеждает и на вступительном экзамене он играет на рояле «Кавказскую рапсодию» А.С.Корганова и осетинские мелодии, записанные им от Коста и переложенные для фортепиано.

И вот он принят в Петербургскую консерваторию. Не каждому доводилось учиться у Н.А.Римского-Корсакова! Мамулов удостоился этой чести.

Окончив консерваторию, Павел Богданович Мамулов в 1916 году дирижирует симфоническим оркестром в Кисловодске, а через два года приезжает на родину во Владикавказ. Здесь развернулось его композиторское дарование.

Мамулов сочиняет две рапсодии для фортепиано. Ему принадлежит едва ли не первая пьеса для симфонического оркестра. «Осетинские эскизы», в которой использует и развивает интонации героической песни о Хазби (ее пел Иналдико Калагов, играя на скрипке).

Вместо традиционного хорового двухголосия Мамулов сделал смелый качественный шаг к четырехголосию! Разнохарактерные песни о Чермене, о Таймуразе, Кубады, Авсати записаны Мамуловым с голоса Коста. Композитор сделал в четырехголосном изложении застольную песню «Айсай, аназай», шуточную «Беккузарон-Битарон» и дигорскую песню, записанную от певца-сказителя Т.Туганова. Благодаря Мамулову, народные песни зазвучали глубже и богаче.

П.Б.Мамулов. 1881-1929.

Подобно Б.А.Алборову, Павел Богданович Мамулов анализирует народную музыку, обнаруживая талант исследователя, меткость наблюдений и образность изложения.

Цитаты из Мамулова:

«Музыкальная мысль осетин зародилась среди скал и лесов...»

«Колыбель народной песни — величавый, спокойный эпос...»

«Нет безысходной тоски, бесконечного минора востока, или любовной грусти персидских песен...»

Мамулов разбирает героические песни, в которых хвала герою, импровизация тенора, сила героического пафоса, возвышенность и благородство мысли. Композитор видит некоторую схожесть с интонациями русских и грузинских песен, но, разумеется, с сохранением своеобразной красоты и прелести осетинских песен.

Также он замечает проникновение казачьих мелодий в песни позднего времени.

Богата разносторонняя деятельность Павла Мамулова.

Учитель музыки, пианист, дирижер, композитор, он прожил жизнь интересную, хотя, к сожалению, недолгую. Но и при этом успел сделать много для подъема музыкальной культуры своего народа.

ПОСЛЕ «КЕТО И КОТЭ»

В унисон с другими исследователями, Виктор Долидзе еще в 1923 году в грузинском журнале «Пламя» отметил, что в недрах

В.И. Долидзе. 1890-1933.

осетинской народной музыки та- ятся оригинальные мелодии. До- лидзе до такой степени заинтере- совался ими, что записал бо- лее двухсот народных мелодий! А в 1926 году пишет: «Вот где неисчерпаемое количество музы- кальных тем для сюит и опер, симфоний и квартетов». Он про- зорливо считал, что многие осе- тинские песни есть готовый материал для самых серьезных арий, интермеццо... И подкреп- лял этот довод своим творче- ством. К слову сказать, песню «Дзамболат» Долидзе целиком ввел в виде интермеццо к 3-ему акту осетинской оперы «Зами- ра», воздавая должное глубине и красоте песни.

В газете «Заря востока» в ноябре 1926 года напечатана ценная статья Долидзе «Осетинская народная музыка», в которой автор с научных позиций характеризует особенности исследуемого мате- риала, отмечая: двухголосие песен; частое окончание на доминан- те; трудность определения лада (мажор или минор) из-за отсут- ствия третьего голоса; неучастие женщин; наличие трех ветвей, — иронской, дигорской, южно-осетинской, отсутствие известной уве- личенной секунды...

Действительно, осетинам чужд восточно-персидский колорит. Европейские композиторы часто применяли сладкозвучные уве- личенные секунды. Вспомним о них на темах Индии, Египта, Японии, Китая, Грузии, Турции и даже Австралии. За приме- рами далеко ходить не надо: Сен-Санс — опера «Самсон и Далила», Делиб — «Лакмэ», Рубинштейн — «Демон», Верди — «Аида», Ипполитов-Иванов — «Кавказские эскизы», Бородин — «Князь Игорь» и т.д.

Осетинская музыка, бесспорно, не потеряла свои неповтори- мые особенности.

Долидзе пишет: «... и когда со всех концов мира соберутся народы продемонстрировать каждый свою мощь, то осетины предстанут там с многочисленными разнообразными, чарующи- ми песнями»

Директор Тбилисской Консерватории Дм.Аракчиев с удивле- нием вопрошал: «Кто научил осетин так петь?» Таких вопросов было много.

Как же складывалась жизнь Долидзе? Будущий композитор родился в Грузии (Озургети). В 12 лет поступает в коммерчес- кое училище. Самостоятельно учится играть на различных му- зыкальных инструментах. Его успехи оказались столь явными, что на конкурсе мандолинистов получает золотую медаль. Он учится в Киевском коммерческом институте и в музыкальном техникуме по классу скрипки и теории композиции. Оба учеб- ных заведения окончил в 1917 году.

Долидзе — автор симфонии «Азербайджан», Концерта для фортепиано с оркестром, оркестровой фантазии «Ивериада». Пишет оперы «Лейла» и «Цисана», в которых настойчиво шли- фует технику композиторского письма.

Вершиной его сочинений стала первая грузинская комическая опера «Кето и Котэ». Он же является автором либретто.

В музыке этого сочинения Виктор Долидзе широко исполь- зовал мотивы грузинского фольклора. Комическая опера о Кето и Котэ была создана в 1919 году и ставилась во многих театрах страны, пользуясь громким и заслуженным успехом. Этому способствовал ярко национальный музыкальный язык, народный колорит персонажей, естественность комических ситуаций. И сегодня «Кето» не сходит с репертуара, продолжая сценическую жизнь около восьмидесяти лет...

А в 1925 году композитор был приглашен в Осетию.

Он органично вошел в творческий круг деятелей искусства. Скромный труженик, Долидзе отличался огромной работоспо- собностью и завидной жизнерадостностью.

Долидзе написал два акта оперы «Замира», которая, к сожа- лению, не окончена. Она могла бы стать первой оперой в истории осетинской музыки. Большой интерес представляют 14 народных мелодий, переложенных для симфонического оркестра. По сей день звучат они в концертах, радуя высокой простотой, до боли знако- мыми мелодиями, фольклорной определенностью и точным попа- данием в адрес демократической аудитории. Привожу названия музыкальных номеров, явившихся ранней попыткой озвучить осе- тинскую мелодию средствами симфонического оркестра.

1. Марш.
2. Ларсаг Кудайнат.
3. Таймуразы зараг.
4. Асланбеджы зараг.
5. Никъалайы зараг.
6. Мелодии Осетии.
7. Касгон цагъд (танец приглашения).
8. Джигитовка.
9. Ирон цагъд (Осетинский наигрыш).
10. Ханты цагъд (Куртатинский танец).
11. Билаханы цагъд.
12. Ирон тымбыл (Осетинский круговой танец).
13. Хъайсыны зилга (быстрая зилга Кайсына Мерденова).
14. Рог кафт (быстрый танец).

Его не стало в 1933 году.

Имя Виктора Исидоровича Долидзе по праву вписано в музыкальные страницы осетинской культуры.

ЕМУ БЫЛО 19...

Алагир. 25 мая 1925 года. Здесь родился тот, кто был создан для музыки, но мечты которого оказались не осуществленными.

Сергей пел, играл на гитаре, на баяне, участвовал в школьных спектаклях. Впечатление о нем высказал известный композитор Татаркан Кокойти:

«С малых лет он хорошо чувствовал музыку и поэзию. У Сергея Калаева отличный, абсолютный слух. Уверен: из него получился бы композитор».

По своему характеру Сергей был вдумчив и не по годам серьезен.

В 42-м году он окончил школу и ушел на фронт. В одном из боев с немецко-фашистскими захватчиками получил тяжелое ранение. Тот памятный бой был под Малгобеком. Врачебная комиссия сняла его с воинского учета. Теперь можно было подумать о будущем, о своем влечении к музыке.

«Консерватория — мечта моя былая», — записал он в дневнике. Оперная студия из Москвы была эвакуирована во Владикавказ. Этим и воспользовался Калаев.

Он оказался в числе принятых в студию, а затем едет в Москву, поступив на вокальный и композиторский факультеты консерватории.

Но именно на этом отрезке времени случилось непредвиденное.

Отгремели бои под Москвой, Ленинградом, на Курской дуге, под Сталинградом. Фашистские орды покатались вспять, предчувствуя агонию.

А наши войска день за днем продвигались к прежним границам, изгоняя врага на запад. И Сергеем овладело неодолимое желание ощутить до конца радость победы.

Мать Сергея получила от него письмо, в котором были такие строки: «Мама, дорогая, не обижайся на меня. Больше не могу возвращаться в среде тыловиков. Душа горит...»

В Белоруссии есть поселок Княжицы. В бою за шоссе Могилев-Минск вражеская пуля сразила осетинского юношу 29 июня 1944 года.

Школа № 10 во Владикавказе, в которой учился Сергей, носит его имя. За смелость и инициативу, проявленные в бою, сержант Сергей Григорьевич Калаев награжден орденом Ленина.

Склоним головы пред памятью о юноше — прямом, честном, талантливом.

Жизнь его красива, словно строка из песни.

А песня эта оборвалась в 19 лет!...

С.Г. Калаев. 1925-1944.

У ИСТОКОВ ПРОФЕССИОНАЛИЗМА

Недолго билось сердце Андрея Семеновича Тотиева. Жизнь его протянулась лишь на сорок лет. Его не стало в расцвете творческих сил. А сделано им немало.

В сферу интересов Тотиева входили такие грани, как пение, собиранье и обработка народных мелодий, сочинение собственных песен, музыкально-общественная деятельность.

Уже в конце двадцатых годов, в трудный период становления профессиональной музыки, он поет в хоре, которым руководил Г.Б. Мамулов. Общение с Мамуловым имело для молодого певца немалое значение.

Тотиев пел в мужском вокальном квартете. Его репертуар в основном состоял из народных песен.

В 1935 году Андрей Семенович — солист хора радиокомитета. В составе вокального ансамбля выступал в Москве. Эти выступления были записаны на грампластинки.

В годы Великой Отечественной войны Тотиев выступает перед ранеными в госпиталях. Такой представляется певческая страница жизни Тотиева.

Он собирает и обрабатывает образцы фольклорных мелодий, особенный интерес проявляя к песням на стихи Коста: «Солдат», «Мать сирот», «Колыбельная». Сам сочиняет романсы и песни, в которых обнаруживает стремление к искренности, лирике.

А.С.Тотиев. 1907-1948.

В 1942 году в свет выходит песенник, составителем которого был Тотиев. Большую часть составили народные песни, остальные принадлежали перу композитора А.С.Тотиева. Всего в этом издании было 100 песен, сгруппированных по жанрам: героические, песни радости, шуточные и т.д.

Любопытно, что переводы текстов на русский язык сделал сам композитор. Через пять лет издается новый сборник, состоящий целиком из работ Тотиева. Заслуживает быть отмеченной его служебная деятельность.

Руководитель сектора художественного вещания Северо-Осетинского радио, а затем — заместитель председателя республиканского радиокомитета. В 1944 году Тотиев — корреспондент ТАСС по Северной Осетии.

Он награжден медалью «За оборону Кавказа». В 1941 году Тотиев написал интересную статью о П.Мамулове, а в 1947 году о В.Аликове по поводу семидесятилетия Василия Тегоевича Аликова.

А.Тотиев принадлежит к числу первых профессионалов, пробивавших дорогу музыкальной культуре. Годы жизни 1907-1948. Он по праву удостоен почетного звания «Заслуженный деятель искусств».

БОЙ ПОД ЛЕНИНГРАДОМ

Когда маленький Заур начал ходить в сельскую школу, ему приходилось «по совместительству» быть пастухом. В бедной крестьянской семье такое случалось нередко. Глядя на раски-

нувшиеся вокруг горы, широкие дали, на мирно пасущиеся стада, Заур доставал примитивную пастушью свирель и долго играл на ней, любуясь родной природой и мелодиями, которые исторгала свирель.

Прошло детство. Заур учится в педагогическом техникуме в Цхинвале. Ему повезло. На него обратил внимание Борис Александрович Галаев, под наблюдением которого Заур стал петь в хоре, играть в оркестре народных инструментов, а позже и дирижировать. Галаев учил с ним теорию музыки, сольфеджио, занимался по фортепиано. Умный и опытный педагог, он увидел в Зауре большие возможности. Юноша начал сочинять музыку, а народной песне придавал оригинальную форму, расцвечивал её новыми красками, подсказанными собственной фантазией.

И Галаев совершает педагогический подвиг: он сам везет Заура Гаглоева в Ленинград. Талантливого юношу принимают в Музыкальный техникум имени Мусоргского, где он учится у профессоров П.Б.Рязанова и Х.С.Кушнарева. Четырехлетний курс Гаглоев проходит за два года и поступает в консерваторию.

То был 1939 год. Почерк его сочинений отличала активность мысли и внутренняя энергия.

Казалось — всё благоприятствовало ему, и на жизненном пути вырисовываются широкие перспективы. Но судьба распорядилась иначе.

Настал 1941 год и грянула война. Заур ушел в народное ополчение. В составе дивизии Октябрьского района он охранял подступы к Ленинграду.

И здесь пролилась кровь талантливого осетинского юноши Заура Гаглоева.

Это произошло 14 сентября 1941 года. Ему было всего 24...

Вершина его короткого творчества — трио для фортепиано, скрипки и виолончели. Принципиальное значение этого сочинения в том, что оно заполнило первую страницу в жанре камерной музыки не только в Осетии, но и на всем Северном Кавказе.

З.З.Гаглоев. 1919-1941.

Музыка трио полна поэзии и свежести. Наряду с эпическими строками слышим изящество и грацию осетинского танца, а подчас и светлую печаль.

Трио Гаглоева исполнялось в Осетии, в Москве во Всесоюзном Доме композиторов и в Октябрьском зале Дома союзов, в Ульяновске...

В книге А.Лившица «Жизнь за родину свою» упоминается о благоприятном впечатлении, произведенном музыкой трио на Д.Д.Шостаковича.

Кандидат филологических наук Е.Бесолова приводит интересное высказывание музыковеда А.Григорьевой о том, что эта яркая и образная музыка так естественна, что вызывает ассоциацию с творчеством Коста, творения которого безмерно любил Заур.

«Из чего же складывается подвиг? Из того, как прожита жизнь, какой ценой она досталась, какой след оставила она после себя» (Е.Бесолова).

На зданиях консерватории и Дома композиторов в Петербурге есть мемориальные доски. На них — имена музыкантов, погибших на фронтах войны.

И там, золотыми буквами, впечатано:

Заур Захарович Гаглоев
1919-1941.

ОТ ИРОН ЗАРАГ — К МЕФИСТОФЕЛЮ

Бедность... Этим словом можно определить уровень жизни крестьянской семьи Аликовых из селения Ольгинское.

В 1877 году у Аликовых родился сын, ставший впоследствии видным деятелем осетинской музыки. А начало было обычным.

Восьми лет он поступает в реальное училище во Владикавказе. После четырех лет обучения покидает училище из-за отсутствия средств. Василий Аликов вынужден идти на кирпичный завод чернорабочим.

С детства мечтал стать певцом. То была «одна, но пламенная страсть».

Аликов поёт в любительских кружках. Его приглашают выступать на вечерах, организуемых любителями пения. Но одаренный юноша понимает, что для осуществления заветного желания стать профессиональным певцом необходимо учиться. И Василий Аликов едет в Тифлис. Его наставниками стали профессор Пелинко, а также известный в то время профессор Раттиль из Италии.

Поначалу молодой певец становится артистом эстрады. Вместе со своим земляком певцом Калмановым он поёт осетинские народ-

ные песни. Их слушают на концертных площадках Москвы, Петербурга, Владикавказа. Аликов выступает в Баку, Одессе, Харькове, Варшаве. Но большой целью Василия Тегоевича Аликова была опера.

Обладатель красивого баса, имея уже некоторый опыт концертных выступлений, он стремится туда, где певец может стать подлинным артистом, создателем крупных музыкально-сценических образов. Его путь — оперная сцена.

Настал 1909 год. Тридцатидвухлетний Аликов едет в Киев и поступает на оперные курсы к профессору Медведеву, а спустя три года поёт в оперных спектаклях. Его заметили и стали назначать на ведущие партии.

Аликов вспоминает: «С особым воодушевлением и чувством радости я исполнял роли Сусанина в опере Глинки «Иван Сусанин», Мефистофеля в опере Гуно «Фауст», мельника в опере Даргомыжского «Русалка», Галицкого в опере «Князь Игорь» Бородина».

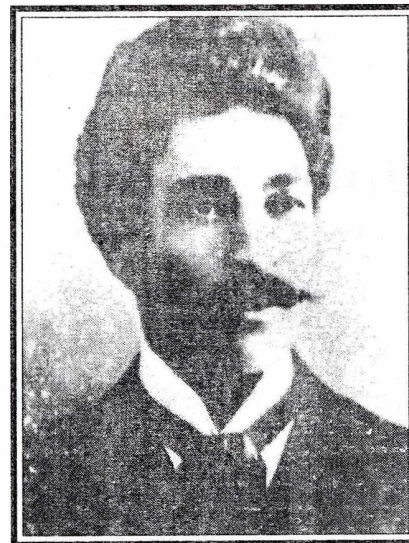
Таким образом, можно считать Василия Тегоевича Аликова первым профессиональным артистом оперы, представлявшим осетинскую вокальную культуру.

Из-за плохого здоровья он вынужден изменить характер деятельности и переезжает из Киева в Пятигорск.

Северо-Осетинский радиокомитет приглашает Аликова руководить вокальным ансамблем, после чего он — художественный руководитель ансамбля песни и танца.

Началась заметная композиторская деятельность. В городах и селах он записывает много героических, лирических, обрядовых, шуточных мелодий. Они стали прекрасным материалом для создания собственных песен.

В свое время Аликов дружил с Коста и часто пел ему. Естественно, что композитор вдохновлялся поэзией Коста и сочинил на его тексты много песен: «Кубады», «Раздумье», «Тревога», «Додой», «Авсати»...

В.Т. Аликов. 1877-1949.

Заметны в творчестве Аликова патриотические песни: «Республика» на стихи Б.Боциева, «Радость» на стихи Х.Таболова, песни о героях Арктики, о генерале Карсанове, о Герое Советского Союза Цоколаеве, О Коста Хетагурове. Интересна теплая лирическая струя в песнях «Цветок», «Весна», «Юноша», «Радость».

В 1947 г. в день 70-летия Аликова о нем тепло писал в газете «Социалистическая Осетия» певец и композитор А.Тотиев.

Василию Тегоевичу Аликову было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель искусств».

Уважаемый читатель, если Вам встретится материал об Аликове, но с именем отчества Аполон Николаевич, — знайте, — это одно и то же лицо.

УТРО В ГОРАХ

Леонид Иванович Кулиев — уроженец Владикавказа. Его работа была связана с Северо-Осетинским радиокомитетом, где он прошел разные служебные стадии. Ему было двадцать лет, когда он впервые возглавил музыкальный сектор и руководил созданным им ансамблем народных инструментов. Через два года, в 1938 Кулиев организует певческий ансамбль и ведет значительную музыкально-просветительскую деятельность.

Практическая работа с коллективами и композиторские усилия привели к его заметному росту. Он становится художественным руководителем и дирижером оркестра народных инструментов Северо-Осетинского радио.

Для этого коллектива Леонид Иванович сочинил немало музыки. Активно писал он и для хора, в частности, на стихи Коста («Спой» и «Прислужник»). Несколько пьес сочинил Кулиев для духового оркестра. В возрасте тридцати лет, в 1946 году, композитор окончил консерваторию в Москве.

Там же, в Москве, он пишет музыку к цветному фильму «Северная Осетия», а также к фильму «Советская Южная Осетия». Вернувшись на родину, он возглавляет Северо-Осетинское отделение Музфонда СССР.

Если охватить все творчество композитора, то, несомненно, лучшее его сочинение — сюита для симфонического оркестра. Она впервые прозвучала на Пленуме композиторов Осетии в 1952 году.

Программная сюита Кулиева состоит из четырех частей.

1. Утро в горах. Тонко и поэтично звучат гобой и английский рожок. Мягко поют виолончели. Слышны арпеджио арфы. Музыка дышит спокойствием, красотой национальных мелодий. На фоне прозрачной оркестровой фактуры светло звучит тема клар-

нета — мелодия старинной народной песни о мифологическом божестве Фсати.

Эти «музыкальные стихи» переходят в контрастный эпизод маршевого характера, вслед за которым, уже в кульминации величественно звучит тема гор, вершины которых уходят в облака. Колорит смягчается, туман рассивается и тихо поет хор виолончелей.

В музыке Осетии часто звучит экзотика горных пейзажей, но у Кулиева — одна из лучших попыток озвучить красоту Кавказа. Нам видятся мольберт, холст, краски и художник, пишущий пейзаж. Он переносит на холст величие и таинство гор. Хочется дольше слушать эту утреннюю свежесть, пока она не растворилась, не перешла в день и вечер, которые придут неминуемо.

Что это? Музыка живописи, или живопись музыки?

Вторая часть сюиты («Хороводная») — воплощение легкости, ажурности и грации. Многократно возвращающаяся мелодия приветлива и полна хореографической изысканности. Крайние эпизоды разделены хмурой серединой, но ненадолго. И снова умиляет очарование девичьего хоровода. Остальные две части сюиты, — «Баллада о Чермене» и, особенно, «Шествие» не превосходят «Утра в горах» и «Хороводной». Именно эти разделы прочно закрепились в репертуаре и пользуются неизменным успехом у слушателей и исполнителей.

Л.И.Кулиев. 1916-1962.

С ОСЕТИЕЙ — 40 ЛЕТ

Если к кому-либо применимо определение «узкий специалист», то менее всего оно подходит к разносторонне одаренному человеку — Александру Александровичу Поляниченко.

Он поселился в Осетии в 1927 году и поначалу стал играть на скрипке в оркестре городского парка. Учил детей в музыкальной школе. Руководил оркестром в кинотеатре. Дальше —

больше. Заведовал музыкальной частью в Государственном осетинском драматическом театре.

Привожу впечатляющие цифры. За 17 лет работы в театре (1935-1952) Поляниченко написал музыку к пятидесяти спектаклям! И среди них – «Жених», «Нарт Батрадз», «Желание папа», «Отелло», «Король Лир»...

Поляниченко замечен в общественных кругах и среди творческой интеллигенции. Его избирают Председателем Союза композиторов Осетии. Он возглавляет эту творческую организацию на протяжении десяти лет (до 1948 года). Знаменательно, что Александр Александрович был первым Председателем созданного Союза в Осетии.

А.А.Поляниченко. 1895-1968.

Известность получил написанный композитором струнный квартет, часто исполнявшийся в программах многих концертов. Звучали его фортепианные и скрипичные произведения. Обстоятельно готовился Поляниченко к написанию оперы «Фатима», но этот замысел остался незавершенным.

Хочу отметить миниатюру «Зилга». В ряду небольших оркестровых пьес «Зилга» является одной из лучших в осетинской музыке, составляя конкуренцию маленькому шедевр Асланбека Кокойти – «Симды фаз».

Перу Поляниченко принадлежит и «Шествие», в котором автор применяет в оркестре гармонии осетинского хорового пения. Но, думается, лучшим сочинением композитора для оркестра является симфоническая поэма «Сослан и Кошер».

Это развернутое произведение написано в безусловно национальном характере.

В теме «Кошер» слышится влияние Римского-Корсакова. Поэма записана на грампластинки фирмой «Мелодия» в исполнении нашего симфонического оркестра Осетии.

Поляниченко увлекался живописью (вероятно, немногие знают об этом). Я часто бывал у него дома, и он неизменно демонстрировал свои работы. Быть может, они и не достигали уровня высокого профессионализма, но все же автор разбирался

в колорите, композиции, красках, светотени. Показательное «хобби»!

Владел Поляниченко еще одним ремеслом, прославившим его далеко за пределами нашей республики.

Он был настоящим мастером музыкальных инструментов. Для оркестра радиокомитета он реконструировал осетинские народные инструменты.

Был большим специалистом по изготовлению скрипок. Многие музыканты в Осетии играли на скрипках его работы. Приезжавшие на гастроли лауреаты интересовались инструментами нашего мастера. В 1956 году состоялся Всесоюзный конкурс скрипичных инструментов в Москве. Скрипка Поляниченко была признана лучшей и её приобрело Министерство культуры СССР для Государственной коллекции, а автор скрипки Александр Александрович Поляниченко включен в состав Президиума Совета скрипичных мастеров союзного министерства.

В общении с людьми этот человек очень высокого роста был мягок, уважителен, полон доброжелательства, говорил тихо, всегда был чуть застенчив.

Сорок лет жизни служил Осетии одаренный интересный человек, композитор, кавалер ордена Трудового Красного знамени, заслуженный деятель искусств А.А.Поляниченко.

ДЬЯВОЛЬСКИЕ ТРЕЛИ

Помните ли Вы тембр звучания струнно-смычкового инструмента, имя которому – альт? Он властвует на среднем регистре. Тон его – глубокий, очень индивидуальный. Альт незаменим в симфонических оркестрах, естественно располагаясь по тембру между скрипками и виолончелями. Он – полноправный участник струнных квартетов. Игрой на альте прославился еще Паганини. В наши дни первым альтистом мира является Юрий Башмет.

Дал эту миниатюрную справку, чтобы пояснить удивление, которое испытал 40 лет назад, придя на репетицию симфонического оркестра Осетии и услышав игру альтиста Гуржибекова.

Если плохих альтистов называют «третьими скрипачами», то Георгий Николаевич был абсолютным опровержением такой формулировки.

Свобода звукоизвлечения, безупречная интонация, чисто альтовый тембр, естественное владение смычком, красивая вибрация – эти исполнительские качества артиста дополняли точное понимание стилистических свойств симфонической литературы, что, естественно, составляет самую сложную сторону исполнительского искусства.

Да, у Гуржибекова была лауреатская игра. Но его жизнь пролегла по другому руслу.

Искренно полагая, что в ту пору его талант организатора и композитора-мелодиста был для республики необходимей, он принес в жертву свое мастерство инструменталиста, имевшее огромные перспективы...

Г.Н.Гуржибеков. 1910-1967.

Став во главе лучшего ансамбля республики, он сделал всё для творческого роста коллектива. С именем Гуржибекова связано много славных страниц в истории ансамбля.

Здесь и впечатляющие гастроли по всей стране, полнокровное участие во многих театрализованных танцевальных сюитах, автором сценария которых был художественный руководитель ансамбля.

Достаточно вспомнить хотя бы сюжетное и хореографическое богатство сюит «Наш Коста», «Нарты» и многих других.

Г.Н. Гуржибеков возглавил первую зарубежную поездку ансамбля. То были гастроли по Германии.

Человек высокой культуры, он достойно оправдывал почётные звания заслуженного деятеля искусств Осетии и России, а также кавалера ордена Трудового Красного знамени.

Неожиданно для многих, в возрасте сорока лет, Гуржибеков начал сочинять песни. И на этом пути его ждало заслуженное признание.

Песни Гуржибекова всегда отвечали духу времени, возникали в пору их наибольшей необходимости, совпадали с температурой общественного восприятия. То была музыка уникального соответствия вкусам большинства. Мелодии Гуржибекова пели дети, студенты, солдаты, профессура. Его мелодии дарили уют, тепло, искренность. В них — доверие, дружба и любовь.

Душевно и сердечно пел композитор о городах и селениях горного края, неповторимых его красотах. Эти песни пленяли мелодичностью и обаянием поэтического высказывания. Они несли в себе светлый эмоциональный тонус, свежесть прохлады и жар сердца:

Бесценно, что необычайная теплота мелодий в сочетании с искромётными ритмами звучали на музыкальном языке той земли, на которой они рождались. А пели их воистину «дети разных народов» Осетии. Это оттого, что такие песни — своеобразный конгломерат, вобравший в себя семена богатых плодов Кавказа, согретых лучиком солнечного света.

Несомненно, массовому успеху песни автор музыки обязан автору стихов. Мы помним, какая гармония возникала между композиторами и поэтами: Дунаевский и Лебедев-Кумач. Фатьянов и Соловьев-Седой... Таких примеров немало.

Редкое духовное единство было у нашего композитора и у поэтессы Ирины Гуржибековой. Меткость поэтического слова, певучесть строк, влюбленность в Кавказ, теплота художественного мышления, особая доброжелательность к людям, мягкая лирика и улыбчивый оптимизм стихов Ирины Георгиевны смогли столь органично слиться с каждой нотой композитора. Это сделало возможным создание «Песни о матери», «Песни о родном крае», песен «То ли Заринка, то ли Мадинка», «Терек», «Мечты девушки...»

Отец и дочь писали, словно их сердца бились в унисон.

А теперь позвольте отвлечься, чтобы «машиной времени» перенестись в начало XVIII века.

После Корелли и Вивальди вершиной инструментальной музыки Италии стали произведения Джузеппе Тартини (1692-1770). Широкую известность приобрела его знаменитая соната «Дьявольские трели». Об истории ее создания сам Тартини пишет:

«Однажды ночью, это было в 1813 году, мне приснилось, что я встретился с дьяволом... я дал ему скрипку. Он сыграл соло так божественно красиво и с таким мастерством, что это превзошло все слышанное мною, и все то, что я мог бы себе представить. Сила чувства пробудила меня от сна. Я схватил скрипку в надежде вспомнить что-нибудь из услышанного, но тщетно.

То, что навеяно этим сном, я попытался записать — и это, несомненно, мое лучшее сочинение. Я назвал его Соната «Дьявольские трели».

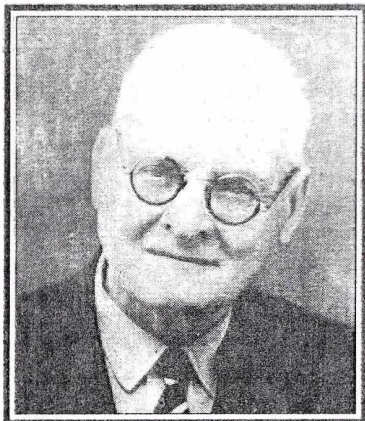
В наши дни, вспоминая творческий облик коллеги и товарища, — Георгия Николаевича Гуржибекова, — не могу забыть его игру на альта. Для меня, дирижера, этот приоритет естествен. Ведь под моим управлением сыграно вместе столько страниц симфонической литературы!

Когда в памяти всплывают мелодии Гуржибекова, ставшие песнями-бестселлерами Осетии, они в моем восприятии соединяются со звуками его альты.

Мне слышится предсмертная альтовая соната Шостаковича, соло из симфонии Берлиоза «Гарольд в Италии», и особенно, напряженность развития и концентрация виртуозных трудностей в альтовой транскрипции фантастической сонаты Тартини-Крейслера «Дьявольские трели».

«ДОЛИНА МОЯ, ДОЛИНУШКА»

Еще в двадцатые годы начал творческую деятельность Ефим Александрович Колесников. Его душой была песня. Он погружался в её глубины, вслушивался в народное творчество, находил в нем бездну вдохновения, заполнившего всю жизнь.

Е.А.Колесников. 1891-1973.

Краткая хронология: родился в 1891 году в семье казаков. Ардон — духовная семинария. Учителем. Окончил сельскохозяйственный институт в Москве. Четыре года поет в хоре. Солист хора. Преполагает пение в школах Осетии. Собирает, записывает и обрабатывает песни народов Северного Кавказа. Становится музыкальным руководителем радиокомитета, а с 1943 года — ансамбля песни и танца. Член Союза композиторов с 1940 года.

Сочинения Колесникова поют солисты и хоровые коллективы. Немало хороших песен он написал на слова осетинских поэтов:

«Песня об Асланбеке», «О Дигорских партизанах», «Афсати», «Песня бедняка» и многие другие.

Ефим Александрович издал сборник для общеобразовательных школ, в котором — песни народные и авторские.

Активной была его общественная деятельность.

Руководитель кружков, хоровых коллективов, организатор смотров народных талантов.

Значительную часть творчества отдал композитор музыке Терского казачества. Колесников активно пропагандирует песенное творчество казаков. В 1960 году в результате его сподвижничества выпущен сборник, в котором 120 казачьих песен. 75 из них сочинены Колесниковым.

Среди лучших — «Песня Терского казачества», «Казачья дума», «Песня о Кочубее», «Над ковыльной степью», «Казачья плясовая», «Русская березка» на слова Тимофея Ефимцова.

Е.А.Колесникова интересовали осетинские, русские, казачьи, чеченские песни. Большой силы художественной выразительности он достигает в хоровой обработке народной песни «Авсати». Впечатляет его песня на слова Коста «Ой, джиди». Есть пластинка этой песни в исполнении Марии Котолитовой и нашего симфонического оркестра.

Колесникову присвоено звание «Заслуженный учитель школы РСФСР», а также «Заслуженный деятель искусств Северо-Осетинской АССР».

Он жил до 1973 года.

Когда вспоминаешь имя, творчество и жизнь Колесникова, — медленно всплывают распевные звуки его песни «Долина моя, долинушка».

МЭТР МУЗЫКИ ЮЖНОЙ ОСЕТИИ

Представим себе громоздкую звукозаписывающую аппаратуру. С ней бродил по горам фанатик, собиравший по крупицам образцы бесценного фольклора. Нартские сказания, героико-эпические песни — свидетели исторического прошлого. Не имея письменности, предки передавали их из уст в уста. Но появился охотник за песнями, обойдя «высокогорные аулы Дигории с запада до селения Джергома на востоке; от моздокских равнин с севера до высокогорного озера Кел на юге».

Двадцать лет титанического труда дали удивительный результат: записаны 700 песен и инструментальных наигрышей! Это целая сокровищница духовной культуры, дошедшая до нас из глубины веков.

Кто же этот охотник за музыкой?

Его имя — Борис Александрович Галаев (1889-1976 гг.). Композитор, просветитель, педагог, фольклорист, общественный деятель — таков диапазон творчества Галаева.

Он учился в Ленинграде в музыкальном техникуме по композиции у профессора П.Рязанова.

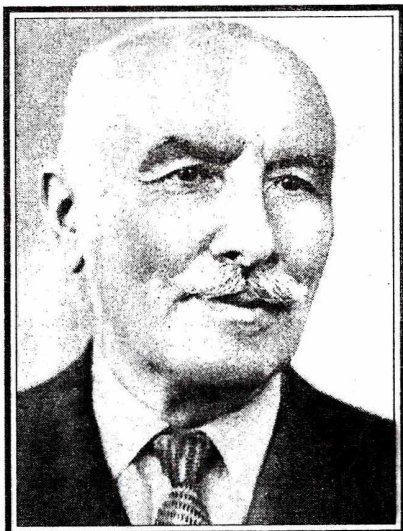
Одним из первых сочинений была симфоническая баллада «Бургустаны хаст». Полный размах деятельности молодого композитора проявился в столице юга Осетии г.Сталинире, куда Галаев прибыл в начале тридцатых годов. Здесь он открывает музыкальную школу, становясь ее директором и преподавателем теоретических дисциплин, создает хор, оркестры — народных инструментов и духовой, сочиняет для них музыку.

Галаев пишет музыку к спектаклям театра имени К.Хетагурова, в частности к драме М.Шавлохова «Нарт Батрадз» и его же комедии «Жених». В театральной музыке (а всего композитор «озвучил» более тридцати спектаклей!) Галаев уместно ис-

пользует песни, насыщенные мудростью, героикой, лирикой, сочным народным юмором, танцевальными наигрышами.

Композитор создает ансамбль песни и танца. Делает заказ московской фабрике на изготовление осетинских национальных инструментов по предварительно сделанным расчетам (диапазон, тембр).

Галаев фанатически неутомим. Он возглавляет отдел искусств

Б.А.Галаев. 1889-1976.

при научно-исследовательском институте, создает академический хор, ибо понимает, что беспрерывный путь пения «по слуху» должна сменить нотная грамотность при полном сохранении национального аромата музыки.

Широко известны галаевские обработки песен – «Чепена», «Песни о Хазби», «Чермене», «Додой».

В 1964 году вышел объемный сборник песен, составленный Б.Галаевым.

Им создана музыка к кинофильму «Фатима». Композитор проявил хороший вкус, в котором сочетается высокий трагизм с кристально-чистой лирикой.

Блестящий педагог, Борис

Александрович воспитал таких корифеев, как Илья Габараев, Христофор Плиев, Дудар Хаханов.

Галаев был награжден орденом «Знак почета» и удостоен звания «Заслуженный деятель искусств» Грузии.

Все, кому дорога осетинская музыка, должны вписать имя Бориса Александровича Галаева на ее страницы крупными буквами. В этом видится закон преемственности, без которого нет истории, а без истории нет народа.

ВОСХОЖДЕНИЕ К СИМФОНИИ

Вблизи набережной Терека, у музыкального театра установлен памятник Татаркану Ясоновичу Кокойти. Это – знаменательное событие в жизни республики. Впервые создан скульптурный монумент композитору, воспевшему звуками музыки свой край и свой народ.

Заснеженные горы и солнечные долины, мужество джигитов и красота невест, героические страницы нартского эпоса и разделенные удивительным своеобразием песни и танцы Иристона – все это составило благотворные истоки звучания певучей лиры композитора.

С именем Татаркана Кокойти связано становление и развитие профессиональной музыки Осетии, в которой он – неразрывное звено, её живая история. Оглядываясь на ушедшие годы, поражаешься размаху общественной деятельности и многоплановости творческого облика музыканта.

Кокойти предпринимает многочисленные фольклорные экспедиции, тщательно собирая жемчужины народного творчества. Он восторженно вникает в ритмы и мелодии, ставшие ценнейшим материалом его будущих произведений.

В 1938 году Татаркан Ясонович создает и возглавляет ансамбль песни и танца. Он пишет музыку к первым спектаклям осетинского драматического театра по пьесам Д.Туаева, Д.Мамсурова и других.

В Московской консерватории создается национальная студия, где Кокойти консультируется у профессора Г.И.Литинского.

Самое активное участие принимал Татаркан в создании симфонического оркестра в 1944 году. Благодаря его усилиям, в Москве издается сборник «Осетинский музыкальный фольклор». К этому времени Кокойти становится крупным знатоком народной музыки.

На протяжении восьми лет он – Председатель Правления Союза композиторов. Этот ответственный пост потребовал большой организаторской работы по созданию и укреплению творческой организации, воспитанию молодых композиторов.

Творчество Кокойти развивалось стремительно. Впервые в истории осетинской музыки он создает Концерт для скрипки с оркестром, в котором слышится народная песня о Магомете Бесаеве.

Событием в музыке республики стало появление Фантазии «Азау» для фортепиано с оркестром. С широким концертным раз-

Т.Я.Кокойти. 1905-1980.

махом Кокойти запечатлел волнующую страницу Великой Отечественной войны, связанной с трагической судьбой девушки Азау.

Композитор создал блестящую оркестровую пьесу «Вечер в колхозе», в которой красочно использовал виртуозные возможности оркестра.

Народ принял и полюбил песню «Фиагдон», а такая популярная песня, как «Тауче», давно стала визитной карточкой её автора.

Названные произведения прочно выдержали испытание временем и продолжают звучать поныне.

Бесспорно, кульминацией творчества Т.Кокойти явилось создание в 1949 году Первой осетинской симфонии. Это было победой и триумфом всей музыкальной культуры Осетии.

О музыке трудно говорить словами. Её надо слушать и чувствовать. В первой части симфонии слышим темы мужественного характера, ритуальную мелодию песни «Аларды», звучание которой овеяно певучестью и теплотой.

В пружинном ритме скерцо музыка устремляется вперед, словно уносимая ветром.

В третьей части мы попадаем в мир народных мелодий и авторской музыки, интонационно родственной богатому фольклору древнего народа.

Финал наполнен героикой многотрудной истории. Оркестр, словно могучий симфонический хор инструментов, воспекает храбрость воинов, красоту ущелий, легенды ушедших веков.

Звучит песня об Акиме Тотиеве. Эта музыка обладает огромной силой эмоционального воздействия. Она – могучий апофеоз, подлинный гимн народу. Монументальное заключение венчает симфонию в стозвучном слиянии симфонического и духового оркестров, сопровождаемом торжественным перезвоном колоколов.

Ему, автору симфонии, принадлежат вдохновенные слова, написанные в прозе, воспринимаемые как поэзия, в которой каждая буква – музыка:

«Сердце мое сожмется и руки ослабнут и поникнут, как папоротник на морозе, если я не буду видеть моих родимых гор, и никакие красоты мира не заменят мне виды этих диких утесов и скал, которые окружают мою родину».

Мы дружили с Татарканом четверть века. А сегодня с полным волнением гляжу на памятник, созданный автором известных работ, скульптором Н.В.Ходовым. Весь облик композитора обрамлен осетинским фандыром. В тишине кажется, будто звучат его струны. Да и руки композитора словно дирижируют в такт музыке. А молодое лицо музыканта олицетворяет молодость осетинской музыки, которой посвятил свою жизнь композитор Кокойти, – первый из могикан.

Пройдут годы. Долгие годы. Всматриваясь в истоки симфонической музыки Осетии, будущие историки и слушатели воздадут заслуженную хвалу Татаркану Ясоновичу Кокойти за Первую осетинскую симфонию, за воздвигнутый им первый музыкальный обелиск.

МАСТЕР ИНСТРУМЕНТАЛЬНОЙ МУЗЫКИ

Её знания были фундаментальными благодаря всестороннему музыкальному образованию, полученному в Бакинской консерватории. Нина Андреевна Карницкая окончила композиторский факультет под руководством профессора Карагичева в 1929 году.

Понадобилось ещё два года для получения диплома фортепианного факультета. В возрасте 25 лет началась полноценная профессиональная работа композитора. Ещё в Азербайджане она пишет симфонию «Ашшерон», концертную фантазию «Аршин мал Алан» для скрипки с фортепиано.

Карницкая преподаёт теоретические дисциплины в Бакинской консерватории. У неё учились известные композиторы Султан Гаджибеков и Фикрет Амиров.

Настойчиво работая над театральной музыкой, Нина Андреевна добивается музыкальных характеристик времени и места действия пьесы, обрисовки сценических персонажей. Этот пласт творчества дал внушительные результаты. Ею написана музыка к ста спектаклям!

Таким образом, Карницкая приехала в Осетию в 1948 году зрелым продуктивным композитором. Она проявляет пылкий творческий интерес к многонациональному искусству горских народов. На основе народных мелодий ищет и находит свою музыкальную речь, выступает против примитивизма и упрощенчества. Её произведения убедительно подтверждают мастерство автора.

В композиторском творчестве Карницкой в Осетии началась большая глава её жизни на благо подъема музыкальной культуры республики. Приоритетным интересом становится симфони-

Н.А.Карницкая. 1906-1983.

ческий оркестр, для которого ею создана галерея полноценных произведений.

О глубине замыслов говорит первое крупное сочинение — поэма «На берегах Гизельдона», созданная в 1952 году. Это развернутая панорама батальных сцен времен Великой Отечественной войны. Партитура написана обстоятельно. Быть может, чуть растянута форма и улавливается перегрузка звучания, но мастерство художника несомненно.

В 1960 году Карницкая создает Концерт для фортепиано с оркестром. Это зрелое сочинение выписано с размахом, концертным блеском, развитой фактурой солирующего инструмента. Оно наполнено национальным ароматом, имело огромный успех и записано на грампластинку. Нине Андреевне принадлежит и Второй фортепианный концерт.

Рост композитора продолжался и появилась поэма «Родная Осетия» с патриотической патетикой, приподнятостью музыкальной речи.

Особенно приковывают внимание «Картинки осетинского колхоза» в пяти частях.

1. «В горах» — обобщенная зарисовка природы, оптимистическое мироощущение.

2. «Кузница» — оригинальная миниатюра со звуковой имитацией, изобразительными элементами работы кузницы.

3. «Яблоневый сад» — английский рожок поет свою мелодию в мягком сопровождении струнных.

4. «Мельница» — мелодичное журчание речной воды, вращение мельничного колеса, красочный подбор звучащих инструментов. 5. «В поле» — праздник труда, ясный радостный день, величальная Человеку-труженику.

Все части сюиты написаны мастерски, с высоким художественным вкусом и концертным размахом.

С особой теплотой хочется отметить небольшую пьесу «Элегия памяти Коста». Малый по составу оркестр поет стихотворную музыку — задушевную, лирическую, светлую. Звучит подлинная элегия, вдохновленная обликом и поэзией Коста.

Этот шедевр осетинской музыки исполняется многократно, устаиваясь большого признания.

В кругу композиторов Нина Андреевна пользовалась непрекращаемым авторитетом. С ней советовались, у неё консультировались, никогда не встречая отказа в корректной помощи.

Карницкая глубоко и обстоятельно проникла в недра музыки Осетии, сделала её своим музыкальным языком и создала произведения большой художественной значимости.

Окончание следует

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ЗАРИСОВКИ

Анри Матисс. Музыка. Фрагмент

В тот вечер в театре оперетты царила праздничная атмосфера. Шла премьера «Марицы» Кальмана. Всё было готово к началу спектакля. Всё, если не считать отсутствия двух кларнетистов и тромбониста, которые запаздывали, как обычно. Молодой самоуверенный дирижер, меняющий прическу в зависимости от важности спектакля то под Баха, то под Минкуса, предвкушал триумф. Наконец появился тромбонист в обнимку с одним из кларнетистов и дирижер решительно взмахнул палочкой.

Увертюра началась неистовством там-тамов (форте поссибиле), что несколько озадачило дирижера. Грохот

оборвался так же внезапно, как и начался. Вслед за этим струнная группа оркестра понеслась в унисон вверх по хроматической гамме. За нею на почти-тельном расстоянии следовали параллельными кварт-секст-аккордами флейта и кларнет (второй так и не явился). На самой вершине гаммы загревели вновь там-тамы. Дирижер вздрогнул, как лошадь (всей шкурой сразу), а оркестр весь целиком излился в мажорно-минорном вопле. Весь, кроме валторн, которые ринулись вниз по той же гамме, что, по-видимому, означало контртемпу.

Дирижер оцепенел от удивления. То, что он слышал, даже отдаленно не напоминало «Марицу». В публике началось оживление. В это время тромбон — с явным намеком на тремоло — подхватил контртемпу, а оркестр тут же впал в состояние, близкое к клинической смерти. В этот момент внимание дирижера отвлек нахальный звонок сотового телефона. Это в зале переговаривались двое новых русских. По-видимому, им надоела эта непонятная музыка и они решили развлечься. Старый администратор попытался было прекратить это безобразие, но узнав в одном из них спонсора сегодняшней постановки, с извинениями ретировался.

Дирижер, не привыкший слишком много думать, тем не менее сообразил, что администратор опять перепутал ноты и оркестр пытается исполнить сюиту местного композитора, посвященную эротической теме. Но тут появился администратор и быстро заменил партитуру.

Спектакль начался, как и полагалось, появлением на сцене Популеску. Внутренний голос подсказал дирижеру, что вечер будет нелегким. Предчувствия не обманули его. Во-втором действии, когда Популеску с Зупаном повезли Марицу на прогулку, Популеску дважды обгонял оркестр: один раз на два такта и второй — на три. Лишь благодаря героическим усилиям дирижера оркестр оба раза настиг его. Но когда Популеску третий раз оторвался от оркестра по меньшей мере на полмили, дирижер похолодел от мысли, что ему не удастся догнать его и к концу спектакля.

В этот момент Марица, роль которой исполняла девица довольно плотного телосложения, нечаянно наступила Популеску на ногу, и тот, взвывая от боли,

забыл текст арии и замолчал вовсе. У Марицы был довольно сильный голос и когда она его пускала в ход на полную мощность, зрителям первых рядов приходилось крепко держаться за кресла, чтобы их не сдуло с мест. Вместе с тем она не признавала никаких танцевальных канонов. Когда Марица с Зупаном отбивала канкан, оркестранты в испуге хватились за пюпитры, а машинист сцены позже всем рассказывал, что это она виновна в поломке поворотного механизма сцены.

Очень хорош был Тассило, обладавший приятным бархатным баритоном и легким венгерским акцентом. К финалу оркестр и певцы вошли в норму, и в зале несколько раз вспыхивали аплодисменты. Занавес поднимали 3 раза, что свидетельствовало об успехе премьеры. Публика была в восторге, а дирижер — в жалком состоянии.

* * *

В филармонии шло второе отделение концерта Ларисы Тедтовой. Во Владикавказ она приехала сразу же после какого-то престижного конкурса европейского масштаба, на котором заняла первое место. Концерт шёл с большим успехом. Этому способствовала концертмейстер, которой ассистировал симпатичный рыжий парень. Концерт подходил к концу, когда на сцене появилась огромная собака, одна из тех, которые живут во дворе филармонии и нередко заходят на сцену во время репетиций в надежде поживиться чем-нибудь. Собака приветливо повилила хвостом и стала медленно приближаться к пианистке и, не дойдя до нее, потерлась об левую ногу ассистента. Тот, почувствовав чье-то мягкое прикосновение к ноге, подумал было, что пианистка с ним заигрывает, но затем сообразил, что она не могла этого сделать, так как сидела справа от него. Парень, увидев собаку, застыл от страха и забыл вовремя перевернуть нотную страницу. Пианистка нервно перелистнула ноты и с укоризной посмотрела на него.

В публике началось оживление, раздались приглушенные смешки. Певица, почувствовав неадекватную реакцию публики на свое, скажем, великолепное пение, решила форсировать звук, перейдя на фортиссимо. Собака с испугу поджала хвост и

быстро удалилась со сцены. Ария завершилась бурными аплодисментами.

* * *

Место действия лондонский университет. Время 1963 год. Дружеский капустник английских студентов и преподавателей совместно с советскими коллегами. На сцену вышел молодой преподаватель русского языка местного университета и начал петь без аккомпанеента песню И. Дунаевского «Сердце, тебе не хочется покоя...». Тональность, в которой он начал петь, не сулила ему ничего хорошего. Через пару тактов он должен был взять верхнее «до» второй октавы (1046,4 Гц). Даже у Паваротти в подобной ситуации могли возникнуть проблемы. Мне стало жаль парня и я прервал его пение, предложив ему себя в качестве аккомпаниатора. Он с радостью согласился. Публика проявила интерес к нашим переговорам. На сцене стоял огромный концертный рояль. Я быстро подошёл к нему, открыл крышку и попытался взять аккорд в нужной тональности. И, о ужас! Раздались жуткие звуки и одновременно гомерический хохот публики, сидящей в зале. Они-то знали, что рояль последний раз настраивали при короле Артуре и что в нем не хватает по меньшей мере половины струн. Тут уже проблемы возникли у меня. Я увидел сидящего возле сцены парня с гитарой в руках. Мне ничего не оставалось делать, как выхватить у него инструмент. Опять не повезло! Гитара оказалась настроенной непонятным образом. Пришлось тут же на глазах у повеселевшей публики ускоренным методом перестраивать её. Все это длилось минуты две. История закончилась тем, что певец справился с песней и сорвал бурные аплодисменты. По настоянию публики уже мне самому пришлось исполнить несколько сольных произведений на гитаре. До сих пор помню их. Это были: «Песня без слов» и «Натавальс» П.И. Чайковского.

* * *

Иван Семёнович Козловский редко участвовал в дневных спектаклях. Нам, студентам, сделавшим остановку в Москве после практики в Норильске, крупно повезло. Мы попали в Большой театр на дневное представление оперы Бородина «Князь Игорь», в

которой роль Кончака исполнял Максим Дормидонтович Михайлов, а сына Кончака — Козловский. Мы лишь после спектакля узнали, что в зале присутствовала какая-то иностранная делегация и поэтому в дневном спектакле участвовали такие звёзды оперы, как Михайлов и Козловский. На галёрке, куда нам достались места, была одна молодёжь. Михайлов как всегда пел с полной отдачей своих фантастических вокальных способностей, чего нельзя было сказать о Козловском. Он фактически пел вполголоса и, как нам показалось, нехотя.

И тут случилось непредвиденное. Козловский, пытаясь по ходу спектакля перешагнуть через низкую тахту, стоявшую на сцене, споткнулся и с грохотом растянулся на полу. Галёрка мгновенно среагировала на это. Раздался оглушительный свист. Свистели одновременно несколько студентов консерватории, как мы выяснили позже. Мы, провинциалы, испуганно молчали, так как впервые встретились со столь непочтительным отношением к знаменитости.

Так что вы думаете? Козловский, чтобы как-то реабилитировать себя в глазах публики, так здорово запел, что эти же молодые «хулиганы» устроили ему в конце его арии бурную овацию.

* * *

Заведующий кафедрой химии СКГМИ Максим Владимирович Левитский (у которого учился сам академик Флёров), будучи прекрасным химиком, хорошо знал музыку и совсем неплохо играл на фортепиано. Но у него был один пунктик — он терпеть не мог музыку Скрябина, причём настолько, что во время исполнения его произведений предлагал окружающим вату и советовал им заткнуть уши, а иногда и сам пытался сделать это. Я был свидетелем того, как Максим Владимирович умудрился заткнуть ухо одному из своих приятелей, сидевшему от него через ряд.

На почве музыки Скрябина у Максима Владимировича нередко возникали жаркие дискуссии с заведующим кафедрой математики этого же института Биллевицем Кириллом Константиновичем, заядлым альпинистом и также большим знатоком музыки. Биллевич знал много произведений Скрябина и

прекрасно исполнял их на фортепиано. Это тот самый Биллевич, который хорошо известен специалистам в области вычислительной математики своими «Алгоритмами Биллевича», как их впоследствии называли американские специалисты.

* * *

Великолепный болгарский вокальный квартет сестёр Кушлевых, в 60-х годах пользовался не меньшей популярностью, чем наш квартет сестёр Фёдоровых. С большим успехом прошли их гастроли в Советском Союзе, в том числе и во Владикавказе (тогда Орджоникидзе). Искусствовед Марина Антоновна Литвиненко обеспечила им хорошую прессу. Летом 1963 года группа туристов из Северной Осетии, в составе которой были М.А. Литвиненко и автор этих строк с супругой, попала на концерт Кушлевых в открытом летнем театре в г. Варна (Болгария). Громадный амфитеатр был заполнен отдыхающими. После окончания концерта мы спустились на сцену, чтобы поздравить сестёр Кушлевых с успехом. Марина Антоновна попросила меня сесть за фортепиано и концерт как бы продолжился. Публика стала возвращаться на свои места. Начали мы с песни Долуханяна «Ой ты, рожь», а затем в ход пошли популярные советские песни. Сёстры Кушлевых публика долго не отпускала со сцены.

* * *

Концерт в СОГУ был посвящён какому-то важному событию, так как в нём участвовали наши ведущие артисты и в их числе Долорес Билаонова. Концерт вёл молодой человек, то ли студент, то ли аспирант. Было видно, что он нервничал, так как впервые вёл концерт с участием профессиональных артистов. Номер Билаоновой он объявил так:

— Выступает Долорес Ибаррури!

В зале раздался смех. Парень покраснел и не знал куда деваться от смущения. Но собрался с духом и вновь объявил:

— Выступает Долорес Билаури!

В зале начался откровенный хохот. Тут из-за занавеса протянулась чья-то рука и затащила за него ведущего. К его счастью, Долорес не слышала всего этого. И — как говорят в народе — беда не приходит одна. Вскоре после Билаоновой стал петь сту-

дент с приятным бархатным баритоном. Пел он песню Никиты Богословского «Тёмная ночь». Так вот вместо слов «... я спокоен в смертельном бою» он спел «... я смертелен в спокойном бою». Публика простила ему этот прокол, так как больно хорошо он пел.

* * *

В филармонии сегодня праздник: идёт концерт симфонического оркестра, которым дирижирует студент петербургской консерватории Туган Сохиев, выпускник Владикавказского музыкального училища. В программе «Итальянское каприччио» и «Ромео и Джульетта» П.И.Чайковского и «Первый концерт для фортепиано с оркестром» С.В. Рахманинова в исполнении солистки И. Бучикян. Концерт ведёт как всегда блистательная Марина Ядых. Первые два произведения Туган дирижировал без партитуры. Поразила его манера дирижирования: он как бы сочетает в себе одновременно гибкую пантеру и жёсткого тореадора, готового одним взмахом дирижёрской палочки укротить оркестр. У Тугана поразительно пластичные руки, завораживающие зрителя. Обращает на себя внимание его скромное, без всякой бравады, поведение за пультом. Как откровение выслушал зал обращение Тугана к своему учителю и воспитателю Брискину А.А., сидевшему тут же в зале, со словами искренней юношеской благодарности.

Почему всё же осетин Туган Сохиев, равно как и великий Валерий Гергиев, к которому я, сидя на концерте, всё время мысленно примеривал Тугана, стали дирижёрами симфонических оркестров и так требовательны к себе и оркестру? А может быть, это связано с суровым прагматичным характером мужчин Осетии, сформировавшимся в процессе многовековой борьбы за выживание и превратившим их в «диктаторов» в семье, на работе, в застолье и, наконец, в руководстве оркестрами?

Не сомневаюсь, что Туган когда-нибудь взойдёт на свой дирижёрский Эверест, каким бы трудным ни было это восхождение. Удачи тебе, Туган!

Валерий
ЦАГАРАЕВ

Аланский фигурный начельник. VII в.н.э.

6. РЕЛЬЕФЫ СРЕДНЕВЕКОВОЙ АЛАНИИ

ВРЕМЯ. По-разному ощущают его ритм молодость и старость, житель города и селения. В конце века оно ускоряет свой ход, проявляя наши желания в познании прошедшего, будущего.

ЗНАНИЕ. Порой мы отказываем ему в объективности, не доверяя выводам науки, например, исследующей археологические древности или фольклорные тексты. При этом мы с простодушием верим историям домашних вербальных фантазеров. Между тем европейская цивилизация, в социально-экономической системе которой мы живем, уже не так молода, чтобы быть простодушной. Она давно научилась переводить опыт прожитого в знание и создала для него хранилища — книги, библиотеки, музеи. Еще в средневековых университетах она научилась анализировать собранные знания, переводя их в опыт новых поколений.

К нынешнему хаосу наших библиотек, музеев и университетов цивилизация не причастна — это хаос нашей культуры, кризис ее смысла. Мы не анализируем опыт предыдущих поколений, не выделяем из него знание, а значит, пользуемся для решения своих проблем чужим знанием. Как говорили в школьные годы — на чужой подсказке далеко не уедешь. Жизнь только подтверждает сказанное.

Еще в начале XX века Махарбек Туганов писал: «Древние храмы, склепы и разные могильные сооружения с их исторической надписью, подчас не зафиксированные никем, не сделавшись достоянием областных музеев, в один прекрасный день растаскиваются на ограды для полей и на загоны для скота» (28, с.54). М.Туганов жалуется на отсутствие средств для «систематической работы по собиранию памятников народной старины».

Проходят годы, десятилетия. Скоро время фиксированного этнического знания будет измеряться веками, а что меняется? Все так же не хватает средств на компетентные научные исследования и все так же финансовой поддержкой пользуются громоздкие и пустые проекты.

Наследники древней цивилизации, имеющие в своем распоряжении научные центры, университеты, тысячи специалистов с научными степенями, мы все еще толком не знаем, что принадлежит нашей истории, культуре, в чем ценность утраченного знания. Мы порожаем мифы о прошлом, а между тем оно намного богаче нашей мифологии о нем. И только компетентное научное исследование приводит нас к знанию смысла древних духовных текстов, а смысл этот поможет в объяснении настоящего. Итак, покончив с

проблемами настоящего, перейдем в поле древней истории, голоса которой все еще слышны в нашем быту.

В предыдущих главах нами была выявлена идентичность визуальных текстов некоторых скифо-сарматских изобразительных памятников с осетинским обрядовым текстом «бæхфæлдисын» (посвящение коня покойнику). Без существенных изменений дошло до нас представление североиранцев об устройстве их древнего мироздания, создавая уникальную возможность заглянуть в его нижнюю зону, к Великой хозяйке Богине-матери-земле. Именно к ней, согласно древнему обряду, совершала свое последнее путешествие душа умершего воина, именно Мать-земля (Аминон) определяла место ее дальнейшего пребывания.

Последний исследованный нами визуальный текст (роспись гробницы Анфестерия) датирован I – II вв. н.э. и относится к позднесарматскому (раннеаланскому) периоду истории североиранской цивилизации.

Поэтому возникает вопрос о наличии в последующие исторические времена традиции изображать на погребальных памятниках и ритуальных предметах сюжеты из обрядового текста «бæхфæлдисын». Вопрос этот принципиальный, так как в научной традиции с XIX века современных осетин считают наследниками аланской этнокультуры и наличие именно в ней изображений священного текста напрямую связало бы нас с далекими скифскими берегами.

Отрадно отметить, что бесстрастная история, совершив свойственные ей чудеса, сохранила для нас удивительный памятник алано-осетинской культуры – гробницу Великого воина, как бы призывая и нас к бережному сохранению богатств осетинской этнокультуры для будущих поколений.

В северо-восточных отрогах Кавказского хребта, в долине реки Большой Зеленчук, в VIII – XII веках рас-

Рис. 1. Средний Зеленчукский храм. X-XI в.

полагались столица и духовный центр Аланского государства (широко известные в науке как Нижнеархызское и Кяфарское городища). (рис. 1, 2.) Мощные оборонительные укрепления, величественные христианские храмы, добротные жилища горожан – все эти дошедшие до нас сокровища аланской культуры говорят о том, что здесь находилась резиденция аланских правителей и именно здесь археологами обнаружен некрополь с долменобразными гробницами, по всей видимости принадлежавшими членам правившей аланской династии.

Одна из этих гробниц, так называемый склеп с реки Кривой, или Кяфарская гробница, выделяется среди остальных не только размерами, но и уникальными рельефными изображениями, покрывающими все ее стены снаружи. В разные времена учеными предпринимались неоднократные попытки смыслового анализа этих изображений, приводившие их к различным толкованиям.

Анализируя эти древние духовные тексты, некоторые исследователи приходили к выводу о значительном наличии в изобразительных композициях рельефа гробницы христианской символики, а иногда видели в них и ветхозаветные, евангельские сюжеты. Отдельные персонажи этих композиций представлялись исследователям одетыми в монашеские головные уборы с архиерейским облачением служителей христианского культа.

Другие исследователи рельефов, напротив, считают присутствие в них христианских священнослужителей малоубедительным, утверждая, что рельефы обозначены дохристианской символикой. Иные напрямую называют персонажи сюжетов релье-

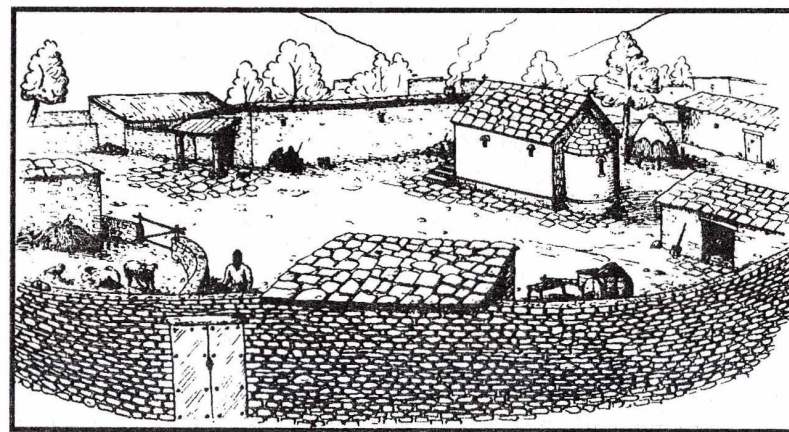

Рис. 2. Графическая реконструкция аланской усадьбы. Нижний Архыз. X в.

фа в широких одеждах женскими священными образами, одетыми в «неопоясанные рубахи» (64, с.90).

Читатель, подготовленный предыдущими главами нашего исследования, понимает объективность присутствия женского священного образа в сюжетах погребального рельефа, но правоты ради попытаемся заглянуть в те времена и в тот мир, в котором была возведена и насыщена духовным смыслом гробница аланского правителя.

Начиная с IV века Византийская империя устанавливает тесные и систематические контакты с активной военно-политической силой Северного Кавказа – аланским племенным объединением. Скорее всего именно с этого времени аланская аристократия близко знакомится, а возможно, и частично воспринимает византийское христианство. Уже в VIII – IX веках формируется единая культурно-этническая общность алан, постепенно оформляясь в раннегосударственную структуру, для которой была жизненно необходима сильная централизованная мировая религия.

Датой официального принятия Аланией христианства принято считать начало X века. Именно в это время византийский патриарх Николай Мистик в письмах к архиепископу Алании Петру просил в деле христианизации особое внимание и «крайнюю осторожность» проявить «в отношении людей знатных и властных», в отношении же «простых людей» он позволял «допускать строгость». В одном из своих писем архиепископу он отмечал: «Ты сам понимаешь, что нелегко дается переход от языческой жизни к строгости Евангелия».

К середине X века византийский император Константин Багрянородный именует царя Алании «духовным сыном императора». Возможно, император являлся крестным отцом царя Алании, таким же, каким он был и для киевской княгини Ольги, жены князя Игоря, правительницы Руси (Константин крестил княгиню в 957 году).

Любопытны взгляды современников на средневековую Аланию. Так, в арабской хронике «Худуд-ал-Алам» говорится: «Царь алан христианин. Среди них имеются как христиане, так и идолопоклонники. Часть населения горцы, а часть жители равнины...»

Грузинская летопись XI века описывает алан той поры так: «Аланы являются христианами. Это достойный почтения народ. Они любят родниться и любят своих родственников, умеют хранить дружбу, познавать врага. Любят поддерживать соседство, они хлебосольны, хорошо умеют править страной, отличные воины, прекрасно владеют оружием, в бою едины и помогают друг другу... умеют строить отличные башни, крепости, замки, мосты, переправы, все, что необходимо в войнах. Прекрасно умеют строить церкви и изготовлять церковную утварь. Исключительно высоко в них почитание старших, особенно стариков...» (65, с.85, 89).

Именно к X веку возводит В.И.Абаев титул аланского правителя Sêzêron (цезарь, царь), зафиксированный народной традицией за фамилией Царазонта, к которой относился живший в XII веке осетинский царевич Сослан-Давид, муж и соправитель грузинской царицы Тамар.

Титул аланского царя, перешедший на весь царский род, говорит о развитой идеологии государственной власти в средневековой Алании. Род (династия) Царазонта на протяжении XI – XV веков занимал ведущее место в социальной иерархии алано-осетинского общества.

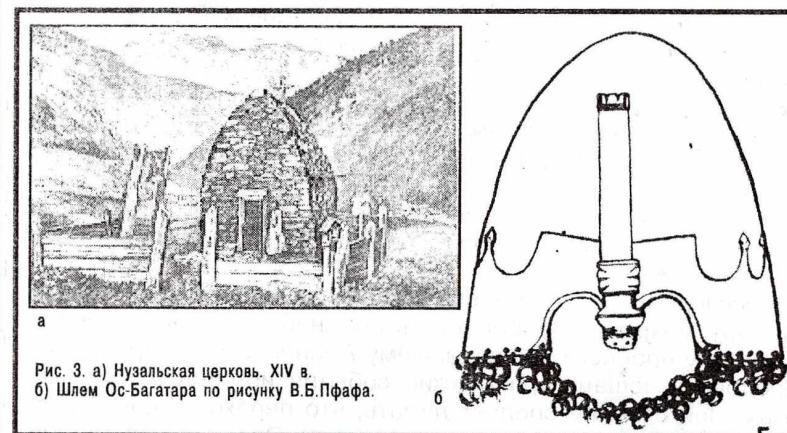

Рис. 3. а) Нузальская церковь. XIV в.
б) Шлем Ос-Багатара по рисунку В.Б.Пфафа.

В ходе татаро-монгольского нашествия в конце 30-х годов XIII века аланские феодалы потеряли основные земли на равнине, но укрепили свои владения в горах. Постепенно с утратой государственности и ее институтов память о роде Царазонта перешла в народные генеалогические предания, связывая с ним многие осетинские фамилии.

Рассматриваемая нами Кяфарская гробница считается последним пристанищем аланского царя Дургулеля Великого (вторая половина XI века), но это не единственный царский склеп, дошедший до нашего времени. В Алагирском ущелье Осетии, в селении Нузал, расположена Нузальская церковь (Нузалы аргъуан), мавзолей одного из последних аланских правителей, так называемого Ос-Багатара (XIII – XIV вв.), имеющий сохранившиеся, но, к сожалению, не охраняемые государством христианские фресковые росписи по стенам внутри помещения. (рис.3)

От времен Кяфарской гробницы до времен Нузальского мавзолея Алания находится под неусыпным вниманием Константи-

нопольского патриарха. Аланская метрополия просуществовала до XVI века, правда, в отдалении от реального пространства своей епархии, находясь в последнее время в Севастии (Малая Азия) (66, с.149).

После краткого исторического обзора христианизация алан-осетин может показаться делом ясным и не требующим дополнительного исследования. Вопрос о влиянии новой религии, о проникновении ее в глубинные пласты национальной ментальности алан-осетин ставился неоднократно. Одни исследователи считали, что аланы восприняли от Византии христианизированный вариант их собственной древней религии, другие видели полное погружение или отвержение христианской веры.

Вопрос этот многосложный, но важный, так как ориентация национальных культур на одну из ведущих мировых религий считается сегодня цивилизаторством, отсутствие ориентации — национальным варварством, даже если за последним тысячи лет духовной истории. Все эти процессы связаны с идеологическими приоритетами власти и не имеют ни малейшего отношения к пониманию смысла, заложенного в национальную духовность, а именно в ценностях этого смысла и пытается разобраться наше исследование.

Бесспорно одно, средневековая Алания вступила в новую культуру, сохраняя самобытность прежней, а вот дальнейшему духовному процессу, приводившему Аланию в дом европейских народов, помешали трагические события истории в XIII — XV веках. При этом не следует думать, что переход к новой вере был своеобразным только у алан-осетин. Процессы христианизации трудно проходили у большинства народов Европы (впрочем, как и исламизация в Азии), порой затягиваясь на сотни лет сублимированного существования, когда национальная ментальность пребывала и не в язычестве, и не в христианстве.

Восприятие нового духовного учения, нового Бога военно-феодалной верхушкой аланского общества, вероятно, облегчалось наличием в общесевероиранской духовной культуре единообразных Бога-отца и Богини-матери, что совпадало с византийским почитанием образа Христа и Богоматери. При этом христианский Бог вместе со своими апостолами мог восприниматься еще и как божественный вождь с единой дружиной, что воспроизводило в нем функции древнего военного божества алан. Как в этой связи отмечает итальянский историк Франко Кардини: «Христос тот же вождь, отец, брат, раздающий после сражения награды — каждому по его заслугам, сидя на троне в великолепной пиршественной зале» (67, с.183).

Понимая специфику христианизации алан-язычников, византийские миссионеры, сохраняя языческие духовные ценности,

прикрывали их новым христианизированным обликом. Огромный духовный опыт, связанный с ценностями дохристианской религии, не мог быть отброшен как никогда не существовавший. Поэтому постепенно термины христианства приходят в равновесие с духовно-нравственными нормами военно-дружинного мировоззрения алан. Доверие и верность, любовь к ближнему (товарищу по оружию) — весьма ценные качества в военном обществе. Крест становится символом военной победы, не переставая быть древним символом Мирового древа, Древа жизни. Аланский воин приносил присягу и клятву на воткнутом в землю мече, теперь он клянется на мече и Евангелии. (рис.4)

В 866 году Римский папа Николай I, отвечая на вопросы недавно обращенных в христианство болгар, советовал превращать древние священные пиры в христианские праздники. Сюжеты из языческой мифологии широко использовались в качестве украшения христианских памятников архитектуры раннего средневековья. Так, эпизоды из жизни героя древнескандинавского эпоса Сигурда изображены на кресте в церкви св.Андрея на норвежском острове Мэн (подобные сцены алано-осетинского эпоса есть на Эльхотовском кресте). Эпический герой Сигурд изображен и на портале церкви XII века, где он убивает дракона Фафнира, быть может, по аналогии с христианскими св.Георгием и св.Михаилом (67, с.192).

Старая духовная традиция, воспринимая новую религиозную символику, наполняла ее прежним сакральным содержанием. Эта постоянная борьба между старым и новым, между формой и содержанием не прекращалась вплоть до XX века. В девяностые годы нашего века в Центральной России группа этнографов зафиксировала как кинодокумент обряд похорон древнеславянского женского языческого божества плодородия — Костромы. Причем на обрядовом отпевании присутствовали и персонаж православного священника, и маска языческого жреца — Волхва.

Точный взгляд на эпоху средневекового христианства мы опять находим у Франко Кардини, но не у алан, а у германцев, общественное устройство которых было идентично аланскому; а духов-

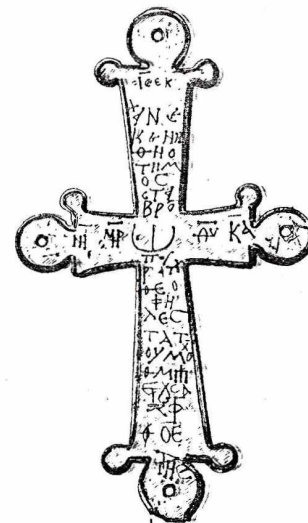

Рис. 4. а) Бронзовый крест с греческой надписью. 1067 г.

ное представляло архетипический религиозный мир. Германцы неохотно расставались со своими древними преданиями хотя бы потому, что те были глубоко связаны со структурой их общества. При этом они воспринимали и новые культы, и ритуалы. Правда, интерпретировали они их в сугубо магическом ключе, добавляя к прежним верованиям, которым хранили верность (67, с.196).

Христианство санкционировало сакральность царской власти. Христос — господь и царь — становится мерой власти государя. Соответственно, царь — «слепок» с Христа. Но когда дело касалось загробного мира, вожди и цари предпочтение отдавали древним богам предков. Например, Роллон, вождь викингов, принявший крещение и ставший герцогом норманнов, будучи на смертном одре, конечно, лелеял надежду попасть в христианский рай, но не забывал и о древней Вальхалле — стране мертвых воинов. В духе соломоновой мудрости и норманнской практичности он подарил сто золотых ливров христианским священникам и одновременно принес в жертву древним богам сто военнопленных. Другой пример взят нами из времен французского короля Карла Великого. Через сто пятьдесят лет после принятия христианства франки-католики все еще поклоняются своим старым богам, принося им человеческие жертвоприношения.

Хуже всего старая духовная традиция покидает мифо-поэтическое наследие, герой эпоса призван совершать мироустроительный подвиг, защищая древний Космос, даже если на него посягают божественные персонажи новой религии. Так ведет себя нарт Батраз, воюя с сонмами христианских святых, и все-таки уступает, погибая по велению Бога. От св.Иоанна (колеса Ойнона, Балсага) гибнет и архаический солярный герой Сослан. Древний Бог воинов-алан сливается в своих функциях защитника и справедливого судьи со св.Георгием, становясь Уастырджи — христианизированным мужским божеством нового алано-осетинского пантеона.

Опираясь на вышеприведенное, мы видим, что за тот небольшой отрезок времени, отделяющий строительство Кяфарской гробницы (XI в.) от официального принятия христианства аланами (X в.), невозможно было разрушить тысячелетнюю духовную систему, основу мировоззрения древнего народа. Новая

Рис. 4. б) Каменный крест. 1013 г.

христианская символика могла лишь ассоциативно (вторично) воспроизводиться в тех же семантических узлах древнеиранской духовной традиции, но не нарушая ее старое сакральное содержание. Поэтому и предположение о том, что в священный текст погребального рельефа Кяфарской гробницы может войти образ христианского священника, носителя новых духовных ценностей, могло, вероятно, быть воспринято древним человеком как святотатство.

Конечно же, сегодня нам трудно найти ответы на все представленные в рельефных композициях вопросы, но заинтересованный и знакомый с нашими предыдущими публикациями читатель сразу узнает во многих сюжетах рельефа древнюю схему сакральной сцены путешествия души к последней обители, к Богине-матери.

Прямоугольная в плане гробница уже в своей конструкции семантически воспроизводит древнюю модель мироздания. Архаический человек кодировал, как тайнопись, священные тексты (знаки) своей модели мира в конструкциях храмов, домов, гробниц. Числовой код осетинских погребальных склепов (3, 4, 7, 9, 12 и т.п.) соответствовал подобному коду древнего мироздания (Мировой горы, древа). Этот же код мы обнаруживаем и в конструкции Кяфарской гробницы, стены которой составлены из массивных песчаных плит. (рис.5)

Передняя монолитная стена гробницы обращена на восток, задняя, составленная из двух горизонтальных плит, — на запад. Каждая боковая стена гробницы (как северная так и южная) сложена из трех прямоугольных плит, расположенных горизонтально одна над другой.

Стены гробницы покоятся на фундаменте, образованном двумя ярусами хорошо подогнанных каменных блоков. Нижний ярус фундамента заглублен в грунт, верхний выступает над уровнем земли, образуя цоколь.

Вся строительная конструкция покоится на насыпной подушке из речной гальки. Крыша гробницы двускатная. В передней (восточной) плите сделано круглое отверстие диаметром 0,48 м. При раскопках и расчистке гробницы, среди камней, найдена каменная втулка для закрывания отверстия (68, с.5).

Нетрудно заметить, что стены гробницы, цоколь, на котором они стоят, и нижний ярус фундамента образуют три вертикальные священные зоны древнего мироздания: небесную (обитель души), земную (опору-цоколь) и подземную. Вся эта священная конструкция, воспроизводящая идею древнего Космоса — Мировое древо опирается на речную гальку, символизирующую Мировые воды (подземную реку Царства мертвых). Речная галька как водный символ постоянно сопутствует погребальным обря-

дам северных иранцев на всем пространстве евразийских степей.

Но и горизонтальная конструкция гробницы неотделима от символики вертикальной. Монолитная восточная стена олицетворяет собой цельный (монолитный) средний мир живых, из которого уйдет в Страну мертвых душа Великого воина.

Западная стена гробницы, символизирующая нижнюю, загробную, часть мира, состоит из двух горизонтальных плит. Лишенная средней плиты (зоны жизни), западная стена в точности воспроизводит числовую символику двух осетинских поминальных пирогов уэлибæхтæ, а также эпический сюжет о двух кипящих котлах подводного дома Дзерассы (см. предыдущие главы).

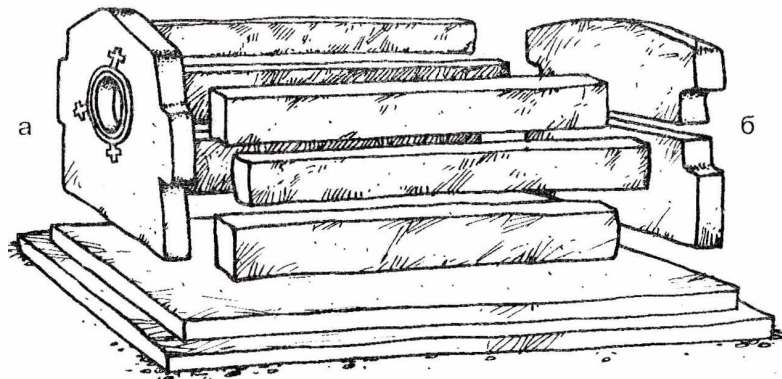

Рис. 5. Схема конструкции Кяфарской гробницы. а) Восточная стена. б) Западная стена

Боковые стены гробницы являют собой схему фронтального обзора всего мироздания с востока на запад, поэтому они состоят из трех горизонтальных плит (трех вертикальных зон). Общее же количество плит в стенах Кяфарской гробницы составляет древнее сакральное число, символ мироздания — 9, через это объясняя нам священную зону, под сень которой попадает душа Великого воина — Мировое древо. Число 9 обладает магической значимостью не только в силу своей математической природы ($3+3+3$, 3×3 , $4+5$). В десятиричных системах счисления число 9 — наибольшее в первом ряду чисел от 0 до 9, выражаемых одной цифрой. Все числа меньше девяти входят в него либо как множители, либо как слагаемые. Сумма цифр любого числа, делящегося на 9, сравнима по модулю 9 с самим числом. Но самый священный смысл числа 9 для древнего мировоззрения в том, что оно воспроизводит хронометрию беременности (69, с.91).

Числовая символика создавала устойчивые мифологемы и образы, помогая осваивать древнему человеку окружающий мир. Поэтому числовые коды Кяфарской гробницы не случайная прихоть строителя, а точно выверенная древняя духовная система, тексты которой мы и пытаемся читать.

Вход (отверстие) в гробницу обозначен двумя рельефными кругами, внешний из которых имеет три крестообразных знака, расположенных на равном расстоянии друг от друга. По представлениям древних, вход в гробницу соотносился с земным пупом, лоном. (рис.6)

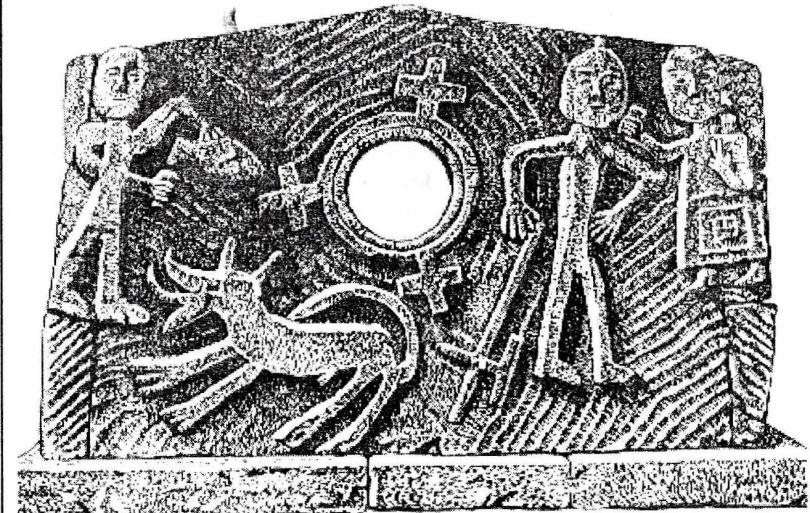

Рис. 6. Восточная стена Кяфарской гробницы.

Реальный круг отверстия и два обрамляющих его рельефных круга составляют все ту же символику трех вертикальных миров древнего Космоса. Верхний мир-круг обозначен (одухотворен) божественными символами-крестами, идущий за ним средний круг — символ земного мира, а подземный мир-круг является реальным входом в пространство гробницы (Страну мертвых). Кресты на внешнем круге четко расположены вдоль окружности (вверху, внизу и посередине) и как бы двигаются по часовой стрелке Бытия, сменяя друг друга и обозначая этим движение души в системе мироздания (Мирового древа).

Соразмерность величины крестов и равное расстояние их друг от друга по окружности указывают на то, что сюжет рельефа восточной стены связан с символами всех трех сакральных

миров, а значит, монолит стены (один) вбирает в себя идею всего мироздания (три).

Это подтверждают и персонажи рельефа, разыгрывающие перед нами отведенные им в мироздании священные роли. Вокруг круглого входа располагаются: справа – Великий воин (соединяющий собой верх и низ) и Священный персонаж, а слева – Виночерпий, наполняющий чашу, и собака под ним. Место каждого персонажа фиксируется крестами на окружности входа.

Древний ваятель поместил образ собаки в пространстве между нижним и средним крестом, обозначая зону Страны мертвых (слева и внизу), в которой Священная собака (вспомним Цербера) являлась стражем и проводником попадающих туда душ мертвых. Движение собаки направлено к фигуре Виночерпия, расположенной в левом (отрицательном) верхнем углу напротив срединного креста входной окружности.

Все три человеческих образа рельефа обладают сакральной вещью, объясняющей их социальный (идеологический) статус. (рис.7) У Воина это секира, у Виночерпия – кувшин, у Священного персонажа – чаша, которую ему наливает Виночерпий. В.И. Абаев, размышляя о трифункциональной идеологии индоевропейских народов (жреческой, военной и хозяйственной), приводит ее пример – рассказ Геродота (XII, 54) о том, как персидский царь Ксеркс в начале похода против Греции при переправе через Геллеспонт «после молитвы бросил в пролив чашу, золотой кувшин и персидский меч». Здесь кувшин знаменует богатство (третья функция), меч относится ко второй, а чаша, как и во многих других случаях – предмет культа. Таким образом, заключает В.И.Абаев, дары Ксеркса Геллеспонту без натяжки укладываются в трифункциональную систему (23, с.424).

Расположенные по горизонтали рельефа фигуры Виночерпия, Воина и Священного персонажа воспроизводят слева направо (снизу вверх) конструкцию священных зон мироздания, объясняя через это, композиционную общность Собаки (низа) к Виночерпию, Воина – к Священному персонажу (верху).

У многих народов древности Виночерпий олицетворял ведающего человека, приближенного к энергии, силе, богатству мироздания. Как мы уже отмечали в предыдущих главах, ритуальный пьянящий напиток ассоциировался в архаическом сознании с жизненными соками мира (Мирового древа, земли), идею которого воспроизводила в себе священная ритуальная чаша (нартовская Амонга), вбирающая в себя священный напиток.

Расположенность Виночерпия в левой части рельефной композиции указывает на полюсность его ритуального действия. Являясь хранителем и подателем жизненной энергии мира, он наполняет не просто последнюю, прощальную, поминальную

Чашу мира живых душе, уходящей в мир мертвых, а Чашу-медиатор, соединяющую собой все три мира. Это инициационная чаша причащения к новому бытию переродившейся души.

Эту чашу мы видим в руке Священного персонажа, расположенного в правом верхнем углу рельефа, а значит, представляющего правый, положительный полюс мирового пространства. Но чаша в его руке обращена в отрицательную, левую, сторону, туда, где находится главный герой погребального рельефа – Великий воин.

Изображение Воина в пространстве рельефа четко фиксировано между верхним и нижним крестом входной окружности, что точно передает священный смысл его положения. Воин покинул средний мир (крест), перестав в нем существовать. Положение его фигуры, соединяющей божественный верх и преисподнюю, точно передает текст осетинского обряда посвящения коня покойнику: «...трижды будешь поднят на небо и опущен на землю. Такое чудное движение нужно для перерождения тебя из земного существа в небесное, светлое...» Душа Воина готова отправиться к последней обители, но для этого она должна познать дорогу к ней, получить последнее наставление о том, что она встретит на этой дороге, как ей себя вести и что говорить встречающим ее Там.

Осетинский обряд посвящения коня покойнику (*бæхфæлди-сын*) являет собой древнейший обрядовый текст, подобный египетской и тибетской «Книге мертвых». Покойника тайно посвящали в загробный путь, и это посвящение символизировало конец сознательного, рационального, морально ответственного существования, его добровольное подчинение тому, что встретится по ту сторону бытия.

С рациональной точки зрения, культ мертвых основан на вере во вневременное существование души, но его рациональную основу следует искать в психологической потребности живых что-нибудь сделать для умерших. Именно эта потребность живых и создала удивительные мистические тексты – наставления душе умершего. В тибетской «Книге мертвых» ближайший к умер-

Рис.7. Аланские боевые топоры. IX-X в.

шему человек обращается: «О благороднорожденный (такой-то), настало время искать Путь... Познай себя в это мгновение и останься в этом мире. Я помогу тебе» (70, с.39).

Нам кажется, что подобные слова произносятся и Священным персонажем, протягивающим ритуальную Чашу-медиатор Великому воину и наставляющим его в последний Путь. Но кто же он, этот Священный персонаж?

Авторы предыдущих анализов рельефных изображений аланской гробницы объясняют фигуру обращенного к Воину загадочного персонажа как образ одетого в рясу христианского священника, осеняющего Воина двуперстным крестным знаменем и причащающего его вином (кровью Божьей).

Но внимательный взгляд на этот загадочный образ позволит нам сделать иные выводы. Священный персонаж обращается к Воину в левую (отрицательную) сторону древнего мироздания. Держа в правой (положительной) руке ритуальную чашу, он обозначает левой рукой вытянутые вверх два пальца, т.е. творит какой-то знак, смысл которого в отрицательном, потустороннем. (рис.8)

Ознакомившись в предыдущих главах со значением правой и левой стороны (руки) в теле человека, мы можем утверждать, что архаическое мышление (кстати, как и раннехристианское) строго и точно регламентировало нахождение положительного справа, а отрицательного слева (жизни — смерти, мужского — женского, верха — низа и т.д.). На иконах Богоматерь стоит слева от Христа, а Иоанн Креститель — справа. Погруженное в сакральную знаковую миросистему сознание древнего человека не в силах было нарушить это непреложное правило мироздания. Поэтому предположительный левосторонний христианский двуперстный жест правомерно рассматривать с другой, отдаленной от христианской символики, стороны.

Присмотревшись к «осеняющей» Воина левой руке Священного персонажа, мы обнаруживаем, что она повернута ладонью внутрь. Такое положение ладони бывает в момент показа пальцами числительного от одного до пяти и, по всей видимости, означает число «два». Подобный показ числа «три» можно видеть в сюжете, изображенном на скифском сосуде IV в. до н.э. из Частых курганов, где, по утверждению Д.С.Раевского, прародитель скифов Таргитай назначает третье место (сословие) одному из своих сыновей. (рис.9)

Подобное происходит и в нашем сюжете. Мир Воина после его смерти обозначен двумя сферами (два креста на входной окружности) — небесной и подземной. Это же количество сфер мироздания (два) указывает Воину Священный персонаж, объяс-

няя его положение на момент смерти и начала движения в загробную обитель.

При этом мы уже знакомы с тем священным персонажем алано-осетинской мифологии, который имеет право и власть указывать и назначать Путь душе умершего — это Аминон, ипостась Великой богини-матери. Именно Аминон указывает мужчине-воину во всех его жизненных циклах-инициациях (от рождения и до смерти) те нравственные, духовные ориентиры, следуя которым человек (душа) попадает в светлый Истинный мир (æцæг дуне, стыр дуне).

Но центральной, указующей, ритуальной формой для Воина выступает Священная чаша (Амонга). Именно чаша как символ Мирового древа (Богини-матери), соединяя в себе Верх и Низ, наполняется соками, энергиями Космоса. Чаша для Воина не столько причастие к трансцендентальному переходу, сколько сама идея перехода, пространство и смысл его. Поэтому персонаж, передающий Воину чашу, не только свят для него, но и близок — как мать, учитель, друг.

Если посмотреть на рельеф восточной стены, то нетрудно заметить, что Воин, Виночерпий и даже Собака — носители мужского полового обозначения (штаны, гениталии) и только Священный персонаж одет в широкую прямоугольную одежду, в нижней зоне которой ясно читаются три входящих друг в друга квадрата, центр которых обозначен крестом. Современник этих рельефов бесспорно видел в этом персонаже представителя божественного пантеона, обозначенного символом трех входящих друг в друга сфер мироздания, символом, идентичным трем кругам, трем крес-

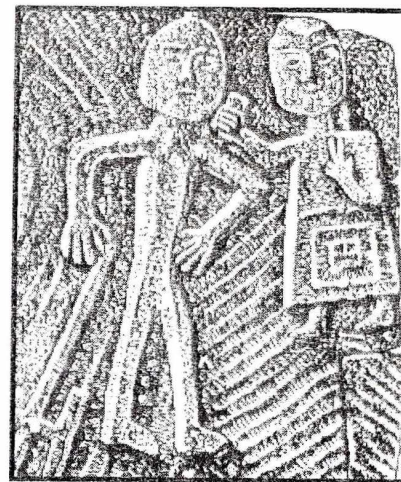

Рис. 8. Великий воин и Священный персонаж. Фрагмент рельефа.

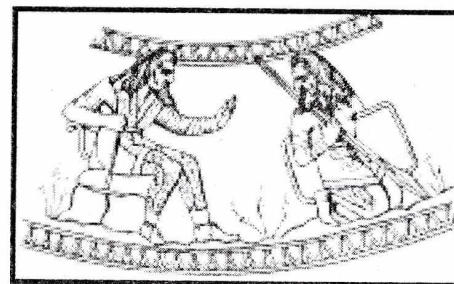

Рис. 9. Композиция на сосуде из Частых курганов. IV в. до н.э.

там входного отверстия. Перед нами знакомый уже священный персонаж североиранского божественного пантеона – Великая богиня, Богиня-мать, Мать-земля.

Но возникают вопросы: как Богиня-мать, хозяйка Преисподней, попадает в верхнюю, надземную, сферу мира? Почему она не встречается, как мы это видели в предыдущих изображениях священной сцены, а провожает Великого воина? В поле этих вопросов мы соприкасаемся с законами древней ритуально-обрядовой магии.

Погребенный в гробницу аланский царь (вождь), возглавляя социум, ритуально вбирал в себя функции Бога-отца или его ипостаси. Через магический обряд священного бракосочетания, символизировавший порождение мира (жизни, солнца, весны), вождь брал себе в жены Великую богиню Мать-землю, хозяйку местности, на которой жил социум, хранительницу его энергии и его защитницу (см. предыдущие публикации). Эти обрядово-ритуальные функции отмечены у скифской богини Табити и у нартовской Шатаны. Но это был инцестуальный брак. Богиня являлась для вождя его священной матерью, вечной матерью народа. Ее место определялось средней зоной мира, в центре социума (крест внутри квадратов), поэтому она естественно занимает правую (положительную) сторону композиции рельефа восточной стены гробницы.

Чаша в ее руке и есть тот священный знак, дающий ей право властвовать над всеми энергиями мироздания, соединяя собой и Верх и Низ. Богиня произносит последние наставления Воину перед его дорогой к Блаженной обители (отверстием гробницы). Так же ведет себя Великая богиня нартовского эпоса Шатана, наставляя в дорогу то мужа Урызмага, то сына Сослана. По сути, текст ее наставления и есть священный текст обряда *бæхфæлдисын*. Отправляясь по ту сторону бытия, Великий воин непременно встретит другую ипостась Богини – хозяйку нижнего мира, а вместе они составят одну суть, одно вечное духовное тело Великой Богини-матери.

В дополнение к этому, вероятно, можно предположить, что архаический Священный персонаж, объясненный нами как аланская Богиня-мать, образно соединяется с христианской Богоматерью, представляющей верхний, небесный мир, но справедливости ради признаем, что это соединение зыбко, хотя в дальнейшем осетинские святилища Богини-матери дойдут до нас под именем *Мады Майрæм* (Матери Марии). Интересно отметить и то, что во время проведения осетинского обряда посвящающий коня – *бæхфæлдисæг*, убежденный сединой старец, произносил формулу посвящения с чашей в руках. Возможно, в отдаленные

времена этот обряд исполнял жрец, посвященный в культ Богини-матери (Аминон).

Итак, мы реконструировали в композиции рельефа восточной стены аланской гробницы развернутую, обозначенную священными символами схему древнего мироздания. Великий Воин стоит в центре этого мироздания, подчиняясь его вечным законам. Круглый вход в гробницу – центр мироздания (лоно Матери-земли). Вся приводимая в рельефе символика воспроизводит образ Мирового древа, по стволу которого передвигаются души вверх и вниз. В нашем случае лаз в гробницу и есть олицетворение этого ствола-дороги, врат в загробный мир к трону Матери-земли.

Центр мироздания – хранилище энергии мира, энергии жизни. Все это прекрасно осознавал древний человек, поэтому-то в композиции рельефа окружность с крестами предстает еще и как символ мирового солнца, подателя энергии, а декоративные линии, расходящиеся от круга по всему рельефу, и есть волны этой великой энергии. Мир целен, цикличен, а значит, в любой его сфере мы обнаружим действие тех же священных законов.

Давайте обойдем гробницу и посмотрим, что происходит в сюжете рельефа, ее западной, тыльной стороны, воплощающей в себе образ потустороннего, загробного, мира. (рис.10)

То, что предстает нашему взору, во многом повторяет текст осетинского обряда *бæхфæлдисын*, изобразительно напоминая исследованную нами в предыдущей публикации роспись из сарматской гробницы Анфестерия, хотя между ними пролегла бездна времени – тысячелетие.

Как и положено, движение в композиции с загробной тематикой начинается в отрицательную сторону, справа налево. Душа Воина ведет за узду коня, проводника душ в мифологиях индоевропейских народов. В правой руке у Воина – жезл, отличительный знак его положения и знак прибытия к Богине-матери (Аминон). Жезл указывает на висящий в воздухе сосуд, а находящийся перед Воином слуга Богини (виночерпий преисподней, хранитель энергии хтона) протягивает ему чашу, наполненную как бы из этого магического сосуда и, естественно, магическим, омолаживающим напитком мертвых. Правой рукой слуга указывает на висящее над ним солнце мертвых. Еще в XX веке в наиболее глухих ущельях Осетии впереди носилок с покойником катили круглый плоский хлеб, диаметром до полуметра, называемый Соти и символизировавший *Мæрдты хур* (Солнце мертвых). Солнце мертвых упоминается и в речи посвятителе коня, который говорит от имени покойного: «О Бог богов! Дай мне доехать до ворот Барастыра до захода солнца... дай мне взглянуть на солнце мертвых и войти по его лучам в Страну мертвых» (17, с.77). Указывая на солнце мертвых, слуга напоминает

Воину, что он прибыл в Страну мертвых вовремя. Внутри солнца выбит равносторонний византийский крест на голгофе, но здесь этот крест все еще продолжает выполнять функцию древнеиранского солярного символа.

Центр рельефной композиции зеркально копирует изображение встречи Воина и Богини на восточной, лицевой, стене гробницы, только теперь участники встречи поменялись местами. Мы видим зафиксированную обрядовым текстом сцену встречи души

Рис. 10. Западная стена Кяфарской гробницы.

Воина с Аминон. Воина спрашивают о прожитой жизни, не сомневаясь в положительной оценке ответа. Жест поднятой левой (главной для Аминон) руки с раскрытой ладонью как бы приглашает Воина перейти в левую часть рельефа, а с другой стороны, раскрытая ладонь — древнейший символ статичного центра (четыре стороны света плюс один — центр). Древний художник, изобразивший Богиню на восточной и западной стенах гробницы, не изменил ее положения в рельефе по отношению к реальному пространству, окружающему гробницу, подчеркнув этим ее статичность, сакральную незыблемость. Это же состояние подчеркивает и ее одежда. Квадрат (прямоугольник) — основное устойчивое понятие древнего мироздания с фиксированной ориентацией по сторонам света. Прямоугольная одежда Богини заменяет ей знакомый нам символ статики в изображениях скифо-сарматских богинь — массивный прямоугольный трон. Мать-

земля незыблема, устойчива под ногами ее детей. Она везде все та же. Мир движется вокруг нее, уходя и возвращаясь к Священному центру. Это движение происходит и в средней зоне жизни и в центре Преисподней, напоминая нам, что все центры Матери-земли пронизывают священное Мировое древо, ее основной символ.

Именно этот архаический символ и воспроизводит висящая за Богиней надочажная цепь с кипящим котлом как олицетворение жизненной энергии Мирового древа. В одном из балкарско-карачаевских нартских сказаний говорится, что «покуда в доме Алигата — в доме старшего над нартами рода, — на святой цепи котел висит прикован, будет крепко племя славных нартов» (46, с.15). Не забудем, что местонахождение аланской гробницы сегодня заселено карачаевцами, объясняя пути распространения аланского эпоса.

Как и положено в священном сюжете, Богиня стоит у символа Мирового древа, накрывающего своей сакральной защитой потустороннюю обитель нартов, место вечного блаженства погибших воинов. Поэтому фигурку в конце рельефной композиции западной стены, повернутую вправо и окруженную атрибутами застолья, можно рассматривать как образ Барастыра — хозяина рая нартов, приветствующего прибывшего к нему воина, а можно представить и самим Воином, благодарящим Богиню-мать за обретение рая. Последнее более предпочтительно, так как завершает трехфазное отображение Великого воина в композиции рельефа. Над правой рукой последней фигурки рельефа нависло стилизованное изображение птицы (образ ее можно встретить и на других стенах гробницы). Птица, медиатор между Верхом и Низом, возвращает движение в композиции рельефа верхней плиты западной стены к центру, к фигуре Великого воина, а вся композиция имеет смысловую опору на нижней плите в изображениях двух обращенных друг к другу фигурах священных собак — стражей Страны мертвых, а значит и самой гробницы.

Священный персонаж, с которым связана душа Воина, обозначен нами как Великая богиня-мать (Аминон), но в то же время мы прекрасно понимаем, что скульптор, изобразивший ее, оставил нам слишком мало информации о ее женском начале. Наша уверенность основывается на более существенном материале, на структурной идентичности священных текстов изобразительной композиции рельефов Кяфарской гробницы с исследованными нами ранее скифо-сарматскими священными сюжетами. Этот повторяющийся через тысячелетия сакральный для североиранской этнической культуры сюжет убеждает нас в правильности высказанного вывода о наличии в нем образа

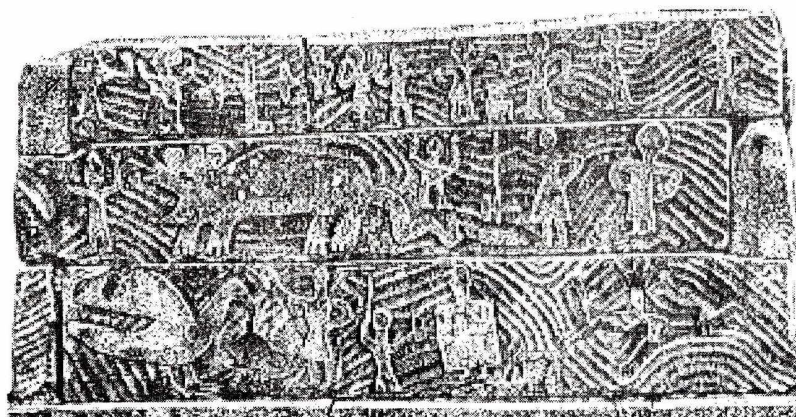

Рис. 11. Южная стена кяфарской гробницы

Священной хозяйки нижней зоны мироздания, Великой богини-матери (Аминон).

В дополнение к нашему анализу рельефных изображений Кяфарской гробницы посмотрим вкратце и на ее боковые стены. Гробница, ориентированная по оси восток — запад (восход — заход, правое — левое, жизнь — смерть), своей северной стороной воспроизводит весь цикл мироздания в его эволюционном движении справа налево. Южная сторона отображает тот же цикл, только окрашенный в отрицательные тона. (рис.11, 12)

Как мы помним, и северная, и южная стены состоят из трех, поставленных друг на друга монолитных плит. На каждой из плит выбит свой изобразительный текст, но тематическое расположение на плитах обеих стен идентично. Не вдаваясь в подробное исследование священных сюжетов северной и южной стен гробницы, мы только отметим структуру основных тем, проводимых в них. Композиция средней плиты наполнена знаками хтонических сил нижней зоны мира. Если на северной стене это организованное и защищенное собаками-стражами пространство Царства мертвых, то средняя плита южной стены полна анархического хаоса, представленного в виде чудовища, остановить которое может только эпический герой (Великий воин, Батраз, Сослан). Средние плиты обеих стен конструктивно входят в пазы двух плит западной (тыльной) стороны Кяфарской гробницы, идеологически соединяясь с ними, продолжая тему подземной зоны мира. Эти же средние плиты хтоническим поясом отделяют изобразительные сцены из земной жизни Воина от сцен его загробной (райской) жизни. Первые находятся внизу, как сакрально

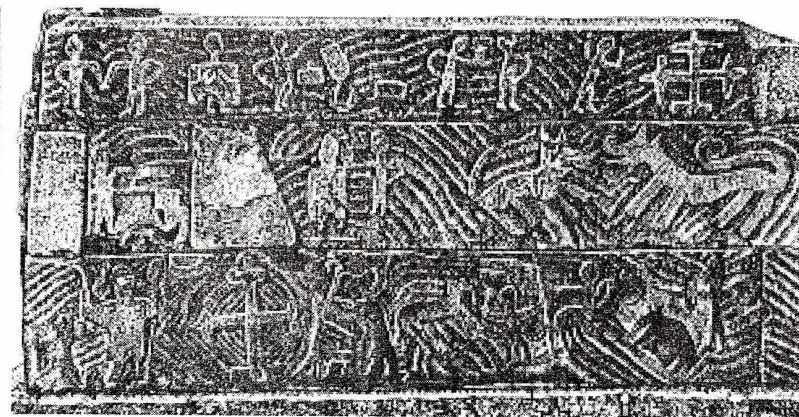

Рис. 12. Северная стена Кяфарской гробницы.

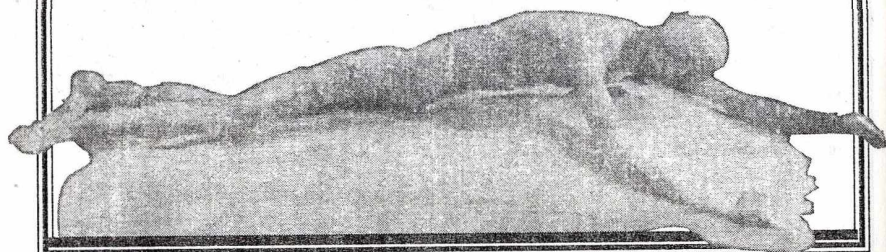
более низкие (приземленные), вторые наверху, как обожествленный блаженный объект — рай. Все вместе рельефы Кяфарской гробницы выявляют знакомую нам основную модель древнего Космоса — Мировое дерево, образом которого и выступает данная гробница. Как и в нарттовском эпосе, у изголовья Великого аланского воина посажена Золотая яблоня, возле которой всегда находится ее хозяйка — Богиня-мать.

Кяфарская гробница возведена на стыке двух эпох. Мир древних цивилизаций покинул поле битвы культур. На арену истории выходят молодые и сильные мировые религии — христианство и ислам. Народы, выстраивающие свою государственность, делают выбор. К ним приходит письменность, наука, цивилизация. Их города и храмы только строятся, а на горизонте уже чернеет тревожное облачко. Скоро с востока послышится топот низкорослых коней и гортанные крики монгольских воинов. Что останется после этих смутных времен от древней североиранской культуры? Что успели мы зафиксировать из ее наследия? Это мы узнаем в следующей главе.

Продолжение следует

Борис АЛБОРОВ

ОСЕТИНСКИЕ
АБРЕЧЬИ ПЕСНИ

В оформлении использована скульптура В. Соскиева «Сон абрека»

VIII. КАКО КИЛЦИКОЕВИЧ ДЗАМПАЕВ

События, послужившие толчком к созданию песни про Како, относятся к 1887-1888 гг. Како родился от второй, «номинальной» жены Килцико. Были у него дети и от первой жены, жива была еще и их мать, однако Килцико объявил, что первая жена его часто болеет, следовательно, плохая работница в доме, и нужно взять вторую, здоровую жену. Како с матерью вначале жили в Ольгинском, в доме Дзуццовых; потом, когда власти настояли на освобождении вторых, так называемых номинальных жен (*potuɪ us*), они переселились во Владикавказ. Отец ничего ему не выделил (как незаконному сыну), и тогда Како увел, в отместку, отцову лошадь с мельницы. Мать его, Соти, беднячка, красавица, но несколько забитая, туалка по происхождению (из Ксанского ущелья), вышла за грузина-плотника.

Како уже исполняется 20 лет. К тому, что зарабатывал отчим, Како на двух арбах прирабатывал честным трудом на кусок хлеба. Ни в чем предосудительном не был он замечен и во время пребывания в Ольгинском. Только у Алдатовых, говорили, он выкрал коня и с золотой насечкой пистолет — и то в отместку. Он был хорошим

Продолжение. Начало см. «Дарьял» 1, 2 '98.

работником, сильным, смелым и храбрым сельчанином: бывало, чуть свет он встает и идет безбоязненно на полевые работы, в лес за дровами. Во Владикавказе Како занимался извозом: он отвозил товар на арбах в Грозный, Петровск, Тифлис и др. города и села.

Началом его преступной деятельности стало следующее событие. Во Владикавказе, на углу Осетинской и Церковной (ныне Веры Тибиловой) улиц, в собственном доме жила фрейлина, вдова бывшего Начальника Терской Области Нестерова. Она слыла в городе большой богачкой. Како с девятью товарищами (из которых трое были осетины, а остальные грузины), подкупив горничную фрейлины, напал на квартиру Нестеровой. Связав почтенную, 55-летнюю даму веревками, грабители забрали в мешок все, что им попало: ценного: золотые кубки, чайник, посуду, деньги, бриллианты и т. д., и направились в лес, к Сапитской будке. Здесь они поделили награбленное. Налет был совершен так умело и быстро, что грабителей не удалось ни задержать, ни обнаружить.

Окрыленные успехом, грабители через 2-3 недели сделали на квартиру Нестеровой второй налет, но менее удачный: забрать им ничего не удалось — очевидно, хозяйка опознала кого-то из участников ограбления и подняла крик. Грабители, видя, что она их может выдать, убили ее и скрылись. Утром принесший корреспонденцию почтальон обнаружил труп ее во дворе и сообщил об этом полиции. Таким образом, Како принял активное участие как в ограблении, так и в убийстве Нестеровой. Об этом известно было и его односельчанам-ольгинцам, но никто его не выдал, и дело бы кончилось опять благополучно, если бы всех их не выдал один грузин, участник ограбления и убийства, получивший при дележе награбленного меньше остальных. Пошли обыски и аресты. Арестовали, судили и сослали в Сибирь всех участников налетов, за исключением Како, который успел бежать в абреки и, пользуясь сочувствием населения Ольгинского и других селений, до поры до времени находился в полной безопасности.

Но скоро ольгинское сельское начальство — старшина Годжа Мамуков и его помощники Дзабо Алдатов и Дзекко Таучелов — получили секретное предписание об аресте Како Дзампаева. Начальство принялось за работу с большим усердием: за такую удачно выполненную миссию можно было ожидать монаршей милости — медной медали, а это по тогдашним временам для рядового осетина было большой наградой.

Како имел в Ольгинском просватанную невесту, некую Гагоеву, и часто прибывал сюда на свидание с ней. В одно из таких посещений он попадает к Дзуццовым на свадьбу, к которым племянник их, некий Фриев Бечир, привез похищенную девушку. На награбленные деньги Како обильно угощал аракой односельчан и конфетами девиц, а когда Фриев Бечир взял свою жену домой, то Како сопровождал свадебный поезд до Беслана и во дворе Фриева, просверлив во многих местах длинный шест (*xosu qil*) и всадив в от-

верстия восковые или стеариновые свечи, устроил роскошную иллюминацию.

Здесь Како узнает об аресте своих товарищей и отсюда бежит в старый Батакюрт. Временами он незаметно пробирался в родное село Ольгинское на свидание с друзьями и невестой. В Ольгинском останавливался он у Кокаева Сосланбека.

Однажды, во время весенней пахоты, он таким же образом тайно пробирался ночью в Ольгинское в сопровождении своего покровителя Сосланбека Кокаева. С ними случайно встретились сторонники местной власти — Таучелов Хато и Алдатов Дани, которые везли брагу и хлеб для заночевавших в поле пахарей. На вопрос Таучелова и Алдатова: «Кто вы?» — Како спокойно ответил: «Свои», — и пошел с Сосланбеком дальше. Пропустив их, Дани и Хато повернули обратно в село и сообщили помощникам старшины — Дзабо Алдатову и Дзеко Таучелову о том, что Како появился в пределах села Ольгинского. Те, в свою очередь, не замедлили об этом сообщить старшине Годжа Мамукову. Ничего не подозревая, Како наносит обычные у осетин визиты ближайшим соседям — Гуриеву Алекси, Дзуццову Иналдыко и двоюродному брату своему Габату Дзампаеву, у которого он неоднократно останавливался на ночлег. Против Дзуццовых, там, где в настоящее время живет один из младших сыновей Агса Дзуццова-Баева, Како имел свой участок земли, огороженный плетнем. Сельская власть засела за этим плетнем в надежде подстрелить или поймать живым Како Дзампаева. Но этого им сделать не удалось: Како вовремя был предупрежден об опасности и успел бежать.

Ровно через месяц Како в сопровождении неизвестного нам односельчанина, своего покровителя (fysym), обязанного охранять гостя (uazæg), опять появился в Ольгинском, стал наносить обычные визиты и напоследок заночевал у Габата Дзампаева. Сельской власти дано было знать об этом. На рассвете дом, где ночевал Како, был оцеплен. Раздались выстрелы и крики тревоги (fædis)). Однако Како и на сей раз удалось прорвать цепь и бежать. Товарищ его попался в руки властей и был избит. Между тем Како со двора Габата Дзампаева перескочил во двор Азнауровых (Xilakh), отсюда во двор Дзахотта Дзуццова, затем, пересекши соседнюю улицу, через двор Гоби Тарханова бросился через сады в сарай Тетермазовых и здесь скрылся в их закромах (gon).

Самые тщательные обыски как в саду Тетермазовых, так и их соседей Зугутовых, не дали никаких результатов, и представители власти разошлись. Како же спокойно сидел в закромах. Были люди, которые видели, где спрятался Како, но не выдали его. К числу их принадлежала и мать Дзамболата Тетермазова, истая осетинка, старых нравов женщина, и его невестка. Когда последняя указала старушке на местопребывание Како, та подошла к закромам и жестами дала знать, что «еще не следует подыматься»; когда опасность миновала, она снова подошла к Како — с бокалом араки и

кусом хлеба — и предложила ему поесть. Через некоторое время, убедившись в полной безопасности абрека, она в третий раз пришла, известила Како об этом, но посоветовала все-таки переждать до вечера и тогда бежать.

Како, оценивая все сделанное им с точки зрения взглядов того времени, спокойно ответил: «Кому что я сделал, за что меня преследуют ольгинцы?» — и, не дожидаясь вечера, перешагнул через плетень сада Тетермазовых в сад Зугутовых, откуда направился к Камбилеевке, чтобы перейти ее и укрыться в Ингушетии. В это время его увидела Гудзы Дзулаева, недовольная тем, что в ее кладовой искали Како. Она ходила по воду и, как только прибыла домой, сейчас же сообщила о Како Таучеловым. «Вот теперь-то извлекайте его из моей кладовой», — бросила она упрек Таучеловым.

Како, между тем, перешел Камбилеевку и направился к Назрани, чтобы укрыться у своего друга Солаки. Пройдя немного от реки, он натолкнулся на своих односельчан Хадикова Текка и Тарханова Бето, которые занимались извозом и ехали на своих арбах. Как только они увидели Како, Бето предложил Текка отпрячь лошадь и верхом на ней скакать в канцелярию села. Текка так и сделал. Поднялась тревога. Како видит, что ему не добежать до Назрани. Он сворачивает к ближайшему ингушскому хутору на берегу Камбилеевки, ныне не существующему. Здесь он залезает в фамильный склеп Парсиевых и готовится к бою. Како окружен, но ближе ружейного выстрела никого к себе не подпускает. Почетные старики села Забе Арчegov, Гадын Калманов и др. просили его не бояться, сдаться на милость начальства, выйти для переговоров. Доверившись увещаниям старцев и полагаясь на их авторитет, Како вышел из склепа, но надежды его не оправдались. Обычное уважение к старшим было нарушено: Борсиев Дзакко выстрелил в Како, но промахнулся. Како, видя, что в склепе ему все равно долго не удержаться, так как может истощиться запас патронов к берданке, решил умереть смертью отважных в открытом бою. Он перешел реку и двинулся по направлению к Ольгинскому. Говорят, что он направился к Ольгинскому для того, чтобы по дороге раздобыть патроны, которые у него, будто бы, были закопаны за селом в навозе. Этот слух держался среди сельчан настолько упорно, что спустя еще долгое время после событий люди выходили за село и перерывали навоз с целью найти эти патроны.

По дороге Како бросил свой кошелек встретившемуся пастуху-горцу и попросил за это сложить про него песню.

Следуя в село, Како держал на почтительном расстоянии своих преследователей: милицию, состоявшую из ингушей под начальством Милихо Базоркина, и сельчан-ольгинцев. «Зачем вы меня ловите, стреляете в меня? Кому что я сделал?» — кричал ольгинцам Како. Только одну паршивую лошадь украл у Алдатовых и то в отместку за то, что они до этого выкрали у него тюк (bardzi) мануфактуры, который я вез в Грозный, зарабатывая извозом.

Между тем собралось все Ольгинское от мала до велика – посмотреть на невиданного героя. Далеко не все сельчане были на стороне властей и потому действовали против абрека пассивно, а то и вовсе уклонялись от действий, с одной стороны сочувствуя ему, а с другой – боясь мести его родственникам. Видя это и желая заслужить милость начальства, Газданов Гнац, племянник ингушей Цуровых, верхом на лошади поскакал в близлежащий милицейский пикет, где стояла сотня ингуша-полковника Милихо (по-ингушски Билихо) Базоркина. Милиция под личным командованием полковника Базоркина явилась на место перестрелки. Стрельба сразу же усилилась. На предложение сдаться Како отвечал выстрелами из бердана, прося осетин не ввязываться в перестрелку и заявляя, что предпочитает смерть позору. Вскоре Како был ранен в кисть левой руки. Како кладет бердан на локтевой сгиб для прицела и выпускает заряд за зарядом, напевая хвалебную песнь в честь Уастирджи, бога-покровителя правых и обездоленных, прося у него защиты в неравном бою. Заменяя патроны, он круче повернул к селу, чтобы сократить путь. Он дошел до того места, где в настоящее время живет Дзгоев Идарыко. Место это было тогда вспахано. Како здесь на миг остановился. В этот момент к нему приближается двоюродная сестра Залухан. Како кричит ей, просит не подходить близко, чтобы ее не подстрелил кто-нибудь. Тем не менее она подскакивает к нему, и происходит трогательная встреча. Како стоял, как богатырь, без черески, в одном черном бешмете, заткнув полы бешмета за пояс и перевесив через плечо пантронташ. Он попросил у нее пить. Она быстро достает чашку воды и дает ему, упрекая ласково, что «не следовало ему возвращаться обратно в село, раз он решил бежать». Оказывается, к этому моменту, кроме кисти руки, у него были прострелены оба колена, но он держался молодцевато, и на упреки сестры возразил: «От этих твоих слов пользы уже никакой не будет, сестра! Не говори ничего, не плачьте обо мне, а воспойте меня под аккомпанемент фандыра». В это время подбежали попроситься с ним и выразить этим свое сочувствие еще две женщины-соседки – Бабал Тарханова и Кизги Аликова. Наблюдающей публике показалось, что Залухан поднесла Како патроны. Но патронов-то как раз у Како уже не было. Он спокойно направился в село. Село кончилось тогда на том месте, где в настоящее время живет сын Дауита Джидзалова – Керим. Напротив был дом Килцико Дзампаева. Како счел для себя позором укрываться в чьем-либо доме и, видя неизбежную гибель, взобрался на холм перед домом Дауита Джидзалова, оглянувшись как бы в знак последнего «прости» на свое село и на плачущих женщин, размахнулся своей берданкой и швырнул ее в преследователей. Тоже самое он проделал со своим кинжалом, причем ранил одного милиционера. На безоружного сразу же напали ингуши и засекли его шашками до смерти. Милихо Базоркин не отстает от милиционеров: он отхватил шашкой у Како одно ухо за то будто бы, что Како когда-то убил его родного брата. Убийство счита-

ется отомщенным, если срежешь убийце ухо и посвятишь его убитому на могиле. Айсат Цаллагова бросилась к разошедшимся ингушам, отняла у них шашки, а затем прикрыла труп своим платком. Только тогда ингуши оставили труп убитого разбойника. Односельчанин Закар Дзуццов подбежал к нему и хотел закрыть его глаза, но брат его Пси отдернул его руку с возгласом: «Не навлекай на себя гнева властей». Тогда подошли Залухан Дзампаева и Айсат Цаллагова и закрыли Како глаза.

Ночью труп Како остался на улице. Наутро, часам к 12-ти, пришло следствие и состоялось вскрытие его. Чтобы не навлекать на себя гнев властей, Дзампаевы заявили, что они не считают Како своим родственником – он-де Дзампов, а мы Дзампаевы – и даже не позволили занести его труп в свой двор. Тело занесли во двор их соседа, Афе Айлярова, а затем отнесли на кладбище, куда на похороны прибыл отчим. Из ингушей в перестрелке был убит шурин начальника милиции Базоркина, ранен также один; кроме того, убита одна лошадь и ранена одна. Из кармана Како вынули тот кусок хлеба, который дала ему Тетермазова. Еще и до сих пор в Ольгинском говорят, что Како был с волосатым сердцем (*quyndiyn zærdæ*) Это, мол видно было и при вскрытии. Волосатое же сердце, по представлению осетин, признак неустрашимости. Како был выше среднего роста, прекрасного сложения, шатен, слегка худощав и благороден в обращении. Все те, у кого укрывался Како, – Гуриев Алекси, Дзуццов Заурбек и другие, – были отправлены в ссылку. Вещи Како были проданы с аукциона. Пояс его был куплен Басилом Баевым для своего сына Дзандара за 15 рублей, и был утерян последним во время гражданской войны в 1918 году. На Ольгинское была наложена контрибуция единовременная и пожизненная в пользу сирот и вдов. Кроме легенды о зарытых в поле патронах, говорили еще, что деньги Како остались у Тетермазовых, и что Дзекко Таучелов хотел арестовать его, чтобы избавиться от него как своего кредитора: Како, говорят, ссудил ему крупную сумму денег.

Како стал абреком случайно: его обидел отец, не дав ему ничего и прогнав его с матерью, беззащитной и бесправной номыл-ус; его обидели Алдатовы, выкрав его мануфактуру. За это он мстит и тем, и другим. Во всей своей остальной жизни он – пример воспитанности по обычаям своего времени. Како учтив, приветлив. Население не считает его социально опасным, скрывает его, привечая, как гостя, и обходится с ним даже лучше, чем с обыкновенными грядовыми сельчанами. Большинство населения с трепетом следит за всяким его движением, радуется его успеху, всякий старается тем или иным способом доказать ему свое уважение, особенно женщины, проявившие к нему нежные материнские чувства. Како и сам не смотрит на себя, как на злодея: «Кому что я сделал из сельчан?» – спрашивает он по-детски наивно. Ведь он никого из сельчан не обидел, кроме обидевших его самого, но это он должен был сделать – он должен был отомстить за оскорбление (*xæs rajsyn*),

иначе бы его высмеивали те же самые сельчане. Что из того, что он принимал участие в убийстве Нестеровой? А разве это грех? Ведь она не осетинка. Русская, жена бывшего Начальника Терской Области, часто задевавшего национальное самлюбие Како; ведь это та же власть, которая создала для него такие условия, благодаря которым он оказался сыном номыл-ус – незаконной жены.

В песне встречается целый ряд лиц – Текк Хадиков, Дзео Таучелов и др., к которым он обращается с вопросом: «А что я сделал такому-то?» Всех же ольгинцев за недостаточно выказанное гостеприимство песня называет «Tharan xor Olginckæj», т.е. Ольгинское, обжигающееся таранами. В заключение в песне приводятся слова, обращенные к двоюродной сестре на поле сражения:

Kæugæ myl ma kanut, mæ хотæ,
(Не плачьте обо мне, мои сестры,)

Ma uarzon qaubæstæ!
(Мои милые односельчане!)

Fændyraj myl ærcæhdut,
(Сложите про меня песню на фандыре,)

Æz ma uyn mæ fæstag kaft ærkænon...
(А я вам станцую свой последний танец...)

Барон Иксуль использовал сюжет этих событий и выпустил на немецком языке роман «Названные братья», переведенный также на русский язык. В этом романе изображается дружба Како с другом, ингушским абреком. Причиной их абречества Иксуль выставляет притеснения горцев со стороны казаков. Казакам очень не понравилась такая трактовка событий, и по поводу этого романа была целая полемика в «Обществе любителей казачьей старины», перенесенная и на страницы газеты «Терские» Ведомости».

Како никого из бедняков не обидел, не сделался профессиональным разбойником. Он – разбойник вынужденный. Разбойником сделала его социальная среда и политический строй того времени; он только мстит за обиду. Ограбление Нестеровой покрыло его еще большей славой. Он делается в глазах населения борцом против общественной несправедливости. Таким его рисует даже народный певец-коммунист старик Гатуев.

IX. ГАГУДИ ТЕМБОЛАТОВИЧ АЛДАТОВ

Это было 47 лет тому назад. У жителя селения Ольгинского, раньше называвшегося просто «Хутора» (Uætartæ), Темболата Алдатова было пять сыновей: Дзамболат, Иналдыко, Темирсултан, иначе Гагуди, Дани и Камболат, иначе Трамбо. Темирсултана, нашего героя, чаще звали Гагуди, под этим именем он был восславлен и в народной песне. Детство Гагуди как будто бы не давало оснований думать, что из него выйдет разбойник-абрек. Его рано определили на учение в Константиновское училище во Владикав-

казе, что находилось около нового цирка. Жил он здесь у своей родной сестры, жены Борадзева Сосланбека. Хотя он и не окончил полного курса учения в школе, но по-русски читал, писал и говорил хорошо, и был довольно развит. В школе он научился и ручному труду: он не без успеха делал столы, корыта, арбы и другие вещи, необходимые в хозяйстве осетин, выручал за них довольно различные суммы и, казалось, не было никакого основания для разбойной жизни. Пока он был в Ольгинском, ему с матерью жилось плохо. Отец его умер рано. Алдатовы, хотя их было несколько братьев, были маломощны и жили бедно. Особенно бедно жилось вдове, матери Гагуди, так как обыкновенно на вдов у осетин обращают мало внимания, чтобы их поскорее выжить из дому и таким образом избавиться от лишних ртов. Так случилось и с маленьким Гагуди. Дядя по отцу, Хусина, выбросил его с матерью на произвол судьбы, и они влачили жалкое существование в холодной комнатухе. Маленький Гагуди совершил свою первую, детскую кражу, выкрыв у родной матери 30 копеек, вероятно, на сладости. Будучи учеником во Владикавказе, он часто забегал к сестре своего отца, жене Асахмата Аликова, богатой женщине и что, бывало, попадет под руку, все стащит на те же сладости. Так он приучился понемногу к воровству. Гагуди исполнилось 15-16 лет, когда он, бросив школу, вернулся в Ольгинское. Он был уже достаточно взрослым – с точки зрения осетин; видит все, что происходит вокруг, и живо все воспринимает. Что же видит он вокруг себя? Нищету непроглядную. Все, не исключая и его родных братьев, борются за свое существование всякими правдами и неправдами. Земли в Ольгинском достаточно, но нет живого инвентаря, чтобы ее обработать, нет семян, чтобы ее засеять, а собранного с пашен хлеба еле хватает на пропитание; да еще часть его нужно продать за бесценок, чтобы уплатить царские налоги. При таких условиях единственным и верным средством к существованию являлись воровство и разбой на большой дороге. Дом Алдатовых в этом отношении не представлял исключения. Гагуди наблюдал такие налеты и сам, а иногда бывал и непосредственным участником их.

Однажды братья Алдатовы взялись пасти общественный табун в компании с сыновьями Ибакка Дзуццова. И село не без основания говорило, что табунщики сами сплавляли часть коней из табуна, порученного им, в Ингушетию. Гагуди был свидетелем такой картины: ингуш пригнал к ним ворованного быка и продал его Алдатовым и Цалоевым, что называется, «задарма». Они закололи быка у Алдатовых. Мясо его спрятали здесь же. Об этом и о других подобных случаях знало все село, но никто их не осуждал, потому что такое считалось в порядке вещей. И другие практиковали то же самое. Это считалось удальством. Мог ли Гагуди быть другим, чем та среда, в которой он вращался? Конечно, нет, потому что сами воззрения народа в это время были таковы. Не будешь, как все, не будешь пользоваться общественным уважением. Живой и бойкий

Гагуди не замедлил показать свою удачу: он узнал, что в доме Гоби Тарханова имеются дорогие женские нагрудные крючки и 180 рублей деньгами. В одну ночь он прорывает под фундаментом дома, где хранились ценности, лаз, пробирается в дом и забирает их. Нагрудные крючки он позднее возвращает их владелице, а 180 р. дает своей снохе на хранение: «чтобы никто ничего о них не знал». Однако о виновнике кражи было узнано: хозяин пустил слух, что денег у него забрано не 180 рублей, а 400, и дело пошло так, что Алдатовы заплатали пострадавшему 900 рублей.

Следующий «подвиг» его был еще менее удачным. Среди бела дня он угнал (askhæfta) коня Куку Мамукова. Погоня его нагнала и избила немилосердно, а брат Дзамболат пырнул его кинжалом меж лопаток то ли за то, что он попался, то ли за то, что осрамил своих братьев. Его посадили во Владикавказскую тюрьму, где и залечилась его рана.

По выходе из тюрьмы он с несколькими товарищами, из которых один был Ватаев Маси, его одноклассник, напал на Военно-Грузинской дороге на гармониста-грузина Сабагулова, убил и ограбил его. Гагуди был арестован, но вскоре освобожден, а затем вновь арестован и судим. Его приговорили к ссылке в Сибирь на семь лет, и он в ожидании отправки сидел в тюрьме. Здесь он пользовался среди заключенных большой популярностью. Открыл в тюрьме лавку для заключенных, где торговал сахаром, иголками, хлебом. Все это сам брал в кредит. Один из кредиторов, хлебопек-татарин, повздорил с ним на почве уплаты долга, и Гагуди, не долго думая, пырнул его столовым ножом, отчего тот и скончался. Видя, что дела его плохи, Гагуди решил бежать из тюрьмы. Он подговорил к побегу и часть содержавшихся с ним ингушей. Перепилив в окне своей камеры железную решетку, он сделал из холса тюремного тюфяка длинные ленты, свил из них веревку, привязал к оставшейся части решетки тюремного окна, спустил по ней своих товарищей-ингушей, а затем спустился и сам, отобрал винтовку и патроны у часового, убил его и еще трех солдат, ранил 4-х солдат и бежал. Но он был арестован вновь, закован в кандалы и по совокупности преступлений, особенно за убийство часового, приговорен к смертной казни через повешение и отправлен в Грозненскую тюрьму, где находился под строжайшим надзором в ожидании ответа на просьбу о даровании жизни. Как во Владикавказе, так и в Грозном, он пользовался всеобщей любовью заключенных — без различия национальностей. Он хороший малый, разбойником его сделала общественная среда. Что он не был испорченной натурой, об этом свидетельствует характеристика его, данная старым кавказским служакой Козачковским, которую мы позволим себе привести целиком:

«Стройный, типичный горский красавец лет 25-ти, — пишет Козачковский, — Алдатов совершенно не производил впечатления разбойника. Учился во Владикавказе в русской школе и потому говорил хорошо по-русски. Беседы велись через окно одиночной камеры.

Сперва на мои вопросы Алдатов отвечал неохотно, но потом, заметив мое искреннее сочувствие к его положению, сделался откровенным. По его словам, он стал жертвой несправедливости. «От меня, — говорил он, — отняли самым несправедливым образом все, что для меня было мило и дорого. Отняли любимое существо, отняли средства к жизни, отняли имя. Я старался самым законным путем выйти из положения, в которое поставила меня судьба, но все мои старания ни к чему не привели. Озверев, я порвал всякую связь с обществом и начал ему мстить. Мстить жестоко, без удержу, без размышлений. Только в чаду зверства я находил забвение своему горю. Иногда я на мгновение приходил в себя и сознавал тогда, что совершаю что-то ужасное, безрассудное, несправедливое, но не было человека, который бы поддержал меня, а у самого не хватало сил остановиться. Я видел ясно, что моим увлечением люди пользовались для своих корыстных целей, но остановиться не мог. О тюрьме и о той позорной смерти, которая предстоит мне, я никогда не думал. Все это произошло случайно, на самоубийство же я не решался. К смерти я готов и не боюсь ее, но если мне будет дарована жизнь, то я даю слово, что убежав с каторги, я крови больше не пролью»¹.

Тот же самый Козачковский далее говорит о том чувстве благодарности, которое обнаружил Гагуди Алдатов, когда Козачковский предложил ему совместные прогулки за ограду тюрьмы: прогулки Алдатову были воспрещены, очевидно, из предосторожности, ввиду исключительного положения заключенного. «Я предложил заключенному прогулку под своим личным наблюдением. Алдатов изумленно посмотрел на меня, но когда щелкнул замок и отворилась дверь, он тихо заплакал; показались слезы и у меня. Подав друг другу руку, мы долго гуляли до рассвета». Эти прогулки, по словам Козачковского, совершались всякий раз, когда ему приходилось быть в карауле, но Алдатов никогда не пытался бежать, хотя и имел возможность к этому. «Одноэтажное низенькое здание тюрьмы, — пишет Козачковский, — и всего трехаршинная высота ограды при силе и ловкости Алдатова не могли бы служить ему препятствием для побега и, если бы он захотел использовать мое доверие, то перескочить через стену было делом момента. В его положении не могло казаться страшным и находящееся при мне оружие. Однако Алдатов никаких попыток к побегу не делал и не сделал. Я полагаю, — заключает Козачковский, — потому только, что оставался все же человеком, способным оценить доброе к нему расположение. Почувствовав ласку и человечность, человек-зверь успокоился, подвел итоги своим проступкам и раскаялся от всей души. Значит, приди поддержка своевременно — жизнь была бы спасена». Впоследствии, однако, Гагуди Алдатов пытался бежать из тюрьмы; он напал на Грозненскую тюремную стражу, но его попытка закончилась неудачно, и он был повешен

¹Козачковский. Разбой на Кавказе, стр.11.)

(см. корреспонденцию из Грозного о подробностях вооруженного нападения на караул Грозненской тюрьмы – «Казбек», 1883 г., №70).

В Грозном палача не нашлось. Его пригласили из Тифлиса. Он ехал по Военно-Грузинской дороге; навстречу ему были высланы представители Алдатовых с целью подкупить его, но это им не удалось – палач отказался от предложенных ему условий. На казни Гагуди присутствовали следующие ольгинцы: Забе Арчegov, Соск Хадиков, Дзигло Додтоев и Дзамболат Алдатов, брат его. Одновременно с Гагуди вешали и одного русского. Когда Гагуди поднялся на эшафот-лестницу, та выпала из-под его ног. Он поднялся второй раз, обратился с прощальной речью к своим односельчанам и просил передать привет от него товарищам своим – Кукуру Гусалову, Асабе Хадикову, Камболу Канатову и Мисосту Гусалову. «Я полагал, – сказал Гагуди, – что те не преминут повидаться со мной последний раз. Передайте, что умираю не позорною смертью (т.е. безвестно) и чтобы они про меня сложили песню». Старший брат Дзамболат не выдержал этой картины и спрятался в толпе, чтобы не видеть, но Гагуди позвал его следующими словами: «Выходи вперед, не срами и себя, и меня своим малодушием, а то позорно будет и среди осетин, и среди ингушей: я взамен позорного удара солдата предпочел смерть». При этом он трижды призвал в песне имя «заступника храбрых» Уастирджи (Св. Георгий), затем сам на себя накинул петлю и повесился.

Передают, что перед этим палач накинул на него петлю неудачно, – он высвободился и выпал, и тогда сам накинул петлю на себя, а палача оттолкнул с такой силой, что тот разбился насмерть. «И вешать-то не умеют», – промолвил он. «Не оставьте мой труп здесь!» – прокричал он напоследок своим. Труп его выпросили и похоронили в селе Ольгинском.

Х. ГУДСКИЕ АБРЕКИ

Бесчеловечное отношение царских чиновников и офицеров к горцам, живущим по Военно-Грузинской дороге, справедливо вызывало со стороны последних взрывы негодования и открытые выступления с оружием в руках против своих притеснителей. Крайне ненормальны были отношения эти с самого начала появления представителей русской царской власти в том районе Военно-Грузинской дороги, где жило особенно бедное горское население – это район Гудо-Мтиульский. В бунте мтиулинцев против власти принимают активное участие и осетины указанных районов. Нападают Гудские осетины на русских уже в 1804 году¹. Вот как описывают мтиульцы свое безвыходное положение и причины восстания: 1) «В нестерпимый для человека холод заставили нас от Степан-Цминды (Казбека) до Ананура сгребать страшный снег и расчищать дорогу; 2) На этой же нами

сделанной дороге образовалась от дождей грязь; нас заставили срубать хворост и бросать в эту грязь; в настланном таким образом хворосте завязла нога казачьей лошади, и за это стали бить нас плетью и убили 2 человек – гудомакарца Чохели и лагадхевца Джаунаридзе; 3) Пошел снег и занесло нами же сделанную дорогу; для расчистки ее нас согнали в такую пору, когда падал завал, обещая верную смерть. Завал тронулся и чуть не задавил нас, но Тимофей (наблюдатель за работой) опять пригнал нас, колотя шашкою; когда завал пошел и мы со страху бросились друг на друга, Тимофей и трое из наших были раздавлены; 4) Пришли 80 солдат и 12 конных казаков; на их продовольствие требовалось в день – на солдат 10 голов скота, на казаков 2; кур, сыра и масла кто сосчитает? 5) На лошадях и быках от перевозки тяжестей не осталось и кожи, а платы нам не давали; раз только выдали по рублю. И это мы стерпели; 6) Двух женщин запрягли в сани, а солдаты сзади подгоняли женщин плетью; 7) Обожгли 4 горна извести; 8) Погнали в поход вперед всех мтиулетцев, за ним ксанское войско, позади солдаты; так окруженных и с битьем нас хотели погнать в Россию. Женщины и малолетки носили известь на постройку мостов; 9) Тарханство на 7 лет с клятвою обещали, но и одного года не подождали. Вместо положенных овец, баранов, масла и проч. взяли с них деньгами за 2 года; это им было не под силу, и взяли их серебро из церквей, считая за овец 1 р., за барана 80 к., за масло 80 к., за сено 5 код ячменя и за 1 хлеб (печеный) по 1 р.; 10) Ячмень, хоть 1 кода, забрали бесплатно; 11) Ячмень и сено брали бесплатно, лошадей без прогонных, курьеров отправляли на их лошадях.

Доведенные до полного отчаяния такими несправедливыми поборами мтиульцы предпочитают, чтобы они были «поглощены какой-либо внезапной болезнью». «Мы не хвалимся силою, – пишут они, – чтобы воевать с русскими, мы все до единого остановились на том, что если никакая другая напасть не постигнет нас, дабы избавить от нестерпимой горести, то зажечь своими руками дома, жен и детей загнать туда и самим броситься, и так сгореть. Мы предпочитаем умереть, чем мучиться, ждать смерти от плетей и видеть позор наших жен». Далее сообщается в этом документе, что в одной Мтиулетии умерло от побоев 23 человека.

Не лучше было и положение осетин, живущих в ущельях, соседних с Гудским. Так, по показанию одного осетина Ксанского ущелья, Шанше Эристов берет дочь одного из ксанцев, за что мстит жестоко жениху ее ксанцам¹. Особенной наглостью отличались действия капитана-исправника Ананурского уезда. Чтобы понять настроения придарьяльских осетин, необходимо привести документ, характеризующий его деятельность: «Прибыв он перед сим в Жамури, – говорится в этом документе, – поймал осетинцев и, наливши в корыто, в коем кормят собак, молоко после сыра оставшееся

¹Акты Кавказ. Археог. Комиссии, т. 1., стр. 313.

¹Акты Кав. Арх. Ком. Т.1, 549.

и, побив кошек, поклат в нее же, да так же положил туда кал человеческий и так их накормил. У оных же осетин сжег восемь домов, где сгорело 300 код ячменя». Но этих издевательств для царского сатрапа было мало. Он забирает у населения 350 ароб, 211 рабочего люда, 23 коки вина, 50 код ячменя, 147 куриц, 7 ф. коровьего масла, 1 поросенка, 34 арбы для перевозки сена бесплатно и 2 р. 20 к. серебром¹.

И в последующее время жизнь придарьяльских осетин не улучшилась ни в каком отношении. У администрации остается прежний взгляд на них, как на хищных, разбойников. «Горские жители мусульмане и осетины, — пишет ген. Ермолов к князю Лобанову Ростовскому в 1822 г., — провозжая издревле хищную жизнь, соответственную их местопребыванию, характеру и нравственности, вовсе не признают воровства преступлением, а особым молодечеством и хватливостью².

За это «молодечество» власть сурово карает их. Так, за 6 голов пропавшего рогатого скота арестован и посажен в тюрьму осетин Саамашвили с 9 другими осетинами, знавшими, но не объявившими о сем происшествии исправнику; двое из них умерли в тюрьме, а 8 человек Тифлисский уездный суд приговорил к 80 ударам каждого, а прочих к 20 ударам; из коров оказалась зарезанной только одна, остальные были возвращены.

На эти жестокие мероприятия обращает внимание даже прокурор Чилиев. «Нельзя не заметить, — пишет он ген. Ермолову, — что за одну корову 2 человека уже померли в тюрьме, остальные 8 человек уже 5-й месяц томятся под стражей. Осетина, конечно, не жаль как осетина, но нельзя не жалеть его как человека, нельзя не жалеть в нем несчастного его семейства, жены, детей, отца и матери, особенно, когда причиной гибели его оказывается самый обряд нашего судопроизводства, не всегда приличествующий к состоянию их необразованности³. Однако и «гуманные» меры прокурора Чилиева не отличались особой мягкостью: он предлагает за первое воровство и похищение взыскивать с виновного от 5 до 100 р. сереб., за маловажную драку предлагает наказывать на месте от 20 до 80 ударами плетей с соответствующим штрафом в пользу потерпевшего.

Такое ненормальное отношение со стороны русского начальства к гудцам довело их до полного отчаяния, и они уже открыто выступают против своих притеснителей. Русское военное командование отвечает им тем же. На помощь гудцам приходят и туалыцы, в том числе и туалыцы Северного Кавказа, «подстрекаемые якобы Шамилем». На них бросаются большие военные силы, уничтожаются жилища и башни вплоть до Тиба. Однако восстание разрасталось и, по признанию начальства, принимало политический ха-

¹Акты Кавк. Археог. Ком. т. 1, 599, стр. 305.

²Акты Кав. Арх. Ком. т. VI, ч. 1, стр. 53.

³Акты Кав. Арх. Ком. т. VI, ч. 1, стр. 55)

рактер. Так расценивает это движение ген. Головин в своем рапорте от 8 января 1841 г. №15: «Шайки, — пишет он, — растут численно, и к ним присоединяются целые селения, и пренебрегают властью, и легко принимают характер политический». Военными операциями против осетин руководил кн. Андроников. Последней «шайкой», на которую он бросил свои войска, была организация гудских абреков. Это случилось в 1841 г. По официальному сообщению, «они окружены и заперты были в скале, куда они перенесли запасы из разоренной ими небольшой деревни Хати-Сопели». Другая официальная справка: «Для истребления этой малой шайки послан состоящий при корпусе кн. Авалов с командой из 30 человек грузинского линейного № 17 батальона при одном горном орудии; сие необходимо по крепости и недоступности местоположения». Им приказано было разметать башни села до основания, что они и выполнили, но уничтожить абреков им не удалось.

Гудские абреки были очень видные абреки. Они грабили не только пассажиров, но и казенную почту, следовавшую с охраной казаков, при этом не останавливались и перед убийством офицеров. Однажды они убили одного молодого офицера при следующих обстоятельствах. Из группы выслан был на дорогу один с целью грабежа. Он напал на упомянутого офицера, но не ограбил его, пожалел. Старший группы рассердился из-за этого и направился сам к офицеру, ограбил его до нитки, да еще срубил ему голову. По преданию, он все-таки потом пожалел о содеянном: «За то, что убил офицера этого — лишен буду царства небесного» (mërdtam fëndag pë uydzan).

Правительство прилагало все усилия к тому, чтобы изловить их, но ничего не могло поделать, так как население родного села укрывало их. Предание живо сохранило, как правительство вынуждено было направить против них большую войсковую часть с пушками, как абреки заперлись с семьями, детьми недалеко от своего села в скалистой пещере, заложили вход в нее каменной стеной и отчаянно отстреливались, как они через жителей узнали, что их хотят обложить соломой, дровами и поджечь, и как они ночью бежали в горы.

Однако двое из них — Бати и Suhar — впоследствии попались в руки властей. Казаки и солдаты связали им руки назад и повели их по Военно-Грузинской дороге. По дороге Бати громко поет: «Где ты, наш брат? Поведут нас по местности Гордзле, под большим еловым деревом. Туда к нам на выручку». Тем временем оставшийся на свободе брат следовал за ними на некотором расстоянии. По пению брата он догадался, где нужно напасть на караульных, бросился на них и рассеял, разрезал путы арестованных, сделанные из козьей шерсти, и освободил их. Они бежали и стали опять абречествовать.

По преданию, записанному от Леуана Бегизова, гудские разбойники из пещеры бежали через Кельский перевал в Белую Туалию, но вынуждены были вернуться, так как на перевале выпал глубокий снег. Они спускаются обратно и направляются в Дзимур к То-

гоевым, где прожили некоторое время в их знаменитой башне. Затем под давлением властей они вынуждены были перебраться в Едис к Хила Колиеву (Kolyty).

Бабана Амилахори старается подарками подкупить Хила Колиева, чтобы он выдал абреков, но тот отвергает эти подарки. Тогда прибывают русские войска, и 7 суток продолжается перестрелка между ними и абреками, засевшими в башне. Абреки бросают башню, переходят в Трусовское ущелье, а оттуда в войска Шамиля. Хила с семьей ссылают в Сибирь.

XI. ТАТЕ (САНДРО И АЛЕКСИ)

Все они из Джавского ущелья. Началось это 40 лет тому назад. Поводом к абречеству послужило желание властей забрать их в солдаты. До этого разбоем, воровством не занимались. Они были 25-27-летнего возраста. Одевались хорошо: носили серебряные кинжалы и бухарские шапки. Из них Тате был наиболее смелым и удалым, хорошим стрелком, красивого сложения – грабежом занимался изредка. Действовали они верхом, лошади их якобы подкованы были резиновыми подковами, чтобы стуком копыт не выдавали их присутствия. Часто товарищи Тате появлялись в Цхинвале, пьянствовали и грабили; за это их не любили, но все-таки сельчане скрывали их и, бывало, абреки даже ночевали в селе. В шайку организовывались в зависимости от обстоятельств, причем лица закрывали башлыками.

Раз они забрались к богачам Бураевым. Те дали им изрядно денег, но разбойники, полагая, что получили не все, убили старшего из Бураевых, Гада и вместе с убитой собакой выбросили его на навоз, после чего забрали и остальные деньги.

Ими были убиты Санакоев П. и Алборов П. Наконец, абреки направились в сел. Джави с целью убить старшину Кибилу Санакоева, мешавшего им грабить. Другие Санакоевы содействовали этим трем абрекам, и за убийство Кибилы (по др. сообщениям – священника Санакоева) дали им 400 рублей. Абреки открыли пальбу по дому, где находился Санакоев, но подоспели чапары, и абреки скрылись в лесу. Началась перестрелка, во время которой у Тате сломался боек бердана. Абреки Тате и Сандро были ранены и арестованы; их повели в Гори. Алекси скрылся. Их там судили и повесили в 1892 году. Алекси тоже был убит впоследствии. В наиболее ранней, плохо записанной песне про Тате имеются следующие слова: «Тате сидел на горе и пел заунывную песню со слезами: «Моя маленькая нива!» Раздался выстрел, Тате упал и был унесен рекою Лиахвой. «Сестра моя, надень черное платье».

XII. ИЛИКО (НИКАЛА) ПУХОВ

Блондин. Красавец 57 лет, высокого роста, широкоплечий, с узкой талией. Переодевался в офицерский костюм, носил обувь с рези-

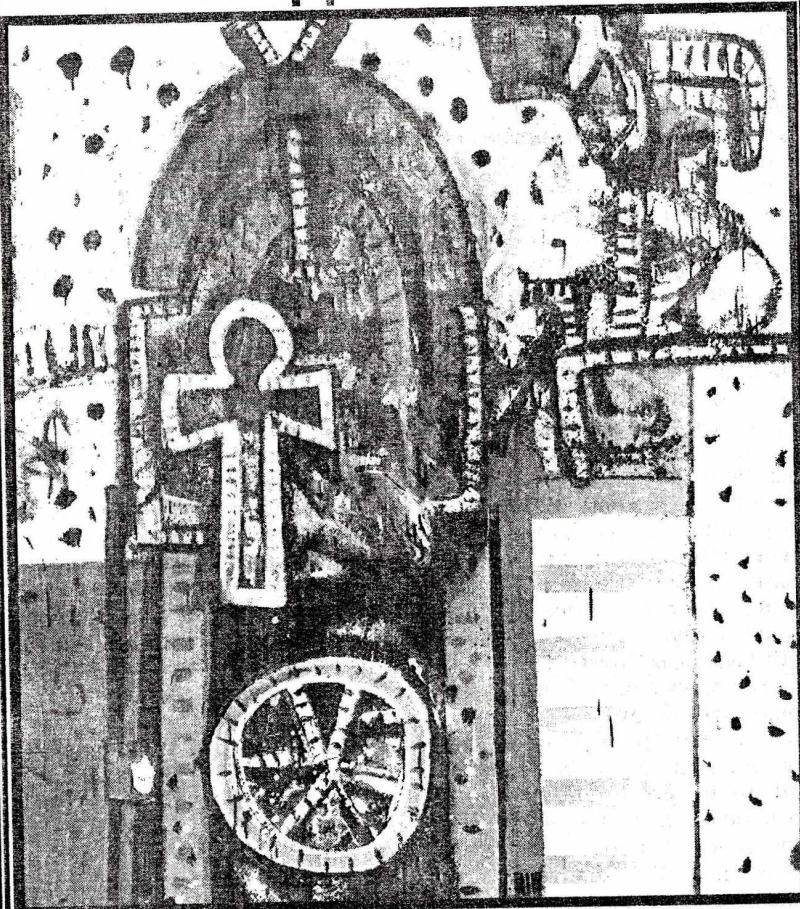
новыми подошвами, чтобы не производить шума. В песне описываются события, происшедшие более 30 лет тому назад.

Ксанки до революции, вследствие своей бедности, имели обыкновение идти в кормилицы (dzidza) к тифлисским состоятельным грузинам, помещикам и дворянам.

Герой песни Пухов Илико (Никала) из сел. Хслити Горийского уезда был не то поваром, не то лакеем в Тифлисе. Однажды в Александровском саду в Тифлисе он наблюдает следующую картину: кормилицы-ксанки, имевшие обыкновение ждать нанимателей в Александровском саду, предлагали себя в наймы в числе 10-20 человек. Грузины, парни из дворян, развратники, подошли к ним и, якобы с целью найма их, стали издеваться над ними, дотрагиваясь до их грудей. Пухов Илико не снес такого оскорбления, ударил одного из них кулаком и убил. Его преследовали остальные по направлению к Давидовой горе. С тех пор Пухов сделался абреком. Он нападал на торговцев, особенно на богачей, торгующих мануфактурой, из-за того, якобы, что они сдирают кожу с бедных. Отбирал у них деньги и раздавал беднякам независимо от национальности; бедняки называли его «матерью», «братом» своим. Илико пользовался большой популярностью среди населения как идейный абрек. Разбойничал он один и только когда нападал на поезд, направлявшийся на Баку или Батум, брал себе кампанийонов из осетин. Между двумя станциями, бывало, он вскочит в вагон пассажирского или товарного поезда, безразлично, лишь бы можно было пожить. Нападения на поезд происходили чаще всего между станциями Гори и Боржомом. Характерно, что Пухов не допускал нападения на беззащитных, особенно женщин. Раз осетинская молодежь на Сурамском курорте ограбила девушек, причем один из грабителей для отвода глаз назвал себя Пуховым Илико. Когда Илико стало известно об этом, он разыскал молодых людей и избил их за то, что они посмели осрамить его; вещи, одежду отобрал и вернул пострадавшим девушкам. У Илико было тонкое предчувствие: однажды, скрываясь со знакомыми разбойниками в железнодорожном бригадном общежитии, он почувствовал, что на них готовится облава. Разбойники бежали. Действительно, через 6 часов нагрянула облава, но никого уже не застала. Илико грабил, но не убивал – ограбленных отпускал. Власти дали распоряжение взять его живым. Это не удавалось. Он угнал скот у одного князя, который обещал хорошее вознаграждение за поимку Илико. Как-то раз Илико улегся спать под высоким дубом в местности Зиулет. Караулить взялся один из друзей и родственников его – грузин, у которого Илико крестил детей. По представлениям грузин, это большое родство, и Илико полностью доверял ему. Но грузин оказался корыстолюбцем и, желая получить деньги и заслужить милость начальства, во время сна выстрелом в голову покончил с Илико.

Продолжение следует

Т.Е.ДЗЕРАНОВ

ВЛИЯНИЕ МОНОТЕИСТИЧЕСКИХ ФОРМ РЕЛИГИИ НА ДУХОВНУЮ КУЛЬТУРУ ОСЕТИН

В оформлении использована картина Алана Дэви «Вход в красный храм»

Историки и религиоведы постоянно обращают внимание на характерную смесь различных вероисповеданий на Кавказе и, в частности, в Северной Осетии. Большинство верующих осетин вплоть до наших дней сохранило приверженность различного рода патриархальным традициям и обычаям, восходящим к древним языческим культам. До сих пор осетины, считающие себя христианами или мусульманами, выполняют обряды и почитают «святые места», посвященные языческим божествам.

В религиоведческих и исторических исследованиях Осетии остаются открытыми важные для нас вопросы: почему ни христианство, ни ислам в Северной Осетии не стали религией всей нации; какую роль в развитии духовно-религиозных процессов в осетинской среде играли внутренние и внешние факторы; в чем причина живучести архаических форм религии у одного из современных народов Северного Кавказа?

Характерной особенностью развития Осетии является то, что предки осетин — аланы еще в средние века (IX–XII вв.) достигли в социально-экономическом развитии уровня феодализма и создали в степях и предгорьях Северного Кавказа раннефеодальное Аланское государство, которое накануне вторжения в Восточную Европу татаро-монгол вступило в период феодальной раздробленности. Как правило, находившиеся на данном уровне развития народы Европы и ближайшего Кавказу азиатского региона переходили от политеизма к таким развитым монотеистическим формам религии, как христианство или ислам.

Выбор религии для алан осложнялся географическим положением страны. «Во второй половине I тысячелетия н. э. Алания оказалась своеобразным буфером на стыке трех классовых религий — мусульманства, насаждавшегося в Азербайджане и Дагестане арабами с VIII в., иудаизма, принятого хазарской социальной верхушкой в IX в., и христианства, прочно утвердившегося в Армении, Грузии и Абхазии в IV» (10, с.306).

Эти формы религии в разное время оказались господствующими в Северо-Кавказском регионе, и степень их воздействия на осетин и их предков менялась. История проникновения в Северную Осетию христианства и ислама достаточно полно освещена в исторической литературе, чего не скажешь об истории проникновения иудаизма и степени его влияния на предков осетин и их религию.

Из сохранившегося до наших дней письма неизвестного хазарского еврея X в. к единоверцам в Испании («Кембриджский документ») мы узнаем, что «...заключил царь (хазарский) союз с нашим соседом, царем алан, так как царство алан сильнее и крепче всех народов, которые жили вокруг нас... Царь алан был подмогою для хазар, так как часть их тоже соблюдала иудейский закон». (9, с. 116–117)

По мнению выдающегося современного лингвиста Абаева В.И. в осетинском языке имеются два древнееврейских слова. Первое слово *kosart* (дигорский диалект) или *kusart* (иронский диалект), что означает «заколотое для трапезы животное», Абаев В.И. выводит из древнееврейского *kaser*, в традиционном произношении *koser* «ритуально дозволенная пища». Второе слово *kæzos* «чистый», «святой» встречается только в дигорском, более архаичном, чем иронский, диалекте, и возводится Абаевым В.И. к древнееврейскому *gados* «святой», «священный» (2, с.331)

Для нас важно отметить, что оба слова являются культовыми терминами, относящимися к древнему, языческому пласту религии осетин. Интересно отметить, что у евреев Кавказа, не знакомых вплоть до XIX века с Талмудом, в отличие от европейских и других талмудических иудеев обряд жертвоприношения «чистых»

животных сохранялся вплоть до 1904 года (8, с. 510). Для жертвоприношений у осетин, как и у древних евреев, употреблялись лишь крупный и мелкий рогатый скот.

Другим культовым термином, связанным с иудаизмом, является *sabatizar* «субботный вечер». Так у осетин называются поминки на могиле недавно умершего, отмечаемые вечером в пятницу. Как известно, иудеи начинают отмечать субботу не утром, а с вечера пятницы, а по Библии день начинается с вечера: «И был вечер, и было утро: день один» (Быт. 1.5.).

Печальная судьба скифов Скила и Анахарсиса, а в более позднее время (ок. V в. н.э.) армяно-малайских монахов Сукиасянцев свидетельствует о том, что предки осетин отводили религии значительную роль в сохранении этноса и в стремлении защитить её от внешних влияний не останавливались перед убийством вероотступников.

Но в период формирования классового общества древние родоплеменные культы не могут удовлетворить новых потребностей общества. Начинается период религиозных реформ. Один путь подобной реформы — это формирование пантеона, в который включаются как старые боги, часто приобретающие новые, не свойственные им ранее функции, так и новые, заимствованные у других народов.

Этот путь прошли в древности народы Индии и, до возникновения христианства, народы Средиземноморья и Междуречья. Второй путь — отказ от политеистических религий и принятие от ранее прошедших этот путь народов развитых монотеистических форм религии. По этому пути пошли большинство европейских и кавказо-иберийских народов, а также турки. С некоторыми оговорками можно утверждать, что развитие религиозных процессов у осетин шло сразу по двум путям.

Для определения степени влияния развитых монотеистических культов (иудаизм, христианство, ислам) на религию осетин необходимо выяснить, какого периода предки осетин вступают в контакт с их последователями, в какой форме эти контакты происходили, насколько сильно они влияли на религиозные воззрения и культ осетин?

Средневековая Алания имела тесные контакты с Хазарией, в которой с конца VIII в. государственной религией стал иудаизм. Мы считаем, что знакомство алан с евреями и иудаизмом произошло раньше этого события. Дореволюционный исследователь истории горских евреев Гершон Мурадов утверждал, что «...горские евреи поселились на Кавказе за 75 лет до Р.Х... Они занимались земледелием, виноградарством и табаководством. В Терской области они владели также лесами и водами. Держа себя

обособленно, горские евреи все же имели некоторые сношения со своими соседями: грузинами, армянами и осетинами» (8, с. 23).

Современные израильские исследователи более осторожны в датировке появления евреев на Кавказе. «Можно со всей исторической аргументальностью утверждать, что в основном кавказско-еврейское туземное этническое ядро сформировалось на Кавказе до оформления и редактирования Талмуда, ввиду чего кавказское еврейство является предталмудическим еврейством» (8, с. 29). Как известно, Талмуд формировался во II-V вв. н.э. Признав факт столь древнего постоянного проживания иудеев на Кавказе, можно осторожно предположить, что еще до начала проповеди христианства на Кавказе предки осетин познакомились с идеей единого ветхозаветного бога от своих соседей — иудеев.

По мнению некоторых современных исследователей, аланы, «благодаря проповедям святой равноапостольной Нины ... были приобщены к учению Христа» еще в IV в. (15, с. 102). Церковные историки в данном случае оказались более объективными, чем светские, и относят начало распространения христианства у алан к VI веку (5, с. 429; 6, с. 23). Но приняли аланы христианство как государственную религию лишь в начале X в. (10, с. 312-315) от Византии.

В VII веке аланы сталкиваются с арабами за пределами своей территории. А с 723 г. мусульманская армия через Аланские ворота (Дарьял) вторглась на Северный Кавказ и на некоторое время захватила Дарьяльскую крепость. Кратковременное присутствие арабов на аланской территории не привело к исламизации населения. Правда, исследователи отмечают, что в Хазарии царская гвардия, насчитывавшая 7 тыс. человек и расположенная в Астрахани, состояла из алан-мусульман. Это были потомки алан, живших ранее за Каспием, принявших там ислам и переселившихся на территорию Хазарии (10, с. 159). Но, оторванные от основной массы соплеменников Кавказа, они едва ли могли оказывать на них какое-либо влияние.

Религиозное сознание и поведение основной массы алан можно охарактеризовать как переходное. Как известно, переход от языческого политеизма к христианству занимал в истории большинства народов длительный период и зависел от поддержки государства. Часто эта поддержка принимала форму репрессий против язычников и вероотступников. Развитие аланской государственности было прервано в 20-30-е годы XIII века вторжением татаро-монголов и включением аланских территорий в состав Золотой Орды, что помешало завершению христианизации алан.

Но аланская православная церковь не погибла. Золотоордынские ханы, в отличие от большинства средневековых правите-

лей, проводили гибкую политику религиозной терпимости, иногда даже покровительствуя христианскому духовенству (14, с. 115-116). В горных районах Алании, сохранивших независимость от Золотой Орды, и население которых еще сохраняло многие пережитки язычества, при отсутствии православного духовенства формируется синкретический христианско-языческий культ. В этих условиях язычники заимствуют у христиан новые понятия, наделяют свои божества заимствованными у христианства функциями и именами: Мады Майрам (Мать Мария), Уастырджи/Уацгерге (святой Георгий), Уацилла (святой Илья), Мыкалгабырта (архангелы Михаил и Гавриил) и др. Эти божества включаются в языческий пантеон. Сохранившихся описаний аланского языческого пантеона мы не имеем.

На основании параллельного анализа исторического и лингвистического материала В. И. Абаев утверждает, что важное место аланском пантеоне занимал культ семи богов. В этом семибожном культе В. И. Абаев выдвигает на первый план культ Солнца и связанного с ним огня. Эти выводы подтвердил археологическим материалом В. А. Кузнецов (1, с. 9-11; 10, с. 284-290). Значительное место в религии алан и их потомков занимает культ мертвых.

Важную особенность религии осетин подметил академик Н. Ф. Дубровин: «Из смеси различных верований и понятий в народе образовалась своя собственная религия, одинаково пригодная христианину, магометанину и язычнику» (7, с. 292). Основными элементами культа являются жертвоприношения богам и совместные трапезы — кувды.

Как правило, все осетинские ритуалы начинаются с тоста-молитвы, обращенной главе осетинского пантеона — Хуыцау. «Хуыцау» не является личным именем и обозначает понятие «бог». Осетины часто называют его Хуыцауты-Хуыцау (Бог богов) или Стыр Хуцау (Великий бог). Затем в строгой последовательности произносятся «тосты» в честь других божеств («святых»).

Как отмечал в прошлом веке профессор В. Миллер, «осетины верят и верили раньше принятия ислама и христианства в одного верховного Бога, пребывающего где-то на небе и управляющего миром. Имя Хуыцау беспрестанно в устах осетина: оно слышится в большинстве пожеланий, которыми так щедро снабжен этикет повседневной жизни ... Но этим, собственно, и ограничивается участие высшего существа в мыслях осетина. Это существо для него слишком далеко, слишком недоступно, безлично и неуловимо: в повседневной жизни счастье и несчастье зависит, по его представлениям, от вмешательства других сил, заведующих разными областями природных явлений и подчиненных высшему Богу» (13, с. 23 9). Именно эта недоступность и

абстрактность Хуыцау дает основание участвующим в кувдах христианам и мусульманам считать, что они молятся своему, библейскому или кораническому, богу и не чувствовать себя вероотступниками.

В золотоордынский период аланы, проживавшие на плоскости повсеместно, кроме Поволжья, относились современниками к христианам. Часть алан, проживавших в Сарае, исповедывала ислам. Возможно, это были потомки тех, упомянутых выше, алан-мусульман, которые в хазарский период переселились в Астрахань из Средней Азии. Можно также предположить, что часть приближенных к ханам алан приняла ислам вместе с татарами.

Многовековая история кавказских алан катастрофически прерывается в конце XIV века. Под ударами войск Тимура в 1395 году погибла Золотая Орда. Разгрому Тимуром Золотой Орды сопутствовало поголовное истребление алан в степях и предгорьях Северного Кавказа. А после отправки Тимуром в 1400 году карательной экспедиции на Кавказ погибла и значительная часть алан-горцев. Из уцелевшей части ранее многочисленного народа алан в ущельях Центрального Кавказа формируется фактически новая народность, вошедшая в историю под именем осетин.

Начинается один из самых тяжелых периодов в истории Осетии. Помимо гибели людей, потери народа в социально-экономической и культурной сферах были катастрофическими: осетины лишились главной производственной базы — равнинной земли, были разрушены их культурные центры — города, вместе с духовенством уничтожена церковная организация, утрачена письменность и многие другие достижения духовной культуры. Сужается круг народов, с которыми осетины поддерживают культурные и экономические отношения.

До XVIII века развитие осетин проходит вне рамок какой-либо государственной организации. Условий для возрождения своего государства еще не было. А сильного соседнего государства, способного присоединить Осетию и ввести на ее территории своё государственное и церковное устройство, не было. Единственным, уцелевшим после тимуровского побоища соседним государством была Грузия. Но ослабленная постоянными вторжениями и междоусобицами, она сама нуждалась в помощи и не могла активно влиять на события в Осетии.

Обезлюдившие степи и предгорья Северного Кавказа XV веке занимают ногайцы и кабардинцы. В XVI-XVII кабардинцы оттесняют ногайцев и становятся хозяевами Осетинской равнины. Под влиянием Крыма и Турции и под давлением своих феодалов часть кабардинцев принимает ислам.

Происходивший в это время в Северной Осетии процесс социальной дифференциации приобретает под влиянием Кабарды

религиозную окраску. «Главари и знатные — суть магометане, а простые крестьяне — христиане» (4, с. 14).

В XVIII веке на территорию Северной Осетии претендовали две крупные державы — Турция и Россия. Стремясь распространить свое влияние на осетин, их правительства использовали религию. Турция через Крым и Кабарду посылала проповедников ислама. Россия по инициативе грузинских эмигрантов создала в 1744 году особую, наделенную широкими полномочиями, миссионерскую организацию — Осетинскую духовную комиссию.

Укомплектованная находившимися на русской службе грузинами, комиссия прибыла в Осетию в 1745 г. Помня о христианском прошлом своего народа, осетины крестились охотно и в большом количестве, не вникая в суть христианского учения и не считая для себя обязательным исполнение обрядов православной церкви. До определённого времени такое положение удовлетворяло царское правительство.

Но, по мере укрепления своего положения на Кавказе, Россия стремится с помощью православия усилить своё влияние на осетин и сделать их законопослушными подданными. С этой целью проводится реорганизация Осетинской духовной комиссии, в 1765 г. при ней в Моздоке открывается первая в Осетии «для осетинских и ингушских и прочих горских народов детей школа» (12, с. 34). Начатое миссионерами дело «христианского просвещения» горцев было высоко оценено Екатериной II: «Нет лучшего способа по обстоятельствам осетинцев и ингушцев сделать их прямыми христианами, к здешней стороне приверженными, как просвещением из них молодых людей».

В конце 90-х годов XVIII века период «христианского просвещения» Осетии прерывается. В 1797 году была закрыта Моздокская осетинская школа, до 1815 года свертывается деятельность Осетинской духовной комиссии.

После присоединения Осетии к России и у русского правительства и у осетин возникали непредвиденные сложности, связанные с религией. Приведём свидетельство генерала Паскевича: «При первом появлении в стране (Осетии - Т.Д.) российских войск под командою генерала Тотлебена, осетины встретили их как избавителей: к ним влекла их христианская вера.

Но как не было взято надлежащих мер к гражданскому образованию осетин, и сверх того, когда они увидели, что русские начали отдавать их на произвол помещиков, то ... они равномерно предались грабёжам» (16, с. II-12).

На протяжении XIX века царское правительство оказывало постоянную поддержку исламизированным социальным верхам Северной Осетии — алдарам и бадиятам. Так, в 20-е годы при организации переселения осетин с гор на плоскость, генерал

Ермолов писал: «Старшины дигорские (бадилята – Т.Д.) опасаются, чтобы народ простой, вышедший на плоскость, не отказался от повиновения им, паче тем из них, которые управляют им, не будучи сами христианами, но вы внушите им, что правительство не лишит их принадлежащих им прав, и простой народ разумеет, что он должен быть им послушен и исправлять повинности» (11, с.125-126). Представители социальной верхушки Осетии, исповедовавшие ислам, получали от царского правительства крупные земельные участки на равнине и различные привилегии. Православное духовенство Осетии выражало правительству недовольство оказываемым им покровительством «магометан», но было бессильно воспрепятствовать этому.

Ситуация ещё более осложнилась с началом Кавказской войны. Как известно, начавшаяся как национально-освободительная, она под влиянием мусульманского духовенства приобрела форму «газавата» – священной войны мусульман с иноверцами. Это оттолкнуло от движения осетин. Но недовольство политикой царизма на Кавказе и зависимое положение христианской части населения Осетии привело к участвовавшим во второй половине 40-х годов случаям «рenegатства» – перехода крещенных осетин в ислам. Обеспокоенный этим наместник Кавказа князь Воронцов предпринимает в 40-50-е годы дополнительные меры в целях подвинуть христианскую веру и уменьшить опасность обращения их (осетин – Т.Д.) в мусульманство» (3, с. 372). Вновь проводится реорганизация Осетинской духовной комиссии; с целью создания национальных кадров священников, организованно проводится набор молодых осетин для учёбы в Тифлисской духовной семинарии. В миссионерской деятельности вновь делается ставка на христианское просвещение. В церковной и общественной жизни этого периода заметную роль играют такие талантливые и самоотверженные люди, как настоятель осетинской церкви Аксо Колиев и епископ Владикавказский Иосиф (в миру Иван Иванович Чепиговский).

После переселения в XIX в. части осетин-мусульман в Турцию, завершения Кавказской войны и отмены крепостного права в России борьба за души осетин между исламом и христианством потеряла свою остроту. В последней трети XIX – начале XX века в центре внимания исследователей религии осетин оказывается феномен живучести языческих верований и связанных с ними обрядов.

Индифферентность основной массы осетин к монотеистическим формам религии получила отражение почти во всех дореволюционных работах, посвященных Осетии и стала преподноситься как исключительная особенность её народа. Фактически на

такую же позицию встали и многие осетинские исследователи советского периода.

По нашему мнению, причину индифферентности осетин к христианству и исламу нужно искать не в исключительности народа, а в особенности его истории; этно-политической, конфессиональной и социально-экономической ситуации на разных этапах развития осетинского этноса. К ним в первую очередь относятся: утрата аланами своей государственности в период их христианизации;

веротерпимость татаро-монгольских правителей;

отсутствие у осетин государственности до присоединения к России;

двойственная политика царского правительства по отношению к осетинским христианам и мусульманам после присоединения Осетии к России;

бытовой характер осетинского язычества и приспособление его к исламскому и христианскому окружению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абаев В.И. Дохристианская религия алан. Доклады делегации СССР на XXV Международном конгрессе востоковедов. М., 1960, с. 9-11.
2. Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. Т. 1. М.-Л., 1949.
3. Акты, собранные Кавказской Археологической комиссией. Т. VII. Тифлис, 1878.
4. Вахушти. География Грузии. Пер. М.Г. Джанашивили. Записки Кавказского отделения Ими. Ружеского географического общества. Т. XXIV, Вып. 5. Тифлис, 1904.
5. Гатуев А. Христианство в Осетии. Владикавказские епархиальные ведомости. 1899, №24.
6. Геден. История христианства на Северном Кавказе до и после присоединения его к России. Москва-Пятигорск, 1992.
7. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1, кн. 1, СПб., 1871.
8. Ицхак Давид. История евреев на Кавказе. Тель-Авив, б.г.
9. Коковцев П.К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932.
10. Кузнецов В.А. Очерки истории алан: – 2-е изд. доп. -Владикавказ. 1992.
11. Материалы по истории Осетии. Т. П, Дзауджикау, 1950.
12. Материалы по истории Осетинского народа. Т. V, Орджоникидзе, 1942.
13. Миллер В. Осетинские этюды. Т. I-II. М., 1881, 1882.
14. Рубрук Гильом. Путешествие в восточные страны. М., 1957.
15. Уарзиати В. Праздничный мир осетин. Владикавказ, 1995.
16. Чудинов В. Окончательное покорение осетин. В кн.: Кавказский сборник, т. XШ. Тифлис, 1889.

В.С. ГАЗДАНОВА

ОБРАЗ УАСТЫРДЖИ

В РЕЛИГИОЗНО- МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ОСЕТИН

В оформлении использована скульптура Сосланбека Едзиева «Уастырджы»

О

дним из самых почитаемых божеств осетинского пантеона является Уастырджы (Уасгерги). В коллективных представлениях осетин его образ однозначно идеологизирован с военной функцией. С этим связывается его роль как покровителя мужчин и путников. Можно предположить, отмечает В.И. Абаев, что популярнейший у осетин христианский «святой» Wasgergi «Святой Георгий», всадник на белом коне и в белой бурке, которого женщины называли «lægty dzwar» – «бог мужчин», унаследовал черты аланского бога войны, которому аланы поклонялись в образе меча» (8, с. 109).

По мнению В.И. Абаева, слово Уастырджы образовано из Was Gergi «Святой Георгий», где was примыкает к мегрельскому Gerge (4, с.56).

Ряд исследователей рассмотрел обрядовую сторону культа Уастырджы в Северной и Южной Осетии (См: 28, с. 210-214).

Ж. Дюмезиль разработал теорию трех функций богов, согласно которой в древнейших мифологических системах можно выделить следующие функции богов: магико-юридическую, являющуюся также мистической и административной; функцию физической силы, то есть военную; функцию плодородия и материального изобилия.

Воплощением трех функций в Ригведе являются, по Ж. Дюмезилю, Митра-Варуна, Индра и Ашвины. Митра-Варуна в Ригведе представляет светлый и мрачный, карающий аспект магико-юридической власти; Индра олицетворяет военную силу; Ашвины везут на своей колеснице богатые дары, исцеляют и спасают людей (13).

Констатация образа Уастырджы как божества – покровителя мужчин, воинов и путников, приносящего успех в военных походах, является функциональной характеристикой, поэтому целесообразным является соотнесение образа Уастырджы с одной из общеарийских трехфункциональных систем. Наиболее подробно функции божеств общеарийской трехфункциональной модели описаны на материале «Ригведы». В других случаях, как например, по скифам, исследователи реконструируют трехфункциональную схему на основе фольклорных и археологических источников, но не описывают непосредственно сами функции.

Уастырджы как покровитель мужчин, воинов, путников должен соотноситься, естественно, с главой ведийского пантеона, божеством войны – Индрой. Однако изучение материалов осетинского фольклора показывает, что при общности многих черт Уастырджы и Индры, функции Уастырджы почти полностью совпадают с функциями Ашвинов, божественных близнецов, символизирующих в Ригведе третью функцию.

Статья написана при поддержке РФНФ, проект № 96-01-00400.

Ашвины (др.инд. asvinau, от asvin – «обладающие конями» или «рожденные от коня») в ведийской и индуистской мифологии божественные братья-близнецы, живущие на небе. В «Ригведе» им посвящено 54 гимна целиком (по числу упоминаний Ашвины идут сразу после Индры, Агни, Сомы). Наиболее полно функции Ашвинов были описаны В.Ф. Миллером (20).

Целью нашего исследования является определение места и функций Уастырджи в религиозно-мифологической системе осетин. Плодотворным, на наш взгляд, представляется обращение к идеологическим представлениям индоиранских племен. Реконструкция религиозно-мифологических моделей индоиранцев была осуществлена Д.С. Раевским (25). Мы же попытаемся сопоставить не отдельные божества религиозных пантеонов различных народов арийской группы, а религиозно-мифологические модели, используя сравнительно-мифологический, структурный и функциональный методы.

АШВИНЫ И УАСТЫРДЖИ

1. ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ СЮЖЕТЫ

Легенда о происхождении Ашвинов гласит, что Тваштар, один из древнейших богов, имел сына Трисираса (Триглава) и дочь Саранью. Дочь он отдал за Вивасвата, которому она родила двух детей Яма и Ями. Саранья, создав в отсутствие мужа себеподобную женщину, передала ей близнецов, а сама обернулась кобылой и убежала. Не заметив подлога, Вивасват прижил с подставной женой сына Ману, который был царственным ришием, а блеском подобен отцу. Но впоследствии Вивасват узнал о бегстве Саранью и сам, обернувшись конем, подошел к дочери Тваштара. Узнав его в виде коня, Саранью подбежала к нему... Плодом их союза в конском образе были два близнеца, Настасья (Nasatya) и Дасра (Dasra), которых чествуют на земле под именем Ашвинов» (21, с. 144-145; 20, с. 133).

Саранью индийского мифа, по мнению В.Ф. Миллера, находит аналогии в мифе о греческой Эринии-Деметре. Когда эта богиня бродила, отыскивая дочь, говорят, Посейдон преследовал ее своею любовью; тогда она обратилась в кобылу и стала пастись вместе с конями Онкея, но Посейдон открыл обман, сам обернувшись конем и совершил свое желание... От Посейдона родила Деметра Дочь, которой имя нельзя сообщить непосвященным, и коня Ариона (20, с.183).

Аналогичные мотивы содержатся в Нартовском эпосе осетин. Родоначальником нартвов был Уархаг. У него было два сына-близнеца Ахсар и Ахсартаг. Однажды, преследуя чудесную птицу, братья оказались и подводном царстве. Птица обернулась красавицей, дочерью владыки вод Донбеттыра. Ахсартаг женился на Дзерассе. По пути домой Ахсартаг нечаянно (или из ревности) убивает своего брата, а затем кончает с собой. Беременная Дзерасса вернулась в подводное царство к отцу и в урочное время родила двух близнецов, Урузмага и Хамыца... Дзерассу преследует Уастырджи. При жизни ей удается отделаться от его домогательств. Но после смерти он настаивает ее:

«...Уастырджи у дверей склепа оказался. Войлочной плетью хлестнул умершую Дзерассу, и женщина стала в сто раз краше, чем была. И прежде вошел к ней сам, потом коня своего к ней пустил, потом гончего пса.» От этого союза появились старший из всех коней – Чесана, старший из всех псов – Силама, старшая из всех женщин Сатана» (23, с. 24).

ИНДИЙСКАЯ МИФОЛОГИЯ

ГРЕЧЕСКАЯ МИФОЛОГИЯ

НАРТОВСКИЙ ЭПОС

1. Близнецы Яма и Ями.	1.	1. Дважды повторяется мотив близнецов: Ахсар и Ахсартаг, Урузмаг и Хамыц.
2. Саранью превращается в кобылу. Тваштар превращается в коня и соединяется с ней.	2. Эриния-Деметра преследуется Посейдоном. Обращается кобылой. Посейдон обращается конем и соединяется с ней.	2. Уастырджи оживляет умершую Дзерассу и входит к ней в облике коня, пса и человека.
3. Рождение двух близнецов - Ашвинов, имя которых - конники.	3. Рождение коня Ариона и дочери.	3. Рождение коня Чесаны, собаки Силама и дочери Сатаны.

По мнению А.И. Иванчика, название собаки Силам восходит к имени собаки Сарамы, вестницы Индры в Ригведе (16, с. 44).

Сравнение генеалогических сюжетов свидетельствует о том, что это три варианта одной мифологической темы.

2. НАЗВАНИЕ АШВИНОВ – КОННИКИ

Каково бы ни было первоначальное значение Ашвинов, отмечает В.Ф. Миллер, имя их asvinau происходит от asva – конь, и собственно значит имеющие коней, едущие на конях. Далее ученый делает примечание, что часто в ученых исследованиях Ашвинам дают значение всадников, верховых, и что такое значение для индийских Ашвинов неправильно, так как они никогда не являются верховыми, а едут всегда на колеснице (20, с.35).

В осетинском языке название лошади «бæх», восходит, по мнению В.И. Абаева, к кавказскому наследию. Но корень «asva» сохранился в осетинском названии чудесной породы коней – afsurg / afsorg (1, с.112) и в названии кобылы – jafs (1, с.563).

3. КНУТ

В.Ф. Миллер отмечал, что как у Индры перун (vagra-молния), так и у них, Ашвинов, есть орудие – кнут, капающий медом...и удар его приносит всякие блага (20, с. 22).

1.157.4. (Ригведа. Перевод Т. Елизаренковой)
Ашвины, привезите вы нам подкрепляющую силу,
Окропите нас медовым кнутом,
Продлите срок жизни, сотрите телесные повреждения,
Отвратите враждебность, будьте (нашими) товарищами.

Важнейшей принадлежностью Уастырджи в разных жанрах осетинского фольклора является кнут (*jæxs/æxsæ*), посредством которого он оживляет мертвых, лечит больных, осуществляет чудесные превращения. В Нартовском эпосе Уастырджи ударом кнута оживляет Дзерассу, лечит телесные повреждения. В сказках удар кнута превращает камни в пашни, виноградники, стада скота.

Характерно, что священные предметы, дарованные Йиме Ахура Маздой – это кнут и золотой рог (См. 19, с.6). (Йима в иранской мифологии первопредок человечества, культурный герой, устроитель социальной организации общества в эпоху тысячелетнего золотого века. Этимология его имени трактуется как «близнец», «двойник» (21, с. 599).

4. ПОКРОВИТЕЛИ ПУТНИКОВ

Ашвинов в Ригведе характеризуют как утешителей в пути.

5.73.9. (Ригведа. Перевод Т. Елизаренковой.)

А ведь правда же, о Ашвины,
Вас называют утешителями.
В пути вы лучше всех призываетесь,
В пути вы больше всех жалеете.

8.73.6. (Ригведа. Перевод Т. Елизаренковой)

...О Ашвины, лучше всех призываемые в пути,
Я молюсь о самой близкой дружбе,
Пусть ваша помощь будет рядом.

Уастырджи, согласно различным жанрам осетинского фольклора, в разных формах и образах покровительствует путникам. Покровительство его распространяется не только на мир земной, но и при переходе в мир загробный. Он дает коня, который переносит умершего в мир иной, ему приписывается обычай посвящения коня покойнику.

О летящий и гремющий Уастырджи!
Ты из жеребенка делаешь коня, из мальчика – мужчину!
Дай нам такого счастья,
Чтобы наши мальчики стали мужчинами,
Наши жеребята – конями!
Говорят, Уастырджи, ты бережешь путников, это от предков
осталось.

И в пути, и дома – мы твои гости!
Пусть по хорошим дорогам идут наши путники
И с полными руками приходят домой!..

Данная молитва как нельзя лучше сопоставляется с гимном Ригведы Ашвинам.

1.118.2. (Ригведа. Т. Е.)

...Сделайте наших коров набухшими от молока, скакунов резвыми!
Увеличьте мужское население среди нас!

5. ВРАЧЕВАНИЕ, ЦЕЛИТЕЛЬСТВО

В Ригведе Ашвины называются врачами богов, владеющими небесными лекарствами. Гимны, посвященные им, полны перечисления всяких услуг, оказанных Ашвинами людям, и перечислением лиц, которых они излечили от разных болезней – слепоты, хромоты, проказы...

1.157.4. (Ригведа. Т.Е.)

О Ашвины, привезите нам подкрепляющую силу,
Окропите нас медовым кнутом,
Продлите срок жизни, сотрите телесные повреждения...

1.157.6.

Ведь вы целители с целебными средствами...

В.Ф. Миллер отмечал, что одно из важнейших имен, прилагаемых к Ашвинам *dasra* (чудодейственные) и *purudansana* (богатые чудесами) (20, с.116). У осетин человек, занимающийся целительством, называется *dæсны*. Слово имеет в осетинском языке два основных значения: знахарь и искусный мастер. Согласно В.И. Абаеву, *'dæсны/dæsnī*, восходит к авестийскому *dæsina* (1, с.360). Нам представляется возможным сравнить осетинское *dæсны* с именем Ашвинов-целителей – *dasra*, *purudansana* – чудодейственные.

Важнейшая функция, которую выполняет в осетинском фольклоре Уастырджи, – это целительство, лечение больных, оживление мертвых. Для этого он пользуется своим кнутом, дыханием или чудесными лекарствами.

«Уастырджи подул на больного и тот стал лучше в семь раз, чем был». (17, с.76-78).

«Уастырджи хлестнул войлочным кнутом женщину и мальчика, и те ожили. Провел кнутом по носу Маргуца и нос вновь сел на место». (23, с.342).

6. ПОКРОВИТЕЛИ БЕДНЯКОВ

В.Ф. Миллер приводит легенду, в которой Ашвинам ставится в вину их близкие отношения с людьми, их врачебная практика. В Махабхарате говорится, что Ашвины – шудры, т.е. низшая каста среди богов (См. 20, с.181). На вопрос Ашвинов, почему их считают несовершенными, риши отвечает, что прочие боги совершают жертвоприношение в Курукшетр и исключают вас от участия в нем: потому вы несовершенны. Тогда Ашвины идут к богам и желают быть приглашенными, но боги говорят: мы не приглашаем вас потому, что вы близко держитесь к людям, странствуя и исцеляя. Тогда Ашвины обещают, как врачи, приставить голову жертве и боги принимают их (20, с.181).

То, что «унижает» Ашвинов, согласно легенде, среди богов (близость к людям), делает Уастырджи самым почитаемым среди осетинских дзуаров (святых – покровителей). В легенде «Кто самый почитаемый из осетинских дзуаров» рассказывается о том, как несколько дзуаров (Хуыцауы дзуар, Тбау-Уацилла, Аларды, Хоры-Уацилла и Уастырджи) отправляются в балц (путешествие). К вечеру они решаются

отдохнуть и поужинать. Один за другим они обращаются к чабану с просьбой дать им барана. Последний, узнавая путников, выказывает им свое недовольство и отказывает всем, кроме Уастырджи. Хуыцауы дзуара он винит в несправедном суде над бедняками; Аларды – за то, что насылают болезни; Тбау-Уацилла за то, что лишает бедняка урожая. Уастырджи чабан встречает со словами:

«Я узнал тебя, ты чистый Уастырджи, охранитель бедняков, слава тебе. Перед богом ты наш благодетель. Бедные и обиженные к тебе обращаются, ты их благодетель». (17, с.69).

7. ПОКРОВИТЕЛИ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ

В Ригведе Ашвины воспеваются как покровители земледелия. Им, согласно гимнам, принадлежит изобретение плуга и вспахивание первой пашни. В.Ф. Миллер отмечал, что название плуга в Ригведе загадочно. Если плуг назван «vrka», согласно с корневым значением этого слова – «терзающий, разрывающий», то представляется картина, в которой плуг разрывает землю, как волк животное. Или и здесь отголосок забытого мифа и под «vrka» нужно разумеать действительно волка (20, с.162). Сам В.Ф. Миллер был склонен переводить «vrka» как плуг, в переводах Т.Я. Елизаренковой «vrka» – это волк. Например:

1.117.21. (Ригведа. Перевод В.Ф. Миллера)
Сея, о Ашвины, хлеб плугом,
Источая пищу человеку, о чудесные,
Оглушая дасью бакурой,
Соделали вы пространный свет арийцу.

1.117.21. (Ригведа. Перевод Т. Елизаренковой)
Сея зерно, о Ашвины, вспахивая на волке,
Доя для человека подкрепляющий напиток,
Сдувая дасью с помощью бакуры,
Вы создали широкий свет для ария.

8.22.6. (В.Ф. Миллер)
Благодетельствуя Ману на небе
Вы пахали первую пашню плугом...

8.22.6. (Т.Я. Елизаренкова)
Давая вознаграждение человеку в самом начале дня,
Вы пашете ячмень на волке...

В осетинском языке название волка и плуга не совпадают. Как отмечает В.И. Абаев, *guton/goton* – плуг – общекавказское слово неизвестного происхождения. Если в конце видеть формант *ap*, то *kut* могло быть племенным названием, указывающим на происхождение данного вида орудия. Может быть, *kut* из *skut* – скиф. В этом случае название *skutan, kutan* – «скифский» (плуг) можно было бы связать с известной легендой скифов о получении ими плуга с неба (1, с.527).

Однако корень «vrka/varka» сохранился в мифологическом имени Нартовского эпоса. Лингвистический анализ позволил установить, что имя родоначальника нартов *Warhaq* есть не что иное, как старое осетинское слово, означавшее «волк» (древнеиранское *varka*) (9, с. 153).

В осетинском фольклоре плуг дается людям небожителями. В гимнах, посвященных Уастырджи, рассказывается о том, как изготавливался плуг. Самое активное участие в этом процессе принимает Тутыр, покровитель волков.

Изэды, дауаги собрались,
Решили сотворить для людей плуг,
Мастерски сделали его ...
Тотур сделал верхнюю часть,
Тотур сделал ярмо
И четыре занозки... (24, Гимн Уасгери. С.70)

В Нартовском эпосе плуг людям дарит Курдалагон – небесный кузнец. Имя Курдалагон, по мнению В.И. Абаева, содержит в себе три части (*Kurd-Ala-Wagon* – кузнец аланский (арийский) *Wærgon*). *Wærgon* соответствует по форме и содержанию латинскому *Vulkanus* и представляет закономерный вариант староосетинского названия волка (1, с.318). По другим вариантам Курдалагон дарит Сослану меч (фæринк-кард).

Уастырджи, согласно различным вариантам сюжета «Чем небожители одарили Сослана», дарит Сослану то «фæринк-кард», то коня. оговаривая при этом, что меч ему был подарен на пиршестве Курдалагоном.

С точки зрения структуры текстов, в которых говорится о появлении плуга у людей, в Ригведе, осетинском фольклоре, скифской генеалогической легенде, обращает на себя внимание общность мотивов.

1. Гимны Ригведы о возникновении плуга:

Плуг дается людям Ашвинами /верхний мир/.
Плуг носит общее название с волком /нижний мир/.

2. Осетинские гимны:

Плуг дается людям небожителями (Уастырджи) /верхний мир.
Активное и основное участие в изготовлении плуга играет покровитель волков Тутыр-Волк /нижний мир/.

3. Скифская генеалогическая легенда:

Плуг дается людям «небом» /верхний мир/.

4. Нартовский эпос:

Плуг дается людям через Сослана Курдалагоном, небесным кузнецом, имя которого содержит в себе староосетинское название волка. По-видимому, одной из причин такого сочетания /верх-низ/ является сама технология производства металлов /огонь – руда/.

В данной главе мы не ставим своей задачей анализ семантики символов мифологической темы о появлении плуга у людей, а хотим лишь проследить общность структуры и знакового языка в текстах Ригведы и осетинского материала.

Еще один образ, присутствующий в гимнах, посвященных Ашвинам и Уастырджи, – это перепелка. В Ригведе неоднократно повторяется мотив о том, что Ашвины спасли перепелку из пасти волка.

1.112.8. (Т.Е.)

Какими силами освободили проглоченную перепелку,
С этими самыми поддержками приходите сюда, о Ашвины!

1. 116. 14 (Т.Е.)

Воззвала к вам перепелка: «О Ашвины,
Когда вы освободили ее из пасти волка?»

В.Ф. Миллер уделил в своем исследовании мотиву перепелки и волка большое внимание. Констатируя, что с глубокой древности перепелка была олицетворением света и связана с рождением светлых божеств, ученый предположил сложность в вопросе о том, кого изображает миф под видом волка, схватывающего перепелку (20, с.142). В осетинских гимнах о появлении плуга, прославляющих Уастырджи и Тутыра, говорится:

И в тот год такой урожай уродился,
Что по верху там арба катилась,
Под ними (хлебами) перепелка резвилась... (24, с.70)

Таким образом, в гимнах, посвященных Ашвинам и Уастырджи, прослеживается общая композиция символов: Ашвины – волк – перепелка, Уастырджи – Тутыр – перепелка.

8. ПОКРОВИТЕЛИ СВАДЕБНОГО ОБРЯДА

Ашвины являются божествами – покровителями свадеб. Согласно одним гимнам, Ашвины являются мужьями дочери Солнца; по другим – Ашвины участвуют в свадебной процессии Сурьи, невесты лунного бога. Они играют роль сватов и покровительствуют свадебному обряду.

1.118.5.(В.М.)

Вот на вашу колесницу взмола юница,
Радостно – дочь Солнца, о два мужа Ваши великолепные летающие кони – ;

Красноватые птицы да повезут вас кругом в решающую минуту!

Свадебный гимн, обращенный к Ашвинам произносится, при проходах невесты из родительского дома.

10.40.12. (В.М.)

Ваше благословение низошло к нам, о дарообильные!

В сердцах, о Ашвины, успокоились желания;

Вы были стражами, близнецы, властители красоты!

Да достигнем мы, как желанные, жилища друга, то есть жениха.

Существуют многочисленные варианты песен, исполнявшихся на свадьбах, где рассказывается о том, как Уастырджи вместе с Николой или с кем-либо из других нартских героев или небожителей являются сватами к дочери Солнца. Развитие мифологического мотива о браке дочери Солнца с тем или иным мифологическим героем происходит на разных уровнях фольклорных жанров, дочь Солнца заменяется дочерью алдара и т.д. Неизменной остается роль свата, шафера Уастырджи в паре с небожителем.

В легендах Уастырджи помогает жениху преодолеть множество препятствий для согласия на брак.

Кого пошлем сватами?

Уасгерги, Никколу пошлем сватами,

Уасгерги и Никколу позвали,

О своем решении им рассказали,
К Солнцу послали их.

(24, Песня о сыне Татартупа Татаркане, с. 260)

В свадебной обрядности осетин при отправлении невесты из дома произносится молитва, обращенная к Уастырджи:

В дом пришло большое благо,
А благодетелем был великий Уастырджи,
Уастырджи тот, кто роднит,
Уастырджи тот, кто сближает,
Пусть те, кто сегодня роднится,
Будут так же счастливы,
Как те, что в добрый день породнились,
(В родстве) сблизились,
Уастырджи им дружкой был, Мады Майрам им крестной была,
Слава им, слава!
О славный Уасгерги, покровитель путников,
Даруй этой девушке хорошую дорогу!.. (24, с.280).

9. ПОКРОВИТЕЛЬСТВО ЗАЧАТИЮ И ДЕТОРОЖДЕНИЮ

Согласно гимнам Ригведы, Ашвины покровительствуют зачатию и деторождению.

1.157.5 (В.М.)

Ведь вы влагаете зародыши в женские существа,
Вы – внутри всех созданий; Вы, о богатыри Ашвины,
возбудили огонь, воды и деревья.

В традиционных представлениях осетин зачатию и деторождению покровительствует Мады Майрам, покровительница женщин. Появление этого образа, воспринявшего черты древнеосетинского божества, в религиозном пантеоне осетин связано с принятием христианства. Однако Мады Майрам в песнях и молитвах осетин часто стоит рядом с Уастырджи, выполняя свою «близнечную» функцию.

Когда ее [невесту] увозили, то шафером ее был Уасгерги,
Посаженной матерью – Мады Майрам (24, с. 103-104).

10. ПОКРОВИТЕЛИ МОРЕПЛАВАТЕЛЕЙ

Мотив о спасении Ашвинами утопающих неоднократно повторяется в Ригведе. Называется имя спасенного – Бхуджью, сын Тугры.

1.182.5(Т.Е.)

Вы создали среди вод для сына Тугры

Этот одушевленный крылатый челн,

На котором вы с божественным разумом вывели (его).

Вы улетели, легко летя из этого потока.

О том, что предки осетин в древности были знакомы с морем, свидетельствует тот факт, что в осетинском пантеоне существуют божества, покровители мореплавателей. Это Уастырджи и Никкола. Никкола, как спаситель терпящих крушение мореплавателей, встречает-

ся в гимнах и молитвословиях восточных осетин — дигорцев. Уастырдж — у иронцев. Характерным для дигорских текстов является «близнечность» Уасгерги и Никколы.

Однажды бедный народ плыл по морю,
Когда они доплыли до середины моря,
Тогда настигла их большая буря,
Корабль их разбился о камни...
Туда ведь услышал Никкола мольбу бедняка,
В тот же час он исчез из Среды ангелов,
Опустился он на море к бедному народу,
Вывел он из моря бедных людей на сушу,
Из их корабля тоже ни куску доски,
Ни ломаному гвоздю, не дал пропасть,
Да будет ему табу!.. (24, Песня о Никколе, с. 41-42).

Аналогично прославляется Уастырдж. В молитве при вступлении невесты в дом жениха говорится:

Добрый Уастырдж, спасающий корабли в море! (24, с. 125).

Обращает на себя внимание осетинское слово *пау/пауæ* — корабль. В.И.Абаев считает, что слово «пау» восходит к иранскому «*paaw*». А если учесть, что предки осетин были хорошо знакомы с морем (*furd*, *denguz* — море), то можно с большой долей вероятности предположить оригинальность слова «*paaw*» в осетинском (2, с. 162).

Вопрос о том, что означает море в Ригведе, представлялся В.Ф. Миллеру дискуссионным. Как отмечает Т.Я. Елизаренкова, независимо от того, знали ли ведийские арии море, в Ригведе отмечены слова «*paau*» и «*paava*» — «лодка», «ладья» (15, с. 560).

УАСТЫРДЖИ И ИНДРА

Уастырдж обнаруживает много общих черт с Индрой — главой пантеона Ригведы, богом грозы и войны. Подобно Уастырдж, Индра принадлежит к наиболее антропоморфным богам древнеиндийского пантеона. В Ригведе подробно описывается его внешний вид (части тела, лицо борода...).

Основной миф Ригведы, повторяющийся из гимна в гимн, повествует о том, что Индра убил Вритру-змея, развалившегося на горе и запрудившего течение рек, чем дал свободно течь рекам, которым он пробуровил русла.

Второй по значимости миф, связанный с Индрой, — это освобождение коров, спрятанных демоном Вала в скале. Индра отправляется на поиски коров, вступает в бой с демоном, разбивает скалу и выпускает коров. Этот подвиг Индра совершает с помощью божественной собаки Сарамы и семи ангирасов (класс полубогов, сыновей Неба) (Ригведа, 3,31). Исследователи обратили внимание на общность имен мифологических собак Ригведы и Нартовского эпоса. Это спутница Индры собака Сарамы и связанная с Уастырдж собака Силам (16, с. 42). В генеалогическом сюжете мы оговорили мотив рождения от Уастырдж и дочери владыки вод Дзерассы коня, девочки и собаки. По ряду

вариантов, отцовство приписывается самому Уастырдж, его коню и псу. Однако, как отмечает К.К. Кочиев, не может быть сомнений, что это искажение первоначального варианта, в котором отцом всех выступал сам Уастырдж в трех ипостасях: в виде волка-пса, коня в антропоморфном виде (18, с. 61).

По мнению исследователей, миф Вала представляет своего рода дублет мифа об убийстве Вритры. К тому же имена Вала и Вритры происходят от одного глагольного корня «*vaṅ*» — «охватывать», «препятствовать». Как отмечает Т.Я. Елизаренкова, по-видимому, существовала некая «прамодель»: Бог разбивает преграду, служившую для нормального функционирования элементов космоса и необходимых для ария благ (14, с. 495).

В легенде «Цæмæн у Уастырдж Лæгты дзуар» («Почему Уастырдж называют Лæгты дзуар») мотив убийства змея, препятствующего доступу людей к воде и насыщению коров водой, прорывающих русла рек, излагается в прямой последовательности.

«Уастырдж на своем белом коне отправился и видит: на берегу реки — девушка. Плачет, убивается. Уастырдж спросил:

— Что случилось, хорошая девушка, почему ты здесь?

— Что я могу поделать, наше большое село каждый год отдает дракону девушку, чтобы он позволял нам брать воду. Я у родителей одна, и настал наш черед. Я засватана, и отец сказал мне: «Иди, может, пожалеет тебя чудовище». Жених мой в дальнем походе. Сейчас дракон проглотит меня. А отец с матерью мои сокрушаются.

— Ну если так, то не бойся, — сказал Уастырдж, — иди домой, а я найду средство помочь тебе.

В это время дракон поднялся к тому месту, где сидела девушка. Уастырдж, сидя на своем белом коне, всадил ему копьё в бок, прижал к земле и убил его. Дочь с доброй вестью поспешила к родителям...

Большой черный бык и большой белый бык были отпущены к воде и с жадностью напились воды. На обратном пути большой черный бык оторвал берег реки, а большой белый бык немного выше (в смысле пробуровили русла рек — Г.В.). Слух прошел по большому селу и люди хлынули за водой» (17, с. 59).

Основные мотивы:

Убийство дракона.

Освобождение девушки.

Освобождение вод.

Насыщение скота водой.

Итак, материалы осетинского фольклора свидетельствуют, что Уастырдж / Уасгерги совмещает в себе функции и черты Ашвинов и Индры.

Не вызывает сомнения и то, что Уастырдж были присущи функции Митры-Варуны. Клятвенные формулы обращения к Уастырдж в ритуальной практике осетин в случае арда (присяга, клятва) подтверждают функциональную близость этих божеств. Например, у Б.Т. Гатиева в работе «Суеверия и предрассудки у осетин» мы находим пример такой присяги. В том случае, если медиаторский суд не мог установить истину, а истец не принимал ничего кроме арда, однофа-

милец обвиняемого, если был уверен в невинности его, брал смелость принять ард в кувандоне (мопельне) святого патрона своего селения — Уастырджи, Рекома или Мыкалгабырта и проч.

Явившись с тремя или более свидетелями к мопельне своего патрона, он, сняв шапку и став лицом к востоку, произносил:

«О, Творец неба и земли, великий бог! Все мы созданы тобою и живем под Тобою! О, Уастырджи! Поверни лицо твое на нас, верный защитник правого и беспощадный каратель виновного, с этими людьми я пришел к твоей мопельне, дабы под тобой найти правду — открыть преступника и оправдать невинного; от тебя не скрыты тайны человеческие, ты дела людей взвешивавшь на весах твоего правосудия, ты ведаешь, виновен ли такой-то мой родственник в таком-то преступлении или нет, потому и зываю к тебе: о, мощный светлый святой Уастырджи!» (11, с. 76-78).

Таким образом, Уастырджи связан с понятием ард, которое этимологически восходит к важнейшему понятию в мировоззрении ведических ариев — рита (rita), означавшему наряду с вселенским, космическим законом, которому подчинялось все сущее (боги, светила, люди) понятие правды, истины. Собственно, сама процедура присяги у осетин (ард) и означала установление истины. Хранителем риты в Ригведе, по представлениям ведических ариев, выступал Митра-Варуна.

Приведенный материал свидетельствует о том, что Уастырджи была присуща не только функция бога войны, соответствующая Индре, но и две другие функции — Митры-Варуны и Ашвинов. Таким образом, Уастырджи объединяет одновременно три функции: жреческую, военную и плодородия. Исходя из этого, мы можем с уверенностью сказать, что эволюция образа Уастырджи в религиозном сознании осетин происходила не от скифского или аланского бога войны, а, следовательно, не из трехфункциональной религиозно-мифологической модели.

ТАРГИТАЙ И УАСТЫРДЖИ

Важнейшее место в скифской мифологии занимает Таргитай, божество телесного мира, первочеловек, создатель природного и социального космоса. Данный образ нам известен по «Истории» Геродота.

«Скифы говорят, что народ их моложе других, и произошел следующим образом: в их земле, бывшей безлюдной пустыней, родился первый человек, по имени Таргитай; родителями этого Таргитая они называют, по моему мнению, неверно, Зевса и дочь реки Борисфена. Такого-де происхождения был Таргитай, а у него родились три сына: Липоксай, Арпоксай и младший, Колаксай. При них упали с неба на скифскую землю золотые предметы: плуг, ярмо, секира и чаша...»

«...Геракл, гоня быков Гериона, прибыл в страну, которую теперь занимают скифы и которая тогда еще не была заселена. ...Оттуда прибыл-де Геракл в страну, называемую ныне Скифией, и тогда его застигли вьюга и мороз, то он закутался в львиную шкуру и заснул, а в это время его лошади каким-то чудом исчезли из-под ярма.»

«Проснувшись, Геракл стал искать их и, исходив всю землю, пришел, наконец, в так называемое Полесье; тут он нашел в пещере

смешанной породы существо, полудеву-полуехидну, у которой верхняя часть тела от ягодиц была женская, а нижняя змеиная. Увидев ее и изумившись, Геракл спросил, не видела ли она где-нибудь заблудившихся кобылиц; на что она ответила, что кобылицы у нее, но что она не отдаст их ему, прежде чем он сообщится с нею; и Геракл сообщил-де за эту плату, но она все откладывала возвращение лошадей, желая как можно дольше жить в связи с Гераклом, тогда как последний желал получить их и удалиться. Наконец, она возвратила лошадей со словами: «Я сберегла тебе этих лошадей, забредших сюда, и ты оплатил мне за это: я имею от тебя трех сыновей...»

Исследователи выделяют следующие мотивы мифологической биографии Таргитая.

Таргитай — первочеловек, богочеловек.

Тройственная природа Таргитая.

Убийство дракона.

Союз с нимфой.

Рождение трех сыновей, символизирующих три зоны природного и социального космоса.

Освобождение женщин.

Связь с ритой / артой.

В данной части исследования мы рассмотрим общие для Таргитая и Уастырджи фольклорные мотивы.

БОГОЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ПРИРОДА ТАРГИТАЯ И УАСТЫРДЖИ

Богочеловеческая природа Таргитая ясна. Он является сыном Неба и Земли, первочеловеком, первопредком, божеством телесного мира (25, с. 81). Богочеловеческая природа Уастырджи не рассматривалась исследователями.

В легенде «Уастырджи зæд куыд фестад» («Как Уастырджи стал святым») религиозно-мифологическое сознание осетин пытается осмыслить богочеловеческую природу Уастырджи. Небольшой по размеру текст представляет необыкновенный интерес тем, что в нем переплелись разные религиозные традиции — староосетинская и христианская.

«КАК УАСТЫРДЖИ СТАЛ СВЯТЫМ»

Уастырджи был уважаемым и благородным человеком. Господь его очень любил. Уастырджи не был христианином. Господь хотел сделать его святым, но тот не соглашался. Тогда Тутыр сказал Богу: «Я помогу тебе сделать его святым».

Тутыр пришел к Уастырджи и сказал ему: «Пойдем в набег. Из-за моря принесем много добра». Уастырджи согласился.

Утром собрались в путь. Когда доехали до моря, Тутыр пустил своего коня. Его лошадь шла по воде так же, как и по суше, не тонувла. Тутыр обратился к Уастырджи: «Пусти в море своего коня, если ты мой друг». Уастырджи сперва не смел, но когда Тутыр обратился к нему, конь начал захлебываться и, по замыслу Тутыра, начал тонуть. Уастырджи закричал: «Гей, мой друг, пропадаю». Ту-

с тремя зонами мироздания. Это толкование, как отмечает Д.С. Раевский, вполне согласуется с образом Таргитая как триединым воплощением телесного мира (25, с. 85).

В широком смысле мотив рождения у Таргитая трех сыновей является для мифологического сознания способом создания мифопоэтической модели природного и социального космоса. Для этого используется числовая символика (три сына) и имена сыновей, символизирующих три зоны мироздания (Колаксай – Солнце-царь, Рипоксай – Гора-царь и Арпоксай – Владыка глубин (5, с. 242, 243). Аналогичные функции выполняет миф о рождении у Уастырджи и нимфы Дзерассы коня, дочери и собаки.

Функция организации природного и социального космоса у Таргитая и Уастырджи:

Таргитай (Геракл) и змееногая богиня – три сына
Колаксай (солнце-царь) – верхний мир
Рипоксай (гора-царь) – средний мир
Арпоксай (глубина-царь) – нижний мир

Три зоны мироздания закодированы посредством антропоморфного (сыновья Таргитая) кода.

Уастырджи и дочь реки Дзерасса
Конь (Солнце) верхний мир
Девочка (Социум) средний мир
Собака (Хтоники) нижний мир

Три зоны мироздания закодированы посредством антропоморфного (девочка-Сатана) и зооморфного (конь, собака) кода.

ДРАКОНОБОРЧЕСТВО, ЗМЕЕБОРЧЕСТВО

Д.С. Раевский отметил, что упоминание в связи с Таргитаем быков Гериона, имеет смысловую нагрузку и отражает определенную черту в его мифологической биографии. Напомним, что десятый подвиг Геракла – это убийство чудовища Гериона, имевшего три головы и три сросшихся туловища (21, с.279). Тожественный мотив прослеживается и в биографии Траетаоны. Он победил трехглавого дракона Ажи-Дахака, освободил в ходе подвига его жен, семантически тождественных мифическим коровам (23, с.82). Победа над трехглавым чудовищем и освобождение быков упоминается и в мифе об индийском аналоге – Трите (Ригведа, 10,88).

Уастырджи, согласно легенде, в ходе своего подвига – убийство дракона, также освобождает девушку и воды, насыщает белого и черного быка водой.

«Уастырджи на своем белом коне отправился и видит: на берегу реки – девушка. Плачет, убивается. Уастырджи спросил:

– Что случилось, хорошая девушка, почему ты здесь?

– Что я могу поделать, наше большое село каждый год отдает дракону девушку, чтобы он позволил нам брать воду. Я у родителей одна, и настал наш черед. Я засватана, и отец сказал мне: «Иди,

может, пожалеет тебя чудовище». Жених мой в дальнем походе. Сейчас дракон проглотит меня. А отец с матерью мои сокрушаются.

– Ну если так, то не бойся, – сказал Уастырджи, – иди домой, а я найду средство помочь тебе. В это времена дракон поднялся к тому месту, где была девушка. Уастырджи, сидя на своем белом коне, всадил ему копьё в бок, прижал к земле и убил его. Дочь с доброй вестью поспешила к родителям.

– Ты обманываешь, – сказали отец с матерью. – А ну-ка, пустите белого и черного быка к воде.

Пустили белого и черного быка к воде и те досыта напились. По пути домой черный бык оторвал берег в одном месте, а белый – немного выше. Прошла весть по большому селу, и хлынул народ за водой».

УАСТЫРДЖИ – ПОКРОВИТЕЛЬ ЛЮДЕЙ

Имя Уастырджи в религиозно-мифологическом сознании осетин находится под запретом для женщин. Они называют его «Лæгты дзуар», что осмысливается как «покровитель мужчин», «бог мужчин». Однако фольклорные источники свидетельствуют о неоднозначности значения имени «Лæгты дзуар». Данное имя состоит из двух слов: лæг и дзуар. Слово «лæг» в осетинском языке означает – мужчина, человек; «дзуар», происходя от грузинского дзвари – крест, в осетинском означает – святой, божество. В легенде, которая так и называется «Цæмæн у Уастырджи лæгты дзуар» («Почему Уастырджи покровитель мужчин»), данное имя совершенно не связано с покровителем мужчин, а имеет значение – «покровитель людей». Уастырджи в легенде выполняет следующие функции:

1. Помощь бедняку.
2. Целительство.
3. Змееборчество и освобождение вод.
4. Покровительство брачующимся.

Из данных четырех функций три являются функциями Ашвинов и две (3) – Индры. Но общий смысл предания сводится к тому, что Уастырджи покровительствует и помогает людям, а имя «Лæгты дзуар» в данном контексте означает «Покровитель людей».

«ПОЧЕМУ УАСТЫРДЖИ «ЛАГТЫ ДЗУАР» (17, с.57-59)

Уастырджи был земным святым и с небожителями сидел за одним столом.

Когда-то давно хозяева рек и вод никому не разрешали брать воду без дани. Одно село из года в год платило дань дракону девушками. В один год – один дом, в другой – второй и так по очереди. Уастырджи видел это и казалось ему это дело оскорбительным.

Однажды спустился он на своем белом коне с небес к земным людям и стал обходить их. В одном месте бедный человек вез дрова, и у него в грязи сломались сани. Не в силах вытащить их, он решил пойти в село за помощью. Быков с дровами поручил молитвой покровительству Уастырджи. Когда бедняк скрылся, Уастырджи превратил сани в новые, запряг быков и пустил их. Бедняк, вернувшись с помощью, увидел, что дрова его сложены на новых санях и быки везут их. Он очень обрадовался.

Уастырджи отправился дальше и видит: в праздничный день у бедняка заболел ребенок и находится при смерти. Был день святого Уастырджи и бедняк мучился: принести ли жертву для праздника или для поминок. Уастырджи пришел под видом старика и поздоровался. Хозяин обратился к нему:

— Заходи, гостем будешь, ведь праздник сегодня!

Уастырджи зашел в дом, и опять хозяин обратился к нему:

— Не смейся надо мной, с одной стороны сегодня день Святого Уастырджи, с другой — дом мой ждет покойника, и я не знаю, как мне поступить. Уастырджи ответил:

— Молись своему святому и не бойся за больного!

Хозяин отправился в хлев за жертвенным животным. В это время Уастырджи подул на больного, и тот стал в семь раз лучше, чем был. Мальчик с улыбкой выбежал к отцу. Хозяин воскликнул с удивлением:

— Стань златокрылым, Лæгты дзуар, и пусть твое имя и для последнего будет надеждой!

Уастырджи на своем белом коне отправился и видит: на берегу реки — девушка и плачет, убивается. Уастырджи спросил:

— Что случилось, хорошая девушка, почему ты здесь?

— Что я могу поделать, наше большое село каждый год отдает дракону девушку, чтобы он позволил нам брать воду. Я у родителей одна, и настал наш черед. Я засватана, и отец сказал мне: «Иди, может, пожалеет тебя чудовище». Жених мой в дальнем походе. Сейчас дракон проглотит меня. А отец с матерью мои сокрушаются.

— Ну если так, то не бойся, — сказал Уастырджи, — иди домой, а я найду средство помочь тебе.

В это время дракон поднялся к тому месту, где сидела девушка. Уастырджи, сидя на своем белом коне, всадил ему копые в бок, прижал к земле и убил его. Дочь с доброй вестью поспешила к родителям.

— Ты обманываешь, — сказали отец с матерью. — А ну-ка,пусти-те белого и черного быка к воде.

Пустили белого и черного быка к воде, и те досыта напились. По пути домой черный бык оторвал берег в одном месте, а белый — немного выше. Прошла весть по большому селу и хлынул народ за водой.

Правитель села предлагал дары Уастырджи, но тот не принял их, а велел раздать беднякам.

Уастырджи отправился дальше. В пути он встречается плачущего жениха девушки и успокаивает его, помогает побыстрее вернуться домой. Когда парень вернулся, устроил свадьбу. В первую очередь выпили за Уастырджи. С этих пор Уастырджи считается «Лæгты дзуар».

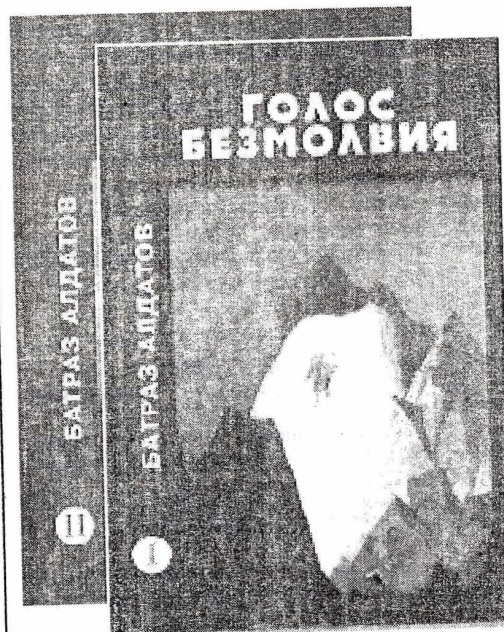
Таким образом, согласно фольклорным источникам осетин, имя Уастырджи — «Лæгты дзуар» имеет три значения:

1. Покровитель мужчин — лæгты дзуар.
2. Покровитель людей — лæгты дзуар.
3. Человек-святой — лæг-дзуар.

Итак, анализ функций Уастырджи свидетельствует о том, что он объединяет в себе жреческую, военную и хозяйственную функции одновременно. Эволюция данного божества осетинского пантеона происходила не от скифского или аланского божества войны, и прообраз его надо искать не в трехфункциональной модели мира. Наиболее близок Уастырджи скифскому Таргитаю, с которым он связан не только функционально, но и этимологически.

ЛИТЕРАТУРА

- Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка (ИЭСОЯ). Т.1. -М.-Л.: Наука, 1958.
- ИЭСОЯ, Т. 2. — Л.: Наука, 1973.
- ИЭСОЯ, Т. 3. — Л.: Наука, 1979.
- ИЭСОЯ, Т. 4. — Л.: Наука, 1989.
- Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор, Т.1. — М.-Л., 1949.
- Абаев В.И. Нартовский эпос осетин // Абаев В.И. Избр. тр. Религия. Фольклор. Литература.— Владикавказ: Ир, 1990, Т.1.
- Абаев В.И. Происхождение осетинских фамильных имен Sægæzontæ и Aghuzatæ//Абаев В.И. Избр. тр. Религия. Фольклор. Литература.— Владикавказ: Ир, 1990, Т.1.
- Абаев В.И. Дохристианская религия алан // Абаев В.И. Избр. тр. ...
- Абаев В.И. Опыт сравнительного анализа легенд о происхождении нартов и римлян // Абаев В.И. Избр. тр.
- Бзаров Р.С. Древняя традиция в общественном строе осетин-алагирцев первой половины 19 века// Проблемы исторической этнографии осетин. Орджоникидзе: Ир, 1987.
- Гатиев Б.Т. Суевия и предрассудки у осетин// Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1876, ч.3.
- Джигоев Х.С. Бæгъатыр. Йæ равзæрд// Рæстдзинад, 1979, 3 января.
- Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев. М.: Наука, 1986.
- Елизаренкова Т.Я. «Ригведа» — великое начало индийской литературы и культуры// Ригведа. Мандалы 1-4. М.: Наука, 1989.
- Елизаренкова Т.Я. Мир. Идей ариев Ригведы // Ригведа. Мандалы 4-8. М.: Наука, 1995.
- Иванчик А.И. Воины-псы. Мужские союзы и скифские вторжения в переднюю Азию// СЭ, 1988, № 5.
- Ирон таурæгътæ (Осетинские предания) (на осетинском яз.). Орджоникидзе, 1989.
- Кочиев К.К. Тутыр — владыка волков//ИЮОНИИ, вып. 31, 1987.
- Мачинский Д.А. Земля Аримпасов в античной традиции и простор ариев в «Авесте»// Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. Материалы международной конференции. СПб., 1996.
- Миллер В.Ф. Очерки арийской мифологии в связи с древнейшей культурой. Асвины-Диоскуры. Т.1. М., 1876.
- Мифы народов мира. Т.1. М.: СЭ, 1991.
- Мифы народов мира. Т.2. М.: СЭ, 1992.
- Нарты. Осетинский героический эпос. М.: Изд. Вост. Лит., 1989.
- Памятники народного творчества осетин. Трудовая и обрядовая поэзия осетин (на осетинском. яз.). Владикавказ: Ир, 1992.
- Раевский Д.С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. М.: Наука, 1977.
- Ригведа. Мандалы 1-4. М.: Наука, 1989.
- Ригведа. Мандалы 5-8. М.: Наука, 1995.
- Чибиров Л.А. Народный земледельческий календарь осетин. Цхинвал: Иристон, 1976.

Тамара
ХЕТАГУРОВА

ВОСХОЖДЕНИЕ

Как свежо в памяти — первое знакомство с Батразом Алдатовым. К нему привели меня будничные заботы корреспондента: газете нужна была авторская статья компетентного сотрудника уголовного розыска. Не помню, откуда выплыла фамилия «Алдатов», мне она ни о чем не говорила и, признаюсь, я была готова к тому, что придется писать за автора. Первый разговор у нас состоялся на ходу в длинном коридоре МВД: Батраз Константинович торопился на совещание к министру. «Что интересует газету?» — спросил он. Следующим был вопрос: «Когда вы ждете статью?» «В пятницу» — ответила я, уверенная, что за три оставшихся дня он, конечно, ничего не успеет написать.

Но в установленный день розыскник позвонил в редакцию и сообщил, что «сейчас привезут материал». Написан он был столь безукоризненно, с таким глубоким пониманием совокупности всех социальных и экономических проблем, порождающих коррупцию, что в редакции обрадовались: нашелся хороший автор.

Много позже я оказалась одной из очень немногих, кто знал: полковник милиции, заместитель начальника управления уголовного розыска республики Б.Алдатов пишет стихи. Однажды он протянул мне папку: «Прочти, если заинтересуют». Уже зная его уровень (один из образованнейших людей в Осетии), я все же приступила к чтению с некоторым скепсисом: поэзия для меня — это приют исключительно избранных.

О небо — чудный мир живой
С душою, сердцем и очами;
Не любовался лишь слепой
В наряде дивном небесами.
Когда восток рассветом дышит,
Завесу ночи приоткрыв,
И облак сонмы светом лижет
Луч солнца, как морской прилив,
Брега песчаные ласкает,
Тогда свой утренний наряд,
Проснувшись, небо надевает
И голубой пленящий взгляд
На землю бережно роняет.
(«В пути с Христом»)

Эти строки убеждали, что поэзия для автора — не самоцель (он много лет писал «в стол» и не рвался к публикации), что он начал в литературе не с нуля, а с того огромного опыта, что был создан до него на ниве Слова. Поэтому он так решительно распахнул Дверь в нечуждую ему обитель. Поблагодарим его за этот поступок, тем более, что ему есть что сказать, есть к чему призвать.

Стань человеком
Новой Эры!
Не упусти свой хрупкий шанс!
(«Голос Безмолвия»)

Автор объясняет, почему так важно стать человеком с чистыми помыслами:

Там, на неведомых
скрижалях
Небесных все отражены
Слова рожденные,
желанья,
Поступки, мысли и мечты.

Человек без веры — ничто. Не единожды было сказано об этом поэтами всех времен. Но нам-то, живущим сегодня в «наземном аду» (И.Гуржибекова), как не услышать сказанное рядом:

Когда гниет
духовное начало,
В народной тьме
рождается пророк.
Духовности когда
в сознании мало,
То в подсознание
стучится Духом Бог.
Но если нет ни Бога, ни пророка,
Их заменяет серый трон порока.
(«Трон порока»)

Если это справедливо сказано, — у кого сильно болит, тот и кричит громче, — то потомки наши услышат голос поэта Алдатова и схватятся за голову, узнав, какие мы, сегодняшние. Двухтомник «Голос Безмолвия» лучше всяких исторических книг расскажет о времени и о тех, кто это время осквернял и кто пытался спасти его.

В России миссии
Космический Кавказ —
Могучий судьбоносный камен
преткновенья.

Кавказ, Кавказ...
Коррида двух миров.
Восток и Запад здесь
Огнем Россию истязают.
(«Осетия на путях космических»)

Эти строки требуют пристального всматривания и вчитывания, потому что они весомы, потому что открывают нам широкую перспективу сотрудничества с автором во имя уз-на-ва-ния. Времени. Себя. Себя в этом Времени. Будущего. И прошлого. «Великоглупости узда» — это рок России и начало всех бед народных. Одна из них — современные этнические войны. Как видятся они Б.Алдатову?

Все человеки — братья
по природе.
В единой бионии
со-живя,
Не сознают в единости
свободу
И в этно-расовых различиях горят.

А что предлагает поэт?

У братьев есть одна
стезя прозренья —
Сердец и душ их Духом
озаренье.
(«Все человеки — братья»)

От коротеньких лирических философских этюдов до поэм самые основные, несущие строки — о необходимости сеять добро. Б.Алдатов любит своего собеседника и называет его то «брат», то «друг», но чаще — «путник», «идуший», «искатель». В последних обращениях особый смысл: поэт верит, что читатель не отвергнет необходимости духопоиска.

Открываем второй том «Голоса...» — как легко, без натуги преподносится нам античность. Потому, что для самого автора она — обычна. В «Гимне Матери Мира» встречаются имена — Эйфос, Воглея, Аменти, Атлантида, Дурга. Любопытный читатель найдет тут же необходимые к ним пояснения. Умышленно говорю «любопытный читатель» (пусть простится мне невольный плагиат), ибо поэзия Б.Алдатова адресуется серьезночитающей публике. По счастливой случайности здесь же, в книге, приведены слова французского историка Э.Фаже, заметившего, что «...книги, не заслуживающие медленного (вдумчивого. — Т.Х.) чтения, не заслуживают, чтобы их читали». Б.Алдатова надо читать. Не только потому, что он — индивидуален в особом складе ума и форме художественного воплощения своего мироощущения. Читать его необходимо, потому как он открывает нам необжитые нами (по причине слепоты нашей) пространства. Это и Безмолвие, голос которого не всем дано услышать. Это и лоно Света, куда надо направить течение мыслей, ведь по Алдатову

Нет чистых помыслов
Энергии сильней.
(«Свободный человек»)

Читать Б.Алдатова нужно и потому, что книги его помогают не оскотиниться, не думать о брюхе, когда

... Этносознание, Осетию,
Кавказ, Россию в прах
Стереть стремится время
(«Осетия на путях космических»);

когда «процесс разрушения осетинского народа, личности осетина, генетического носителя определенной духовной и физической программы нации, за последние годы принимает обвальный характер» (Е.Газданова: «Мы и вечность»). В этом тоже ЗНАК (беды ли, восхождения ли), что книга Елены Агубеевны с той же пронзительной болью вышла почти одновременно с алдатовскими. Читать такие книги — значит восходить к пониманию высшего назначения человека.

ИРЬИ

ВЛАДИКАВКАЗ

1 • 9 • 9 • 8

Компьютерный набор
Л.Т. Хаблиева

Компьютерная верстка
Э.А. ЛАВРОВСКАЯ

ИНДЕКС 78668